

**ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ**
в Российском государственном архиве социально-политической истории
3–4 апреля 2019 года

Организаторы конференции
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

При поддержке
ФОНДА «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

Оргкомитет конференции
Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники,
к.и.н. А. К. Сорокин (РГАСПИ) (председатель); д.и.н., проф. А. Б. Безбородов (РГГУ);
к.и.н. А. В. Лукашин (РГАСПИ) (ответственный секретарь); д.и.н. Ю. А. Петров (ИРИ РАН);
д.и.н., проф. Ю.А. Шутов (МГУ им. М. В. Ломоносова); к.и.н. Д. В. Фомин-Нилов (ГАУГН)

Почетный председатель конференции
академик Российской академии наук
В. С. Мясников

Программный комитет конференции
д.и.н., проф. А. В. Репников (РГАСПИ) (председатель);
д.полит.н., проф. А. А. Шириняц (МГУ им. М. В. Ломоносова);
к.и.н. К. М. Андерсон (МГУ им. М. В. Ломоносова); к.и.н. О. А. Шашкова (РГАСПИ),
к.полит.н. А.В. Мырикова (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Информационная поддержка
Редакция журнала «Исторический архив»
Редакция журнала «Российская история»
Электронный научно-образовательный журнал «История»
Группа РГАСПИ в социальной сети «ВКонтакте»
Страница РГАСПИ в социальной сети «Facebook»

Место проведения
г. Москва, улица Большая Дмитровка, 15,
РГАСПИ

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник
избранных
статей
участников
Девятой
международной
научной
конференции
молодых ученых
и специалистов*

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник избранных статей участников
Девятой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Qlic 2019

Организаторы

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

При участии

РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
ЦЕНТРА ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

При поддержке

ФОНДА «ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО
ВРЕМЕНИ

*Сборник избранных статей участников
Девятой международной конференции
молодых ученых и специалистов*

Оlio 2019

РОССПЭН
Москва
2019

УДК 930
ББК 63
Л38

*Издание подготовлено и осуществлено
при финансовой поддержке
фонда «История Отечества»*

*Редакционная коллегия:
Н.М. Волхонская, Е.М. Григорьев,
А.В. Лукашин (отв. секретарь), Н.А. Лысенков,
А.К. Сорокин (отв. редактор), М.А. Тимофеева*

Л38 **Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени :** Сборник избранных статей участников Девятой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Слио-2019» [отв. редактор А.К. Сорокин]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 190 с.

ISBN 978-5-8243-2330-6

В сборник включены избранные статьи участников Девятой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Клио», состоявшейся в Российском государственном архиве социально-политической истории 3–4 апреля 2019 г.

Доклады посвящены актуальным историко-архивным проблемам, важным сюжетам археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. В 2019 году исполняется 100 лет с момента создания Коминтерна, в связи с этим центральной темой конференции стала история левых идеологий, движений и организаций. На конференции состоялось обсуждение не только содержательных проблем истории левой альтернативы, но и вопросов выявления, хранения, использования и репрезентации в публичном пространстве соответствующих архивных комплексов.

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-8243-2330-6

© Российский государственный архив
социально-политической истории, 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ. ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА

Мировая политическая история XX века прошла под знаком левой альтернативы. Зримым воплощением леворадикальной (коммунистической по самоназванию) формы государства стал Советский Союз, лидеры и идеологи которого до последнего противопоставляли себя международному социал-демократическому движению и так называемому «еврокоммунизму», искавшему возможности творческого соединения этих двух начал. Едва ли не самой массовой левой международной организацией стал Коммунистический Интернационал. Учреждение Коминтерна в Москве в 1919 году стало прямым результатом переворота, совершенного российскими большевиками в октябре 1917 года. Трансформация переворота в полномасштабную социальную революцию открыла перспективу реализации левой альтернативы общественного развития в ее крайне радикальных формах, предложив для этого организационную структуру сетевого типа. Коминтерн объединил в своих рядах «строителей нового мира» – революционеров, мечтавших о новой справедливой социальной реальности, созданию которой они решили посвятить свои жизни. Вслед за Коминтерном были созданы и другие международные коммунистические организации – Профинтерн, Крестинтерн, Коммунистический интернационал молодежи и т. д.

Судьба воплощенной в СССР левой идеи радикального толка, как и судьба большинства участников борьбы за ее воплощение, оказалась трагичной, – многие погибли в революционных баталиях по всему миру, другие сгинули в годы Большого террора в СССР в 1937–1938 гг. В то же время социал-демократическая альтернатива, отвергнутая левыми радикалами, сыграла значительную позитивную роль в социальной истории XX века, в процессах социализации и демократизации капитализма, происшедших в XX веке.

Столетний юбилей Коминтерна предоставляет возможность для того, чтобы молодые ученые разных стран, идейных убеждений и разной профессиональной принадлежности взглянули на этот исторический опыт по-новому – в широком историческом контексте, во взаимосвязи с историей социал-демократии, из которой вышло, разорвав все связи, коммунистическое движение.

Не приходится забывать и том, что революционные потрясения, имевшие место в целом ряде стран мира в конце второго десятилетия XX века, порожденные ими социальные практики, многим и сегодня представляются едва ли не единственными с начала промышленной революции факторами, которые способствовали уменьшению социального неравенства.

Осмысление произошедшего сдвига, роли и места в нем исторической компоненты остаются актуальной задачей.

В год 100-летней годовщины основания Коминтерна одним из приоритетных направлений в работе историков стало исследование феномена левой альтернативы в общественных и политических движениях в XX веке.

3–4 апреля 2019 г. в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) состоялась IX Международная конференция молодых ученых и специалистов «КЛИО-2019. Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени». Основной темой конференции стала история формирования и развития левых идеологий, движений и организаций. Конференция была приурочена нами к 100-летию учреждения Коммунистического Интернационала (Коминтерна), но не сведена только к его истории или истории левых организаций. Наличие центральной темы конференции не означает отказа от обсуждения иных актуальных проблем исторической науки, археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени.

РГАСПИ проводит конференции этого цикла с 2011 года, и за это время КЛИО зарекомендовала себя в качестве одной из крупнейших в России международных научных площадок для обсуждения молодыми учеными широкого спектра актуальных научных проблем исторической науки в широком социогуманитарном контексте.

В 2019 г. в конференции приняли участие 130 молодых специалистов (до 35 лет включительно), представляющих 71 организацию (архивы, академические институты, университеты, колледжи, библиотеки, музеи) из семи стран (Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Колумбия, Франция и Швейцария). Российские участники представляли 28 субъектов РФ. Все возрастающий интерес и количество участников подтверждают актуальность создания постоянно действующей дискуссионной площадки для молодых историков, архивистов, политологов, представителей других смежных специальностей.

Организаторы конференции исходили из того, что круглые даты и юбилеи поворотных событий национальной истории каждый раз выносят на авансцену общественного внимания острую проблему соотношения научного знания и коллективной памяти. «Управление прошлым в настоящем» в зависимости от сиюминутных потребностей общества (культурных, идеологических, политических) зачастую ведет к избирательности, искажению фактов, делая память «территорией забвения». Актуальной научной и общественной задачей видится возврат памяти под контроль профессиональных и ответственных историков, предотвращение политических манипуляций историческими фактами и прекращение войны памяти, развернувшейся на пространстве Центральной и Восточной Европы в посткоммунистическую эпоху в связи со становлением новых национальных государств.

Некоторые результаты конференции нашли свое отражение в представленном сборнике избранных статей (помимо регулярно издаваемых к ее началу тезисов докладов всех участников). В сборник включены статьи, подготовленные на основе лучших докладов, признанных таковыми в ходе конференции модераторами и участниками форума.

Помимо собственно научной составляющей, для нас крайне важной стороной конференции является ее роль в качестве средства коммуникаций (фор-

мальных и неформальных). В условиях, когда ни одна национальная историография не имеет монополии на обсуждение острых вопросов той или иной национальной истории, пространство, обеспечивающее возможность диалога, приобретает исключительное значение. Тем более этот подход становится актуальным, когда предметом исследования являются глобальные процессы или сетевые организации, вроде Коминтерна или Коминформа, деятельность которых в той или иной степени затрагивали весь мир.

Представляются крайне важными и совместная работа молодых ученых по поиску ответов на актуальные исторические проблемы, и согласование в ходе этой работы методологии и методики научного поиска, и признание необходимости в этом поиске опоры на безусловно установленные исторические факты и архивные документы, и отказ от конфронтационных моделей научного и социального поведения.

Опора на документальные источники является безусловно необходимой предпосылкой научного поиска в сфере исторического знания. Сегодня вполне отчетливо просматривается явление, которое можно обозначить понятием «архивный (или источниковый) абсентеизм», когда многие историки сознательно отказываются от исследовательской работы в архивах, предпочитая пользоваться достижениями историографии предшествующего периода или вторичной информацией. Многие архивные дела остаются невостребованными. Представители общественности, участвующие в дебатах на темы исторического прошлого, вне зависимости от политических пристрастий и идеологической принадлежности, вообще, как правило, не затрудняют себя ознакомлением с архивными документами. Результатом становится господство в общественном сознании умозрительных конструкций и произвольных интерпретаций событий и процессов отечественной и мировой истории. Рискую показаться неполиткорректным, считаю возможным говорить о необходимости принуждения массового сознания к позитивному знанию. Не в том смысле, что мы должны знать исключительно положительные страницы истории того или иного общества, а в том смысле, что мы сегодня как никогда нуждаемся в позитивизме как методе познания, который ставит во главу угла исторический источник (пусть и критически осмысливаемый) и научно установленный факт.

В ходе так называемой «архивной революции» в России вполне определилась ключевая роль российских архивистов в целенаправленной работе по выявлению «белых пятен» отечественной истории, закрытию этих лагун доброкачественной документарной информацией. Сегодня современный архив призван не только обеспечить сохранность историкокультурного наследия, но и работать с этим наследием, репрезентируя в публичное пространство национальную историю в полном объеме со всеми ее взлетами и падениями, не допуская односторонних толкований и построения умозрительных конструкций. Именно такой подход способен предотвратить превращение исторического прошлого в поле современных идеологических и политических войн.

В практиках работы с исторической памятью хорошо известен подход, признающий продуктивность взаимодействия конкурирующих интерпретаций и множественных подходов к анализу и оценкам исторического прошлого. Напряженный конфликт интерпретаций – необходимый элемент продуктивного научного и общественного поиска. Именно в результате такого

взаимодействия рождается истина. Помимо обозначенной эвристической функции, такая плюралистичная история способна выполнять и важнейшую терапевтическую функцию, приучая адептов крайних подходов к существованию друг друга и к необходимости сосуществования друг с другом. Такой подход позволяет гражданам различных взглядов чувствовать сопричастность к единому телу гражданской нации и государству как общему дому для всех.

Очень надеюсь, что молодые историки разных стран окажутся достойными важной и благородной миссии историка и архивиста.

А.К. Сорокин

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭМИГРАНТОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ ДЛЯ РАБОТЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГЕРМАНИИ В 1945 ГОДУ

*Ахрамович Наталья Вадимовна
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

В 1933 году после установления гитлеровской диктатуры приблизительно 500 000 немцев пришлось искать спасения вне пределов Германии¹. Советский Союз стал убежищем в основном для левой интеллигенции и коммунистов. Последними было образовано в Москве Заграничное бюро КПГ, которое при помощи Коминтерна и руководства СССР получило возможность продолжать антифашистскую деятельность.

К 1936 году приблизительное число немецких политэмигрантов составляло от 4000 до 5000 человек². Начать строительство «новой Германии» под руководством И.В. Сталина и ЦК Компартии Германии сразу же по окончании военных действий были направлены всего 152 коммуниста. Они вошли в сформированные советским руководством инициативные группы, известные более по именам их руководителей – В. Ульбрихта, А. Аккермана и Г. Собботки. Сами группы и их работа в Германии неоднократно становились предметом исследований как отечественных, так и зарубежных специалистов³. Однако изучению членов групп не было уделено достаточного внимания. Обращение к личностному аспекту проблемы при помощи просопографического подхода, предполагающего сопоставление большого объема биографических данных, позволит понять специфику групп и по-новому осмыслить цели, которые ставили перед собой коммунисты, отправляясь на работу в послевоенную Германию.

На основании сохранившихся в бывшем архиве Коминтерна (сегодня РГАСПИ) материалов личных дел 38 немецких эмиссаров, отправленных на работу в Германию в апреле – начале июля 1945 года, а также немногочисленных писем и мемуаров, автор настоящей статьи реконструирует коллективный облик строителей новой Германии. Благодаря этому станет возмож-

¹ *Tischler C.* Flucht in die Verfolgung: Deutsche Emigranten im sowjetischen Exil (1933 bis 1945). Münster, 1995. S. 226.

² *Ibid.* S. 26.

³ См., например: *Тимофеева Н.П.* Деятельность советской военной администрации в Германии (СВАГ) 1945–1949 как составная часть политической истории России // Дискуссионные вопросы Российской истории. Арзамас, 1995. С. 230–234; *Erler P.* “Moskau-Kader” der KPD in der SBZ // Anatomie der Parteizentrale: die KPD/SED auf dem Weg zur Macht. Berlin, 1998. S. 229–291.

ным понять их общие умонастроения и ожидания от своей будущей работы в стране.

Задачи, поставленные перед группами еще до окончания войны в директивах, созданных руководителями КПП Вальтером Ульбрихтом и Вильгельмом Пиком, были посвящены скорейшему налаживанию послевоенной политической жизни в Германии в сотрудничестве с оккупационными войсками СССР, что должно было ознаменовать завершение 12-летней антифашистской борьбы КПП. Согласно «Директиве для работы немецких антифашистов в оккупированной Красной Армией немецкой области» от 5 апреля 1945 года, группам предписывалось: «восстановление порядка, создание условий для повседневной жизни населения, поддержка Красной Армии в ликвидации террористических и провокационных нацистских гнезд и в организации борьбы за политико-моральное искоренение нацизма, милитаризма из жизни немецкого народа», разъяснение населению, что приказы оккупационной власти служат их интересам, объяснение немцам их вины и ответственности за прошедшую войну⁴. В задачи групп входило создание новых общинных управлений, поиск ответственных антифашистов для работы в них, назначение общинных старост и их заместителей. Отправляемым в Германию группам предстояло наладить издание газеты «Дойче Фольксцайтунг» и антифашистско-демократической литературы. При этом ставилась задача очистки школ, библиотек, институтов от нацистской, милитаристской и реакционной литературы. Предусматривалось создание широких массовых организаций. Подобные задачи могли выполнить люди не только определенной политической принадлежности и с особым отношением к Коминтерну и СССР, но и с крайне необходимой для данной работы сплоченностью коллектива, которая обеспечивалась как вышеупомянутыми характеристиками, так и социальным происхождением, опытом, возрастом, профессией участников. Таким образом, данные характеристики обуславливают структуру исследования групп.

Среди эмиссаров были представители двух поколений. Имевшие большой опыт революционной и партийной работы функционеры, бежавшие из Германии, и их дети, выросшие и воспитанные в СССР. Анализ анкет из личных дел, в которых указывался возраст членов групп, позволяет сделать вывод, что в процентном соотношении эмиссаров в возрасте от 35 до 55 лет было 70,8 %, а 16,6 % на тот момент исполнилось от 20 до 35 лет. Возраст шести человек был от 55 до 70 лет, и четверых – 21 и 22 года. Средний возраст членов групп был 42–45 лет. В состав групп вошли 32 мужчины и 6 женщин, среди которых было пять семейных пар.

По социальному происхождению преобладали выходцы из рабочих семей⁵. Немало вышло из семей инженеров, служащих, артистов, учителей. Совсем

⁴ Richtlinien für die Arbeit der deutschen Antifaschisten in dem von der Roten Armee besetzten deutschen Gebiet 5. April 1945 // Nach Hitler kommen wir: Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944–1945 für Nachkriegszeit. Berlin, 1994. S. 380.

⁵ Краткие характеристики на немецких политэмигрантов, рекомендованных для использования в стране // Российский государственный архив социал-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 720. Л. 12, 15, 17, 18, 19, 22, 23.

немногие воспитывались в мелкобуржуазных семьях⁶. Все политэмигранты были членами Коммунистической партии Германии. Подавляющее большинство имело рабочую профессию – автослесарь, слесарь, столяр, наборщик, токарь, судостроительный рабочий, рабочий-стекольщик, рабочий-текстильщик, кожевник, горняк и др. 22 человека из 38 имели советское гражданство, 14 были без гражданства, 2 человека оставались германскими подданными.

Эмиссаров объединял опыт работы в КПГ и коммунистических организациях. Важной характеристикой представителей *старшего поколения*, в первую очередь, была долгая партийная карьера. Вступив в КПГ в 20-х годах, они, как правило, работали в низовых парторганизациях, в профсоюзах, в редакциях революционных газет и журналов. У многих из них в партийной биографии была борьба с троцкистами, сохранение членства в КПГ после партийных чисток, отсутствие партийных взысканий. В рамках сталинской системы это было признаком идеальной партийной карьеры и как следствие надежности человека. За плечами у некоторых были подпольная антифашистская борьба или участие в интербригадах в Испании, которые воспринимались эмиссарами как реванш за провал антифашистского сопротивления в Германии⁷.

Многие представители *младшего поколения* также работали в структурах Коминтерна, например в ВЛКСМ или в Международной Организации Помощи Революционерам (МОПР). Идеологическую подготовку молодые эмиссары проходили в политкружках при ЦК МОПР или в партийной школе Исполкома Коминтерна (ИККИ) в Кушнареново под Уфой.

Документальным подтверждением надежности эмиссаров, их готовности вести ответственную работу в Германии были характеристики, данные обоим поколениям членов партии руководителями кадровой службы ИККИ и преподавателями партийных школ⁸.

Всех эмиссаров объединяло желание победить нацизм и вернуться на Родину. Например, Маркус Вольф, сын немецкого политэмигранта – известного писателя Фридриха Вольфа, писал в своих мемуарах: «Мы все дрожали, как в лихорадке, ожидая возможности – подобно ровесникам, находившимся на фронте, – бороться с фашизмом не щадя своей жизни и победить его. Мы мечтали о будущем справедливом обществе, в котором каждый был бы социалистом, по собственным убеждениям, а не из оппортунизма или, тем более, по принуждению»⁹.

⁶ Там же. Л. 15, 17, 16, 19, 24, 25.

⁷ См.: McLellan J. 'I Wanted to be a Little Lenin': Ideology and the German International Brigade Volunteers // Journal of Contemporary History. Vol. 41, No. 2 (Apr., 2006). P. 287–304.

⁸ См., например: Характеристика на Стаффорда Генрих Генриховича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 70. Л. 157; Справка на В. Леонгарда от 7 февраля 1942 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11406. Л. 29; Характеристика П. Класснера на М. Вольфа от 18 августа 1943 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11608. Л. 21; Краткие характеристики на слушателей, окончивших немецкую партийную школу от 20 сентября – 15 ноября 1944 года // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 837. Л. 43.

⁹ Вольф М. Игра на чужом поле. Тридцать лет во главе разведки. М., 1998. С. 34.

Опыт жизни в СССР также был сплывающим эмигрантов фактором. В эмиграции эмигранты оказались под влиянием советских культурных ценностей и русского образа жизни. Жилищные условия, русская кухня, отдых на дачах, подобно москвичам¹⁰, – все это оказало на них влияние и сплотило не только друг с другом, но и с советскими людьми, которые, по воспоминаниям М. Вольфа, стали им ближе, чем немцы¹¹. Совместное обучение с советскими детьми обусловило в дальнейшем особую привязанность молодых эмигрантов к русским людям и новой родине¹². Однако эмигранты всегда сохраняли свою национальную идентичность. Так, после периода Большого террора особенное рвение и заботу о сохранении немецкой культуры и языка в эмигрантской среде проявили писатели. Им было важно поддерживать публикацию произведений на родном языке, поскольку это вдохновляло их на творчество и антифашистскую борьбу¹³.

Несмотря на изменения в политике СССР, которые осложняли пребывание эмигрантов в стране (например, Пакт Молотова – Риббентропа)¹⁴, эти люди продолжали служить новой родине. Например, с началом Великой Отечественной войны осознавая, что агрессором была их родина – Германия, эмигранты, не перестав считать себя немцами, встали на сторону СССР. Фриц Эрпенбек и Лилли Бехер, служившие в редакции журнала «Иностранная Литература», очень эмоционально переживали начало войны. «Могли ли мы ожидать от своих детей, что они отличают антифашистов от фашистских убийц-захватчиков? <...> Мы все были так потрясены, что слезы заволокли нам глаза»¹⁵, – вспоминал Фриц. В. Леонгард уже после войны писал, что «большинство знакомых... комсомольцев и студентов искренне ждало победы Советского Союза над Гитлером. Правда, с этим желанием переплетались надежды на более свободную и независимую жизнь в СССР после победы»¹⁶.

Преданность СССР проявилась и в стремлении некоторых эмигрантов попасть на фронт¹⁷. Другие посланцы КПГ защищали Москву во время авиа-

¹⁰ Schmidt E. Den Tag des Sieges erlebte ich in Moskau // Im Zeichen des roten Sterns. Erinnerungen an die Traditionen der deutsch-sowjetischen Freundschaft. Berlin, 1974. S. 215.

¹¹ Вольф М. Указ. соч. С. 35.

¹² Ватлин А.Ю., Мусиенко Н.С. Репрессированная школа: история немецкой школы им. Карла Либкнехта (1924–1938). М., 2014. С. 107.

¹³ Письмо Вилли Бределя о положении немецкой антифашистской литературы от 1940 года // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 14. Д. 454. Л. 1–5.

¹⁴ Вольф М. Указ. соч. С. 31.

¹⁵ Erpenbeck F. Vorhang auf. Anekdoten und Geschichten. Berlin und Weimar, 1964. S. 287.

¹⁶ Леонгард В. Революция отвергает своих детей. London, 1984. – <http://www.rulit.me/author/leongard-volfgang/revolyuciya-otvergaet-svoih-detej-download-free-252375.html> (дата обращения: 09.09.2016). С. 69.

¹⁷ Grünberg G. Kumpel, Kämpfer, Kommunist. Berlin, 1977. S. 186.

налетов¹⁸ или, пытаясь деморализовать войска противника, проводили агитацию на линии фронта¹⁹.

Анализ личных дел эмиссаров показывает, что важнейшей характеристикой, сближавшей членов групп, были их образование и профессиональная принадлежность. Поскольку эмиссарам предстояло руководить созданием рабоче-крестьянского государства и главную опору своей будущей деятельности видели в рабочих и крестьянах, то большинство из них окончили только 8-летнюю рабочую школу и владели рабочими специальностями²⁰.

Пропагандистская работа со всеми слоями населения предопределила выбор людей с хорошими организационными и коммуникативными навыками, владеющих искусством убеждать и агитировать²¹. Коммунистов с хорошей дикцией, и актерским талантом назначали работу на радио²². Тем, кто владел хорошим слогом или обладал художественными способностями, – письменную либо художественную пропаганду²³.

Несмотря на объединявшие эмиссаров желание вернуться на Родину, опыт работы в партии и партийных организациях, социальное происхождение и профессиональные навыки, у каждого был свой взгляд на советскую действительность, на работу в Коминтерне и будущую деятельность в Германии. Эмиссаров можно условно разделить на «идеалистов» и «скептиков».

Полностью соотноствовать предъявляемым требованиям в сталинской системе могли *идеалисты*. К таким можно отнести людей, искренне веривших в идеалы коммунизма и положительно оценивавших социалистическую систему, политику СССР, свою будущую работу в Германии под руководством советских товарищей. Это очевидно из воспоминаний самих участников событий и данных им отзывов. Последние характеризовали их как преданных делу, твердых в своих убеждениях, верных до конца, честных, порядочных. Сама жизнь и судьбы этих людей подтвердили это. Парадоксально, но сталинской системе удавалось создавать «новых людей». Речь идет прежде всего о М. Вольфе, Г. Грюнберге и В. Леонгарде. Идеалисты являлись энтузиастами своего дела. Лучше всего это выразил М. Вольф: «Мы все дрожали, как в лихорадке, ожидая возможности – подобно ровесникам, находившимся на фронте, – бороться с фашизмом не щадя своей жизни и победить его. Мы мечтали о будущем справедливом обществе, в котором каждый был бы социалистом, по собственным убеждениям, а не из оппортунизма или, тем более, по принуждению»²⁴.

¹⁸ Характеристика на М. Вольфа // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11608. Л. 14.

¹⁹ Краткие характеристики на немецких политэмигрантов, рекомендованных для использования в стране // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 720. Л. 19–20.

²⁰ Характеристика на Грюнберг Готфрида Юльевича от 19 июня 1942 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 57. Л. 51.

²¹ Краткие характеристики на немецких политэмигрантов, рекомендованных для использования в стране // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 720. Л. 15.

²² Там же. Л. 16.

²³ Справка на Леонгарда В. от апреля 1945 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11406. Л. 8 об.

²⁴ Вольф М. Указ. соч. С. 34.

Идеалисты любили страну, ее людей, культуру. Они верили в положительные идеи о человеке и обществе, составлявшие основу социализма. «Во время моего путешествия меня всякий раз поражало дружелюбие советского населения, его готовность помочь другому человеку. Конечно, и в Советском Союзе встречаются, как и в любой стране, жестокие люди и эгоисты, но большинство мужественно переносит свою судьбу и помогает тем, кто нуждается больше них. Во время этой поездки я еще сильнее, чем раньше, проникся симпатией и уважением к людям, живущим в Советском Союзе. Мне кажется особенно важным подчеркнуть это именно сегодня, ибо, к сожалению, на Западе немало таких людей, которые совершенно несправедливо переносят свое отрицательное отношение к советской системе на население Советского Союза», – писал В. Леонгард²⁵. Даже в мемуарах, написанных много позже и критикующих и свою деятельность, и деятельность своих коллег, слышна симпатия и привязанность их автора к СССР. Вероятно, он искренне любил страну и советских людей, и верил в справедливость происшедшего.

Возможно, причиной мировоззрения идеалистов является их относительно спокойная жизнь в Советском Союзе. Одни не знали правды и искренне верили в виновность репрессированных. Других лично и их близких репрессии не коснулись. Поэтому идеалисты не замечали недостатков системы. Воспоминания и интервью²⁶, данные ими уже после распада Советского Союза, не изобилуют резкими критическими замечаниями и отрицанием прошлой жизни. Пытаясь не обидеть тех, с кем В. Леонгард вырос, и не забыв лучшее, что связывало его с СССР, он писал: «Я приучился замечать в Советском Союзе все хорошее и забывать обо всем плохом. Это как бы вошло в плоть и кровь»²⁷.

Кроме идеалистов, среди эмиссаров были и те, кто со скепсисом относился к своей деятельности в Коминтерне. Как свою работу, так и пребывание в Советском Союзе они рассматривали как нечто преходящее, как фон, которому не придавали большого значения в системе жизненных приоритетов. Но страх быть репрессированным заставлял их безукоризненно выполнять приказы. Например, эмиссар Оскар Штефан прибыл в Советский Союз в январе 1936 в возрасте 31 года. Несмотря на большой стаж работы и большой срок пребывания в партии²⁸, энтузиастом он не был. В Кушнаренково ему не нравилось: «Мне здесь несколько не нравится, и не было бы здесь принуждения, то я давно бы уже вернулся к тебе²⁹, – писал он жене. – Я не могу здесь ужиться. Может быть я сам виноват, а может быть мне только кажется, что я не имею такого широкого горизонта, как делают вид все другие здесь находящиеся. Во всяком случае, я буду очень рад отсюда выбраться...»³⁰. Оскар не хотел быть эмиссаром и был готов как можно скорее уйти добровольцем на фронт³¹.

²⁵ Леонгард В. Указ. соч. С. 96.

²⁶ См. фильм о М. Вольфе («Разведка в лицах. Маркус Вольф». Россия, 2016. <https://www.youtube.com/watch?v=s7OEkM13TnA>) и его книги.

²⁷ Леонгард В. Указ. соч. С. 100.

²⁸ Справка на Штефана Оскара Вильгельмовича от 7 августа 1941 года // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 10379. Л. 38.

²⁹ Из письма Оскара Штефана к жене // Там же. Л. 28.

³⁰ Там же. Л. 35.

³¹ Там же. Л. 35.

Другим примером, свидетельствующим о стремлении выжить в условиях сталинской системы и при отсутствии энтузиазма, был пример Отто Фишера. Партийный функционер прибыл в Советский Союз в 1931 году по направлению ЦК КПГ. Проработав 11 лет в ИККИ машинистом-стенографистом, в октябре 1942 года он был переведен в Уфу³², что явилось результатом доноса. Со слов сотрудницы административного сектора ИККИ, О. Фишер в одиночестве в отеле «Люкс» стоял у открытого окна и «смотрел на территорию перед окном, где находится место падения бомбы и записывал что-то в тетрадку»³³. Именно после этого Отто был отправлен в Уфу³⁴, где сразу же по прибытии уволен с работы. Но он не захотел мириться с новыми условиями жизни.

Сохранившиеся в его личном деле письма свидетельствуют не только об отчаянной борьбе за нормальную жизнь, но и о хитрости и подхалимстве, понимании немецкими коммунистами политики советского руководства, об их нежелании поступиться своим привилегированным положением. Жена Фишера в письме к В. Ульбрихту жаловалась, что муж живет рядом с «контрреволюционно настроенными немцами Поволжья, которые обзывают его евреем и коммунистом», что находится среди подобных «враждебных Советскому государству элементов... для преданного функционера с большим стажем самое худшее, что может быть»³⁵. В письмах к начальнику отдела кадров ИККИ сам О. Фишер жаловался на тяжелую физическую работу и не желал оставаться в колхозе в Уфе в силу невыносимых жилищных условий для семьи. Он писал: «Я подчеркиваю еще раз, что работал в аппарате больше 11 лет и считаю, что нельзя так, не учитывая этого, поступать. Далее я не могу жить на 150 руб. вместе с тремя членами моей семьи. Я знаю хорошо, что другие семьи (муж и жена) получают больше 200 руб. Спрашивается, почему я получаю так мало»³⁶, «а я Вам наперед скажу, что я для завода или фабрики на работу не годен, тело очень слабое, и не могу выдерживать. Я имею профессию канцелярского работника. Это тоже не просто... Это увольнение, с моей точки зрения, тоже неправильно, все-таки надо разницу делать между теми, которые уже годы работают в этом аппарате»³⁷.

Благодаря своей настойчивости, а также конъюнктурным соображениям руководства КПГ и советского руководства, О. Фишер сумел добиться демобилизации из стройбатальона, а затем вылетел на работу в Германию в качестве эмиссара. Унижение перед руководством, напоминание о своих прошлых заслугах перед ИККИ и своей преданности, использование клише советской пропаганды о немцах Поволжья, настойчивость функционера демонстрируют, что зная устройство системы, он понимал, как нужно бороться с советскими бюрократическими структурами, чтобы быть услышанным.

³² Личное дело Отто Фишера // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11583. Л. 19.

³³ Там же. Л. 44.

³⁴ «Некоторое время находился в колхозе под Уфой, а затем до июня мес. 1942 г., работал в Уфе в аккумуляторной мастерской. В июне мес. мобилизован в стройбатальон, находится в Татарской Республике». Там же. Л. 20.

³⁵ Письмо Августы Фишер к В. Ульбрихту // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 11583. Л. 22.

³⁶ Письмо О. Фишера т. Вилкову от 3 февраля 1942 г. // Там же. Л. 38.

³⁷ Письмо О. Фишера к тов. Вилкову от 5 января 1942 г. // Там же. Л. 40.

Среди женщин-эмигрантов также были подобные примеры. Например, Рейх (Вальд) Кэте. Еврейка по происхождению, гражданка СССР с 1936 года, стенографистка, как и Отто Фишер. В октябре 1933 года с разрешения КПП коммунистка приехала на работу в СССР. С ноября 1933 года по июль 1937 года – делопроизводитель и статист Общего п/отдела в Службе Связи ИККИ. Как и в случае Отто Фишера, Кэте проявила себя, находясь в Киргизии в начале войны. Не желая работать в колхозе в с. Полтавка, К. Рейхе пишет письмо-стихотворение В. Ульбрихту, перечисляя все недостатки Киргизии и умоляя вернуть ее обратно в Москву: «для нас солнце слишком жаркое», «население слишком враждебно настроено, и хуже всех молодежь, так что камни только и летят на нас градом, словно наши головы из железа. <...> “Бригада евреев” кричат часто нам вслед, что можно иногда подумать, что будто мы не в Советской стране»³⁸.

Скептиком был и эмигрант Йоханнес Бехер, известный немецкий поэт, эмигрировавший с разрешения КПП в СССР, служивший ответственным редактором немецкого издания «Интернациональная литература» и возглавлявший немецкую секцию в Союзе Советских писателей. Если выросший в СССР М. Вольф в интервью 2006 году говорил: «Конечно, у меня было чувство Родины. ...Здесь сыграла роль школа Кушнаренико, которая вернула меня к немецкому мышлению, так же как и последующая работа на “Дойчер Фольксзандер”³⁹. То Й. Бехер ощущал себя только немцем все 12 лет, прожитых в Советском Союзе, что отражено в его личном деле: «Незнание и нежелание изучать русский язык мешало ему правильно по-настоящему понять советскую культуру. ...Сильно подвержен немецкому национализму, что часто сказывалось на его произведениях, в особенности поэтических (книга сонетов, изданная в 1940 г.)»⁴⁰. Обладая организаторским талантом, Бехер сплотил писателей вокруг издательства и своими произведениями, изданными в годы войны зарекомендовал себя как антифашистский писатель⁴¹. Живя в СССР, писатель не раз перешагнул через себя. Пытаясь сохранить свое положение, он не занял определенной позиции, объясняя свое членство в Рут-Фишеровской группировке. Побег с голосования во время процесса против троцкистско-зиновьевского центра из Союза писателей назвал тяжелой политической ошибкой⁴². В 1942 году он даже попытался совершить самоубийство. Но, видимо, под давлением репрессивной системы Й. Бехер уже в мае 1943 года, согласно характеристике ЦК КПП, стал преданным ее членом, «который за последние годы политически быстро вырос»⁴³.

³⁸ Письмо К. Рейхе В. Ульбрихту // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 5795. Л. 31.

³⁹ *Шютт Х.-Д., Примаков Е.М.* Маркус Вольф. Последние беседы (сборник интервью). М., 2008. С. 190.

⁴⁰ Характеристика из Гослитиздата на Й. Бехера // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 205. Д. 29. Л. 93.

⁴¹ Там же. Л. 93.

⁴² Оправдательная записка Й. Бехера от августа 1937 года // Там же. Л. 126.

⁴³ Справка // Там же. Л. 99. Писатель вскрыл себе вены, «из-за сложностей в работе, которые он осознанно не мог преодолеть. См. подробнее: *Dimitroff G.* Tagebücher 1933–1945. Bd. I. Berlin, 2000. S. 588, 597.

Таким образом, участниками инициативных групп были представители двух поколений немецких политэмигрантов, имевшие много общих, объединявших и обуславливавших их скоординированную деятельность в Германии характеристик – от общей партийной принадлежности и социального происхождения до опыта жизни в СССР. Несмотря на это отношение к советской реальности, равно как и к деятельности в Коминтерне, у членов групп было совершенно различным, но это не стало препятствием для них, чтобы быть включенными в инициативные группы. Стоит отметить, что скептики вполне устраивали лидеров КПГ и советских руководителей. Пытавшиеся спасти свою жизнь и своих близких, умевшие приспособиться или угодить начальству не вызывали опасения. Идеалисты же были энтузиастами своего дела, вперед их вела жажда подвига.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг. В ПРОВИНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

*Ванюшина Олеся Викторовна, к.и.н.
(Тверской государственной объединенной музей)*

Противоречивость в оценках революции 1905–1907 гг. вызывает постоянный интерес исследователей к данной проблематике. Поэтому представляется важным изучение истории первой российской революции в рамках конкретного регионально исторического материала. Тверская губерния, входившая в состав центрального промышленного района страны, продемонстрировала особенно острый накал стачечного движения и массовых выступлений рабочих. Особой революционной активностью в годы первой русской революции отличались рабочие Морозовской мануфактуры, представлявшей из себя целый рабочий городок на окраине Твери. В свою очередь кульминацией революционных событий 1905–1907 гг. стало декабрьское вооруженное восстание на Морозовской мануфактуре. В 1905 г. в Тверской губернии работало 300 фабрик и заводов, с числом рабочих на них 31 556 человек, не считая мелких предприятий, производительность которых составляла менее 1000 рублей¹. Наиболее крупные предприятия находились в Твери и Вышнем Волочке: бумагопрядильная, ткацкая и отбельно-красильно-ситценабивная фабрика Товарищества Тверской мануфактуры (Морозовская мануфактура), Товарищество Рождественской мануфактуры Берга, вагоностроительный завод верхневолжского общества в Твери, а также текстильные фабрики в Вышнем Волочке – Товарищества П.М. Рябушинского с сыновьями и две фабрики товарищества мануфактур Косьмы Прохорова с сыновьями «Волочек» и «Тоболка».

Тяжелые условия труда и быта тверских рабочих стали исходными пунктами их протестной активности. Тверской комитет РСДРП в своем отчете к III съезду партии за 1905 г. так оценивал положение тверских рабочих: «Общие условия труда в Твери почти ничем не отличаются от тех, которые столько характерны для всего московского промышленного района. Отчеты фабричных инспекторов при всей своей официальной систематичности, начиная с Янжула² и до наших дней, констатируют крайне низкую заработную плату, отвратительное санитарное состояние фабрик и рабочих жилищ, существование расплаты товаром, усиленную эксплуатацию детского труда»³.

¹ Обзор Тверской губернии за 1905 г. [Б. м., Б. г.]

² Янжул И.И. – первый фабричный инспектор Московского фабричного округа (с 1882 г.), в состав которого входила Тверская губерния.

³ Век труда и борьбы: документы и материалы по истории Калининского хлопчатобумажного комбината 1858–1958 гг. Калинин, 1961. С. 213.

Все эти факторы сказывались на ухудшении состояния здоровья рабочих. Как отмечают мемуаристы, среди текстильщиков было значительное число болеющих туберкулезом, что было связано с громадным количеством хлопчато-бумажной пыли в помещениях фабрики. «Одежда рабочего, его волосы и борода покрывались пылью настолько, что весь он казался каким-то серым комком. Вентиляции не было, и рабочий вынужден был дышать весь трудовой день таким воздухом»⁴.

Согласно официальным данным, а также воспоминаниям, средняя месячная заработная плата рабочих мужчин в Тверской губернии составляла от 12 руб. 30 коп. до 20 руб. 82 коп., рабочих женщин – 6 руб. 40 коп. – 11 руб. 50 коп., подростков – 4–8 руб. 50 коп., малолеток обоего пола – 3 руб. 30 коп – 4 руб. 80 коп. в месяц⁵. Более высокие заработки имели рабочие крупных предприятий – Морозовской мануфактуры, вагоностроительного завода. На фабрике Берга заработки рабочих не превышали заработки рабочих Морозовской фабрики и были на 2–3 рубля меньше. В большинстве своем здесь работали женщины, мужчин принимали лишь на тяжелую физическую работу. Зарботки на Переволоцкой мануфактуре были еще ниже, и опытный ткач мог заработать не больше 11–12 рублей в месяц⁶. Следует учитывать и высокие штрафы, которые взыскивались с заработной платы рабочих за любую провинность. Особенно этим отличалась администрация на фабрике Морозова.

Изучение прокламации тверского комитета РСДРП к рабочим фабрики Берга позволяет судить о положении рабочих этого предприятия: «Наш заработок ниже заработка рабочих других фабрик. Но нас еще обкрадывают, пуская паровую раньше утром и останавливая ее позже вечером, чем следует. Нас обкрадывают на браковке, заставляют отработать за простой машин по вине фабриканта. Мы увечимся, обметая на ходу машины. Мало того, с нас берут подписку в том, что мы не будем требовать за увечья. Нас штрафуют за каждый пустяк. Женщинам нет прохода от развратной администрации: все начиная с директора Кука до помощника хожалого Василия смотрят на них, как на свою собственность»⁷.

В рассматриваемый период продолжительность рабочего дня дневной смены в соответствии с правилами, утвержденными 2 июня 1897 г., составляла не более 11,5 часов, ночной – 10 часов в сутки. Так, например, на Морозовской мануфактуре в отбельно-красильной и ситценабивной фабрике дневная смена работала 11,5 часов, ночная – 9,5, малолетние т. е. не достигшие 15-летнего возраста, работали 8 часов в день⁸ при шестидневной рабочей неделе.

Следует отметить, что стачечное движение охватило губернию задолго до событий первой русской революции. Согласно воспоминаниям рабочего – большевика И.М. Голубева в 1904 г. в Тверской губернии «недовольство

⁴ Воспоминания А.И. Буланова («Дед»)//Тверской центр документации новейшей истории (далее ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 17. Л. 70.

⁵ Статистический ежегодник Тверской губернии за 1900 год. Тверь, 1901. С. 45–46 (2-й паг.).

⁶ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 117. Л. 12 (Воспоминания Н.И. Лебедева).

⁷ Там же. Д. 152.

⁸ Век труда и борьбы. С. 162.

в массах было так сильно, что достаточно было какого-нибудь незначительно-го повода со стороны администрации фабрик, как вспыхивали забастовки. На Залогинской фабрике из-за ничтожного повода рабочие забастовали, причем перебили стекла в фабричных зданиях, порезали ремни, основы, поломали станки и т. п.»⁹.

Февраль 1904 г. ознаменовался для Твери целым рядом забастовок. Так, поводом к забастовке на Морозовской мануфактуре послужил инцидент, произошедший 19 февраля 1904 г., когда у двух рабочих набивного отделения помощник директора ситцевой фабрики во время работы выбросил на пол картофель и растоптал его ногами, что вызвало всеобщее возмущение¹⁰. Группа рабочих отправилась к директору фабрики и протестовала против запрещения принимать пищу в течение рабочего дня, против отсутствия питьевой воды, а также просили предоставить им перерыв для чаепития, что в соответствии с правилами внутреннего распорядка было строго запрещено. В отсутствие хозяина фабрики в городе ни директор, ни фабричный инспектор требования рабочих удовлетворить не смогли. Рабочие объявили стачку. Они принялись разбивать кирпичами и палками окна и двери фабричных зданий, пытаясь заставить забастовать рабочих из других корпусов фабрики. «Ситцевые» врываются в помещения и силой выгоняли во двор тех, кто остался в здании. К 8 часам утра во всех отделениях фабрики работы были прекращены¹¹. Прибывший на фабрику полицмейстер в сопровождении двух полицейских надзирателей направился в бушевавшую толпу, но был ранен осколком кирпича в голову, а полицейские надзиратели получили ушибы палками и кирпичами¹². Для наведения порядка на фабрику была отправлена кавалерия, а затем пехота. Толпа, узнав о приближении войск, добровольно разошлась. 21 февраля на воротах фабрики было вывешено объявление о расчете всех рабочих «ситцевого» отделения (около 3000 человек)¹³ и в дальнейшем произведен новый набор рабочих¹⁴.

На следующий день 22 февраля 1904 г. в Твери прошла первая политическая демонстрация. Она была организована членами социал-демократических кружков и проходила под знаком протеста против русско-японской войны. Впечатления очевидца событий, ярко иллюстрируют реакцию местных обывателей на происходящие события и появление демонстрантов на рынке: «Темная масса бежала от демонстрантов в страхе и ужасе. Что происходило на базаре – описать трудно. Все бежали не разбирая, куда, зачем, ломая, топча товары. Крестьяне сажались на распряженных лошадей и как сумасшедшие летели вон из города. Перебили очень много горшков, рассыпали овес, грибы, капусту и пр. Одним словом, паника была неопишная»¹⁵.

⁹ Голубев И.М. Снова в Твери // Дайте нам организацию революционеров... (1895–1903 гг.). М., 1987. С. 619–622.

¹⁰ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 23. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Век труда и борьбы С. 198.

¹³ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–4.

¹⁴ Там же. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 2 об.

Началом первой русской революции послужили события 9 января 1905 г. в Петербурге. Поддержать рабочих других городов стачками солидарности в Твери не удалось. После 9 января тверские предприятия находились под усиленной охраной войск. Кроме того, приехавший на фабрику Морозов предупредил, что в случае начала забастовки фабрика будет остановлена «на ремонт» до Пасхи, т. е. до мая. Такие меры, вполне понятно, заставили рабочих отказаться от забастовки, т. к. до Пасхи оставалось более трех месяцев, прожить которые без работы было невозможно.

Как следует из сообщения Тверских губернских ведомостей, «25 сего января по желанию рабочих фабрики, Товарищества Тверской мануфактуры был отслужен благодарственный молебен по поводу того, что бывшие в течение 2-х недель тревожные дни забастовок прошли для них благополучно, и они не были лишены возможности обычного заработка»¹⁶. Вероятно, молебен был инициирован мастерами и подмастерьями фабрики.

«В этот же день социал-демократами, сразу же после собрания рабочих в Желтиковской роще, была предпринята попытка поднять рабочих ткацкой фабрики Морозова на забастовку. Но мастеровые не поддержали их, поставили охрану у всех дверей мастерских и с криком: “А, вот вы! Мы давно вас ждали, из-за вас мы должны с голоду умирать, бей их!” – бросились на нарушителей порядка», – сообщали Тверские губернские ведомости¹⁷. Агитаторов избили, а четверых связали и передали полиции. Как вспоминал один из участников событий А.И. Буланов: «Эта победа черносотенцев над нами окрылила их надежды, и с этих пор, можно определенно сказать, началась организация черной сотни не только на фабрике, но и в городе. И у передовых рабочих появился новый активный враг – это сагитированные рабочие: преимущественно подмастерья и сторожа»¹⁸.

В феврале 1905 г. на ряде предприятий, расположенных в уездах Тверской губернии, прошли забастовки рабочих. Так, 7 февраля забастовали 2000 рабочих писчебумажной фабрики Кувшиновых Новоторжского уезда. Этой забастовкой рабочие добились увеличения заработной платы на 5–15 %¹⁹. 25 февраля произошли волнения на стекольном заводе Болотиной Вышеволоцкого уезда, которые продолжались до 7 марта и были вызваны снижением заработной платы. В ходе забастовки хозяин был вынужден пойти на удовлетворение требований рабочих²⁰. 21 февраля забастовали рабочие фарфоро-фаянсовой фабрики Кузнецова в Корчевском уезде, потребовав сокращения рабочего дня с 10 до 8 часов, прибавки жалованья, освобождения от уплаты поземельных денег тех рабочих, кто имел свои дома на фабричной земле, предоставления некоторым из них квартир с дровами, бесплатный выгон для скота, бесплатную баню и больницу²¹. На фабрику был отправлен старший фа-

¹⁶ Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 1. 1895–1907 гг. Тверь, 1993. С. 75.

¹⁷ Там же.

¹⁸ 1905 год в Тверской губернии. Тверь, 1925. С. 124.

¹⁹ *Журавлев Н.В., Паньков И.П.* Хроника революционного движения в Тверской губернии (с 1904 по янв. 1918 г.). Калинин, 1941. С. 12.

²⁰ Там же.

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 10. Д. 206. Л. 2.

бричный инспектор Котельников, полицейские, приехал губернатор и была командирована рота солдат в количестве 60 человек. 2 марта губернатор князь С.Д. Урусов телеграфировал на фабрику: «Нельзя продолжать неопределённое положение. Пора дать расчёт отказавшимся работать»²². Что и было выполнено 3 марта. В дальнейшем на фабрике был произведен новый набор рабочих рук.

Со временем, в связи с ростом революционных настроений в губернии, властям становилось все сложнее контролировать ситуацию в уездах. Особенно опасная обстановка сложилась в фабричном Вышнем Волочке. Здесь 24 ноября был убит директор фабрики Рябушинских С.И. Ганешин толпой рабочих на фабричном дворе.

Определенный подъем массовых выступлений рабочих приходится на август 1905 г. 11 августа забастовали рабочие стекольного завода Куровой, 12 августа остановилась фабрика Залогина, а 13 августа забастовка охватила Морозовскую фабрику.

События в Твери развивались в рамках общероссийской политической динамики. Особой остроты они достигли в октябре – декабре 1905 г. в связи с началом всероссийской октябрьской политической стачки и декабрьского вооруженного восстания в Москве. 17 октября в день издания манифеста о даровании гражданских свобод, черносотенцы устроили погром Тверской губернской земской управы, вследствие которого пострадало много людей. В ответ на царский Манифест и черносотенный погром 19 октября в Твери рабочими фабрик Морозова и Берга была устроена манифестация. Собравшись у фабрик в числе двух тысяч человек, демонстранты направились в город и с пением прошли всю Миллионную улицу, неся в руках красные флаги. Затем устроили митинг около больницы, где лежали избитые земцы, и выразили земцам свою солидарность. На обратном пути демонстранты намеревались пройти через мост и направились к тюрьме с целью освободить заключенных по политическим делам, но были остановлены драгунами.

Революцией оказались затронуты самые разные слои населения. Так, в ноябре 1905 г. забастовали полковые (служажие) трактиров и гостиниц Твери, булочники и портные, требуя улучшения своего положения²³. Положение в уездах также оставалось тревожным: везде крестьянские волнения, самовольные порубки крестьянами лесов и покосы лугов, не принадлежащих им, случаи поджога и нападения на помещичьи имения.

12 декабря Тверской совет рабочих депутатов, действовавший под руководством большевиков, объявил всеобщую политическую забастовку в Твери. Все силы рабочих сконцентрировались в одном месте – на Тверской мануфактуре, укрепленной баррикадами. Формировались боевые дружины, раздавалось оружие. По сведениям Н.И. Лебедева, одного из организаторов декабрьского вооруженного восстания в Твери: «Как сама фабрика, так и прилегающие к ней предместья (Красная слобода и монастырские горки) были опутаны проволочными заграждениями и забаррикадированы опрокинутыми ломовыми телегами, вагонетками, кипами хлопка и т. п. Кроме того, по доро-

²² ГАТО. Ф. 56. Оп. 10. Д. 206. Л. 14 об.

²³ Журавлев Н.В., Паньков И.П. Хроника революционного движения в Тверской губернии (с 1904 по янв. 1918 г.). Калинин, 1941. С. 25, 29.

гам, ведущим к фабрике, были расставлены зарытыми в снег щетки из вбитых в доску гвоздей. Все было поставлено на военную ногу. Без установления особого разрешения начальника охраны в пределы фабрики никто не допускался. Был организован из фабричных работниц отряд Красного Креста»²⁴.

Полиции и солдат в Твери не хватало, – большинство из них было направлено на подавление восстания в Москве. Как следует из протокола особого совещания при губернаторе, которое проходило 14–15 декабря 1905 г., местные власти полностью потеряли контроль над фабричным районом. Начальник гарнизона на категоричный вопрос губернатора П.А. Слепцова о возможности подавления вооруженного восстания рабочих, заявил, что охранять город и железную дорогу можно, но восстановить порядок на фабриках из-за малочисленности войск он отказывается²⁵. Положение в уездах также оставалось тревожным. Так, в ноябре 1905 г. в Новинской волости по инициативе и под влиянием группы агитаторов вместо волостного правления был избран Совет крестьянских депутатов, который на время стал новой властью в своих селениях. Совет оказывал помощь бастующим рабочим продовольствием и оружием. 16 декабря по инициативе Совета крестьянских депутатов и тверского комитета РСДРП около 300 крестьян Новинской и Первитинской волостей близ станции Кулицкой завалили железнодорожный путь спиленными телеграфными столбами и деревьями, совершили набег на саму станцию и разоружили жандармов с целью воспрепятствовать движению войск из Петербурга в Москву для подавления Московского вооруженного восстания. Но попытка крестьян помочь восставшим рабочим не удалась – войска уже были перебросены.

Местные власти полностью потеряли контроль над фабричным районом. Но их растерянность длилась недолго. 16 декабря после возвращения воинских частей из Москвы была предпринята попытка овладеть баррикадами. И лишь известие о поражении Московского восстания заставило Стачечный комитет принять решение о прекращении вооруженной борьбы.

Изучение материалов Тверской губернии показало, что рабочие выступления как в предреволюционный период, так и в период революции проходили по определенному сценарию. Причиной недовольства рабочих становилось их тяжелое материальное положение, условия труда и быта. Как правило, стачкам предшествовала подача небольшими группами рабочих «жалоб» и «прошений», т. е. «нестачечные» формы рабочего движения. Они (в отличие от стачек) протекали без прекращения производственного цикла и являлись во многих случаях своего рода «барометром» социальной напряженности²⁶. Группа рабочих отправлялась к администрации предприятия с просьбами и жалобами чаще всего экономического характера – повысить расценки на выпускаемую продукцию, отменить незаконное взимание штрафов, выплатить квартирные деньги тем рабочим, которые не проживали в казармах. Также предъявлялись претензии о сокращении рабочего дня, предоставлении бес-

²⁴ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 117. Л. 26.

²⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28656. Л. 65.

²⁶ *Пушкарева И.М.* Новые подходы в изучении конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России в ракурсе дискуссионных методов исследований // Россия и мир. Памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина: Сб. статей. М., 2001. С. 296.

платных бань, увольнении наиболее грубых и жестоких представителей администрации. Реже встречались требования об улучшении медицинского обслуживания, повышении техники безопасности на производстве, улучшении условий быта. Власти хорошо осознал, что рабочие объединяются главным образом вокруг экономических требований. Так, Вышневолоцкий уездный исправник доносил Тверскому губернатору в июле 1906 г. во время забастовки на стекольном заводе Болотиных, «что за отсутствием на месте фабричной инспекции, рабочим не к кому обратиться за разъяснением по материальным вопросам их, а потому я со своей стороны находил бы необходимым присутствие фабричной инспекции на месте, так как материальные вопросы несомненно играют первенствующую роль в забастовке»²⁷.

В ситуации, когда администрация не шла на уступки, рабочие прекращали работу и объявляли забастовку. На этом этапе просьбы и жалобы обретали форму требований. Следует отметить, активное воздействие авангарда и леворадикальных партий на те слои рабочих, которые обращались лишь с жалобами на свое положение. Активисты и организаторы забастовок не всегда использовали только мирные способы агитации. Было немало случаев, когда с помощью угроз и силы они заставляли несочувствующих присоединиться к движению протеста. Так, в донесении от 14 августа 1905 г. тверской полицмейстер докладывал тверскому губернатору, что рабочие Куровского завода боются продолжать работу из-за того, что забастовщики угрожают сильно избить их за несочувствие общему движению, и что многие рабочие (старики) не вышли на работу под влиянием угроз²⁸. В свою очередь бутылочный мастер Рогожин не вышел на работу «вследствие уговоров жены, умолявшей его бросить работу, так как забастовщики объявили ей, что рабочие, вышедшие на работу, будут убиты»²⁹. Из донесения тверского полицмейстера тверскому губернатору следует, что «20 и 21 августа 1905 г. на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры и ближайших к ней слободках были разбросаны ночью листки РСДРП и Тверской группы социалистов-революционеров, приглашающие рабочих к стачкам, восстанию. Распространялись слухи, что агитаторы, по получении 20 числа заработка, будут настаивать на прекращении работы, женщины в отдельных случаях получали угрожающие письма с предупреждениями, что, если в случае сигнала они не бросят работу, то их будут бить»³⁰.

Большинство стачек сопровождалось битьем стекол в помещении фабрики, порчей имущества. Для наведения порядка администрация фабрик вызывала полицию и солдат, не затрудняя себя долгими переговорами с рабочими. В случае, если рабочие долго не шли на уступки, хозяин фабрики начинал использовать традиционные рычаги давления: закрывал фабричную лавку, выселял рабочих из казарм и объявлял о расчете и увольнении. Казармы использовались фабрикантами как удобное средство для манипулирования рабочими в борьбе с их революционным настроением. «Во время забастовки рабочих на фабрике, когда рабочие были решительно настроены добиться победы и не шли на уступки, фабричная администрация немедленно пу-

²⁷ ГАТО. Ф. 56. Оп. 10. Д. 236. Л. 41, 41 об.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 28685. Л. 11.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 26.

скала в ход свой рычаг: предупреждала проживающих в казармах, что если в течение каких-то дней рабочие не приступят к работе, то все рабочие будут уволены и выселены из казармы. Сейчас же жены, матери и старики начинали нажимать на своих близких, при помощи воплей и слез, чтобы они приступили к работе, а то выселят из казарм и куда денемся с ребятишками, как моментально начинало это действовать и рабочие в силу этого часто шли на уступки»³¹.

Главными же виновниками беспорядков власти считали радикально настроенные слои населения. Существенную роль в активизации революционных событий сыграли административно высланные из столиц политически «неблагонадежные» лица. Используя уже имеющиеся знания, опыт ведения противоправительственной деятельности и конспиративной работы, связи с центральными партийными организациями административно высланные сыграли существенную роль в местных партийных организациях.

В целом развитие революционных событий в Тверской губернии проходило в рамках общероссийской динамики. Специфика революционного движения в крае заключалась в мощном рабочем движении, что было обусловлено наличием крупных промышленных предприятий и большого числа рабочих. Но, несмотря на все усилия активистов, деятельность леворадикальных партий и административно высланных политически «неблагонадежных» лиц, определенная часть рабочих готовности к выступлениям не обнаруживала и вынуждена была покидать предприятия под угрозой физической расправы со стороны активистов. Между тем своим размахом рабочий протест в декабре 1905 г., несмотря на его неудачу, намного превзошел все те отдельные выступления рабочих, которые вызывали опасения властей в предшествующие месяцы, являясь своего рода «барометром» социальной напряженности.

³¹ ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 464. Л. 26 (*Г.И. и А.А. Макаровы*. Очерк о подготовке и проведении Октябрьской революции в Твери).

**«К ДРУГОМУ ПЛАМЕНИ» (1929):
САМОКРИТИКА ТРЕХ «РЕНЕГАТОВ»
(ПАНАИТ ИСТРАТИ, ВИКТОР СЕРЖ, БОРИС СУВАРИН)**

*Виноградова Александра Сергеевна, к.ф.-м.н.
(Руанский университет, Франция)*

Если христианская церковь объявляла отступников «еретиками» и вела с ними беспощадную борьбу, то коммунистические партии нарекали «изменников пролетарского дела»¹ «рenegатами» и объявляли им ничуть не менее безжалостную войну. Еще в 1918 г. в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В.И. Ленин вел полемику с Карлом Каутским, одним из лидеров Второго Интернационала, называя его «сикофантом буржуазии»² и «рenegатом». Позднее именно такое клеймо получили трое франкоязычных писателей: Борис Суварин, Виктор Серж и Панаит Истрати. Как двое деятелей Коминтерна (Суварин и Серж) и писатель с «революционными стремлениями»³ (Истрати) превратились в «рenegатов»?

Борис Суварин (1895–1984) родился в Киеве, но его семья эмигрировала во Францию в 1897 г. В 1920 г. он стал одним из основателей Французской коммунистической партии (ФКП), поддержав ее вступление в Третий Интернационал, и присоединился к руководству Коминтерна. В начале 1920-х гг. Суварин совершал частые поездки в СССР и в это время жил в основном в Москве. Но уже в 1924 г. его исключают из Коминтерна и ФКП за распространение тезисов Троцкого, объявляют «рenegатом», и Суварин возвращается во Францию.

Что касается Виктора Сержа (1890–1947), он родился в Брюсселе в семье эмигрантов из России. В 1919 г. Серж отправился в Россию, где стал активным членом РКП(б) и Коминтерна. После смерти Ленина в 1924 г. он выразил свое несогласие со Сталиным и приблизился к Троцкому, тем самым став «рenegатом», за что в 1928 г. его исключили из партии. В 1933 г. Сержа арестовали и сослали в Оренбург. В 1936 г., благодаря крупной международной кампании в его поддержку и личному вмешательству французского писателя Ромена Роллана, Серж лишен советского гражданства и выслан из СССР. Сначала он вернулся в Бельгию, в 1940 г. бежал во Францию, а затем – в Мексику.

Наконец, Панаит Истрати (1884–1935) родился в Румынии, но в 1916 г. уехал в Швейцарию, а в 1920 г. – во Францию. В 1921 г. он попытался покончить жизнь самоубийством, оставив предсмертное письмо своему литературному

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1969. С. 272.

² Там же. С. 285.

³ Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм // Континент. 1981. № 28. С. 221.

вдохновителю, Ромену Роллану, но Истрати выжил. Роллан узнал о письме и поддержал начинающего писателя, назвав его «балканским Горьким»⁴ в предисловии к его первому роману «Кира Киралина» (1923). Так, благодаря покровительству авторитетного французского писателя, началась блестящая, но короткая литературная карьера Истрати. Этот пролетарский писатель, разделявший левые взгляды, никогда не вступал в ФКП, но относился к сочувствующим советскому строю слоям французского общества. В 1927 г. его пригласили в Москву на празднование десятой годовщины Октябрьской революции. Во время долгого путешествия⁵ по СССР Истрати открыл для себя истинное положение дел. В 1929 г. он возвращается разочарованным во Францию и публикует (несмотря на несогласие Роллана⁶) под своим именем трилогию «К другому пламени», которая критикует советский режим. Ответная реакция не заставила себя ждать: писатель, еще так недавно всеми любимый во Франции и в СССР, становится «ренегатом»⁷.

Что общего между этими тремя «ренегатами»? На самом деле, трилогия «К другому пламени» Истрати была написана в соавторстве с Сержем и Суваринным, что в 1929 г. не было указано в ее издании⁸. В предисловии к первому тому «После шестнадцати месяцев в СССР» Истрати предупреждает читателя: «Три книги, которые появляются под этим названием, «К другому пламени», написаны в соавторстве, но по отдельности тремя авторами. Если я и публикую их только под своим именем, то это лишь временно; я подписываю их своим именем не для того, чтобы присвоить себе их идеи, но чтобы гарантировать их публикацию. Ибо во все времена, и особенно в наше время, ужасает то, что человек, чье «имя» не имеет права на публикацию, не может быть услышанным, даже если он и прав сто раз. Однако я хочу, насколько это возможно, чтобы голос моих друзей услышали... <...> Я делаю это, чтобы спровоцировать дискуссию, запрещенную в России и в этом *Интернационале*, который мы хотим спасти»⁹. Но только в 1981 г. в журнале «Дебаты»

⁴ *Rolland R. Un Gorki balkanique // Europe. 1923. № 7. P. 257–259.*

⁵ О путешествии Истрати по СССР см., например: *Легенькова Е.А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элени Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 110–120.*

⁶ О Ромене Роллане и Истрати см., например: *Суварин Б. Панаит Истрати и коммунизм. Окончание // Континент. 1981. № 29. С. 209–222.*

⁷ *Харитонова Н.Ю. От революционера к ренегату. Трансформация образа Панаита Истрати в центральной советской печати конца двадцатых – начала тридцатых годов // Новые российские гуманитарные исследования. 2015. № 10. С. 20–30.*

⁸ На французском языке трилогия больше не переиздавалась. Лишь у первого тома «После шестнадцати месяцев в СССР», написанного Истрати, было еще два издания: *Istrati P. Vers l'autre flamme: après seize mois dans l'U.R.S.S. 1927–1928 (Confession pour vaincus), introduction de Marcel Mermoz, Paris, Union générale d'éditions (10/18), 1980* и *Istrati P. Vers l'autre flamme: après seize mois dans l'U.R.S.S., Paris, Gallimard, 1987*. На русском языке, насколько известно автору, опубликован лишь один перевод третьего тома «Нагая Россия», написанного Суваринным. Он издан тиражом 50 экземпляров, а составление, предисловие и перевод Н.И. Епишкина требуют большой переработки: *Истрати П. Советский Союз без маски (1927–1929 гг.). Чита, 2018.*

⁹ *Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S. Vol. 1. Paris, Rieder, 1929. P. 9* (Здесь и далее перевод автора с фр.).

(фр. *Le Débat*) уже Суварин, а не Истрати, рассказал¹⁰ об истории написания трилогии. На русском языке этот текст¹¹ был опубликован в том же 1981 г. в журнале «Континент», издававшемся в Париже с 1974 г.

Лишь первый том «После шестнадцати месяцев в СССР», опубликованный в октябре 1929 г., написан самим Истрати. В статье «Панаит Истрати и коммунизм» Суварин пишет, что в этом свидетельстве писатель рассказывает «по-своему: очень живо, взволнованно, прерывая повествование восклицаниями, размышлениями, иногда наивными, по временам очень меткими, часто противоречивыми, нередко двусмысленными – о своем шестнадцатимесячном пребывании в советской стране, которую он исколесил с севера на юг и с востока на запад...»¹². В 1930-е гг. и позже увидело свет немало книг, критикующих Советскую Россию, авторы которых посетили ее и написали о своих впечатлениях. Но Истрати был одним из первых, кто описал свой горький опыт за несколько лет до аналогичных знаменитых произведений: например, «Возвращения из СССР»¹³ (1936) французского писателя Андре Жида или «Слепящей тьмы»¹⁴ (1941) британского писателя венгерского происхождения Артура Кестлера. Нет сомнений в том, что книга Истрати занимает достойное место в ряду произведений подобного рода.

Второй том трилогии «Советы 1929»¹⁵, вышедший из печати в ноябре 1929 г., написал Виктор Серж. Эта книга очерков повествует в основном о советской бюрократии и ее повседневном произволе. Она похожа на досье, но написана от первого лица, как если бы автором был сам Истрати. В 1929 г. Серж продолжал жить в СССР, поэтому публикация такой книги под его собственным именем подвергла бы его риску дополнительных репрессий.

Наконец, автор третьего тома «Нагая Россия»¹⁶ (издан в декабре 1929 г.) – Борис Суварин. Это безличное досье носит совершенно иной характер: оно представляет собой набор фактов, собранных Сувариним из советской прессы и являющихся «замечательной документальной иллюстрацией к впечатлениям Истрати»¹⁷. Суварин согласился на публикацию книги под именем Истрати, чтобы усилить многих лет, потраченные им на сбор этой документации, не пропали даром.

Таким образом, «К другому пламени» представляет собой три книги (одно свидетельство и два досье), написанные на одну тему, но разными авторами и в совершенно разных стилях. Эту трилогию традиционно рассматривают как резкую и последовательную критику большевистского режима, но в данной работе предлагается обратить внимание на сами рассказы искренних коммунистов, распрощавшихся со старыми иллюзиями.

¹⁰ *Souvarine B.* Panaït Istrati et le communisme // *Le Débat*. 1981. n° 9. P. 116–133.

¹¹ *Суварин Б.* Панаит Истрати и коммунизм // *Континент*. 1981. № 28. С. 221–245.

¹² Там же. С. 225–226.

¹³ *Gide A.* Retour de l'U.R.S.S. Paris, Gallimard, 1936.

¹⁴ *Koestler A.* Le Zéro et l'Infini (1941). Paris, Calmann-Lévy, 1945.

¹⁵ *Istrati P.* Vers l'autre flamme: Soviets 1929. Vol. 2. Paris, 1929.

¹⁶ *Istrati P.* Vers l'autre flamme: La Russie nue. Vol. 3. Paris, 1929.

¹⁷ *Легенькова Е.А., Тайманова Т.С.* Кто автор «Обнаженной России»? // *Новейшая история России*. 2012. № 3. С. 151.

Сомнения постепенно накапливались не только у Суварина, Сержа, Истрати, но и у других французских интеллектуалов левого толка¹⁸, что привело не только к их разрыву с ФКП, но и к публикациям многочисленных автобиографических сочинений: мемуаров, автобиографий, дневников, очерков, которые в российской исторической традиции принято называть источниками личного происхождения.

Всем, кто добровольно или принудительно покидал коммунистический мир, часто приходилось признавать свои прежние ошибки и раскрывать их причины. Таким образом, во Франции развивалась литературная практика самокритики, у истоков которой стояла практика, с 1928 г.¹⁹ навязываемая коммунистическими партиями своим членам или даже руководителям в форме автобиографических вопросников, очерков или выступлений. Бывшие французские коммунисты адаптировали эту институционально навязываемую практику в свою пользу, извлекли из нее когнитивные и литературные ресурсы для объяснения своего идеологического пути, анализа прошлой политической приверженности и оправдания своего разрыва с коммунизмом.

В данной работе предпринята попытка ответить на вопрос: можно ли считать трилогию «К другому пламени» такой литературной формой самокритики? Если в случае Истрати ответ напрашивается сам, то можно ли за сухими досье Сержа и Суварина проследить отличительные черты этой модели самоанализа?

В первом томе «После шестнадцати месяцев в СССР» Истрати подробно рассказал о своем путешествии по Советскому Союзу, объяснил свое прежнее отношение к псевдодиктатуре пролетариата и отказался от старых убеждений. Книга состоит из четырех пронумерованных частей: «Исповедь для побежденных», «В СССР»²⁰, «Дело Русакова»²¹ или СССР сегодня» и «Заключе-

¹⁸ См., например: *Виноградова А.С.* Клод Руа и Режис Дебрэ: два примера французской политической автобиографии // *Международный журнал исследований культуры.* 2018. № 1. С. 108–116.

¹⁹ В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) с особой остротой выдвинул лозунг самокритики как одно из основных требований для улучшения работы во всех отраслях государственной жизни. В развитие этого требования 2 июня 1928 г. ЦК издал обращение «Ко всем членам партии, ко всем рабочим о развертывании самокритики».

²⁰ Во второй части «В СССР» двенадцать глав, в которых Истрати рассказывает о своем путешествии в хронологическом порядке: «О путешествии», «Один вопрос», «Отъезд. Христиан Раковский. Себеж», «На Софийской набережной», «В преддверии праздника и бред одного человека», «Вокруг праздника десятой годовщины», «Красный октябрь», «После Красного октября», «Соратник», «В Афинах», «Возвращение на родину пролетариата», «Через города и деревни, степи и моря, горы и реки» (Одесса; Крым; Украина; Москва; Беково; Мурманск; Кемь; Молдавская АССР; Волга: Нижний Новгород – Балахна, Казань, Самара, Саратов – Покровск, Сталинград, Астрахань; Закавказье: Тифлис, Боржоми, Ереван, Ахалцихе – Вардзия, Баку, Телав (Кахетия), Батуми – Сухум – Новый Афон, Гагры – Сочи – Москва, Москва – верховное обжалование!).

²¹ См., например: *Дело Русакова* // *Архив Пьера Паскаля* в Библиотеке современной международной документации (г. Нантер, Франция). Ф. F delta rés 883. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–84. Речь идет об Александре Ивановиче Русакове. Старшая из его дочерей была замужем за Виктором Сержем, младшая – за Пьером Паскалем.

чение для борцов». В заключении Истрати утверждает, что он «больше не верит ни в какие “кредо”»²², что «после тысячи других только что погасло еще одно пламя»²³, и предлагает обратиться к другому пламени. Стоит отметить, что в книге часто встречается религиозная лексика: например, «исповедь», «кредо» (от лат. *credo* – «верю»), и др. Не только Истрати, но и многие другие бывшие французские коммунисты²⁴ сравнивали слепую веру в партию с верой в церковь.

Именно в первой части («исповеди») Истрати проводит внутреннюю переоценку самого себя, некий критический самоанализ, и пытается взглянуть на себя со стороны, осуждая свои «грехи». Писатель относит себя к категории «побежденных» и уточняет, что «речь идет об этом болезненном расставании, которое исключает человека из класса после жизни, наполненной общими с этим классом стремлениями...»²⁵. Истрати объясняет, насколько он страдает от этого разрыва, и пишет: «Ну вот, я расхожусь со своими друзьями-коммунистами, и расхожусь даже в том, что составляет их гордость в России: *строительстве социализма*. Это печально для нашей старой дружбы, но это так»²⁶. Для всех бывших французских коммунистов отдаление от коммунизма подразумевало некоторую социальную дистанцию, определенную политическую психологию. Разрыв с идеологией, разделяемой в течение долгого периода времени, не отделил от внутреннего кризиса, который описывает в том числе и Истрати. Вспоминания начало «старой дружбы», а именно 1920 г., «революцию» и «большевизм», которым он воздавал честь, писатель восклицает: «Бедные мы чудак! Я тогда верил во все эти слова. <...> Я ужасно заблуждался»²⁷.

Обращая внимание на особенности и сходства повествования Истрати и других бывших французских коммунистов, можно заметить, что, стараясь отдалиться или даже отречься от своей прежней политической принадлежности, авторы порой пытались как можно дальше дистанцироваться в своем повествовании. «Я» рассказчика часто дублируется в местоимении «мы», под которым скрывается силуэт целого коммунистического поколения. Причисляя себя к «синдикалистам», Истрати признает: «Мы были лишь

Истрати лично знал эту семью, которая жила в одном из петербургских доходных домов. В феврале 1928 г. Истрати узнал, что некая Мария Свирдиева, член правления этого дома, спровоцировала отвратительную сцену в квартире Русаковых, чтобы отнять одну из комнат в пользу жилищного кооператива. Газета «Ленинградская правда» от 31 января 1928 г. опубликовала статью, требовавшую ареста Русакова или даже его смертной казни. Истрати пытался спасти семью друзей, прибегая ко всем своим связям в советском госаппарате. Наконец, он понял, что это был не местный или эпизодический случай, не личное дело одной семьи, а модель советского мира, в котором беспощадная бюрократическая машина готова погубить невинных людей.

²² *Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S. Vol. 1. P. 283.*

²³ Там же. P. 284.

²⁴ См., например: *Morin E. Autocritique. Paris; Seuil, 1959.*

²⁵ *Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S. Vol. 1. P. 11.*

²⁶ Там же. P. 14.

²⁷ Там же. P. 17–18.

“предателями”...»²⁸. Называя себя «большевиком», Истрати так же использует местоимение «мы» и призывает к тому, что «легкость, наслаждение, комфорт, несправедливость, злоупотребления, одолжения... нам больше не дозволены. <...> Вот какой стоицизм мы должны показать, если мы хотим обосновать свои преступления и сохранить шанс на исправление»²⁹. Говоря про многочисленные «преступления», в которых он и сам себя считал виноватым, писатель в том числе имел в виду и честных революционеров-оппозиционеров, которых в то время ссылали в Сибирь.

Именно чувство вины заставило Истрати и многих других бывших французских коммунистов написать свои «исповеди». Вины за что? Как пишет сам Истрати, в случае «некоторых – за то, что пропитались [аморальностью, воцарившейся после Революции]; других – за то, что они видели, что творилось, но ничего не сказали; наконец, всех – за то, что все знали и все скрывали от глаз мира, который имеет, по крайней мере, право на надежду»³⁰. Итак, книгу Истрати можно считать его самокритикой. Она является предшественником литературной практики самокритики бывших французских коммунистов, которая разовьется позднее и в которой главный акцент делается на реконструкцию личности, раздавленной партией, и на процесс отдаления или полного разрыва с коммунистической идеологией.

Если с первым томом Истрати ответ положительный, то можно ли считать самокритикой досье Сержа и Суварина, в которых они проводят не критический самоанализ, а критический анализ условий труда крестьян и рабочих, репрессий оппозиции и недостаточной индустриализации страны? На первый взгляд, ответ отрицательный, но не стоит забывать про год публикации трилогии – 1929.

Замысел начатой в СССР в первой половине 1928 г. кампании самокритики³¹ предполагал не критику отдельным человеком самого себя, а критику им «рабочего класса». Задача была в том, чтобы развернуть внутреннюю критику того, что происходило в СССР. Речь шла не об индивидуально осуществляемом действии, а о коллективном феномене. Самокритика служила средством управления и позволяла партии выявлять отступников и изменников, которые впоследствии осуждались. К самокритике призывали лозунги на тарелках в советских столовых, стенгазеты и агитационные плакаты. Самокритика велась как в устной, так и в письменной форме. Например, на собраниях от рабочих ждали, чтобы они публично рассказали, что не так на их рабочем месте. Но высказывать свои замечания вслух все же трудно, и, следовательно, такая форма критики оставалась ограниченной. В этот начальный период самокритика разворачивалась в основном на страницах газет. Практически ни одна страница третьего тома «Нагая Россия»³², написанного Сувариним, не обходится без статистических данных и ссылок на советскую прессу.

²⁸ Там же. Р. 36.

²⁹ Там же. Р. 32.

³⁰ Там же. Р. 51.

³¹ О кампании самокритики в 1928–1929 гг. см.: *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М., 2011.

³² Третий том «Нагая Россия» состоит из предисловия, послесловия и семи пронумерованных глав: I. Введение в советскую жизнь; II. Трагическая жизнь

Если проводить параллель с чувством вины за увиденное, но не сказанное, о котором в первом томе пишет Истрати, то еще в самом начале второго тома «Советы 1929»³³ Серж снимает с себя подобную вину: «Во времена революции наблюдатель, который видит огромную опасность и не осуждает ее, должен быть расстрелян (Он также был бы виновен в том, что преувеличивал опасность и сеял панику; добросовестный читатель не упрекнет меня в этом)»³⁴. Серж ведет повествование от первого лица, а иногда даже специально вводит читателя в заблуждение, представляясь Истрати, например: «Я приехал в СССР в октябре 1927 г., в момент, когда политическая борьба, разворачивающаяся годами между Сталиным и Троцким, шла полным ходом. Я уехал из СССР пятнадцать месяцев спустя, а эта борьба так и не закончилась»³⁵. Несмотря на эти попытки Сержа заставить читателя поверить в то, что автор второго тома – Истрати, стили повествования в первом и втором томе заметно отличаются: в «Советах 1929» от живого и взволнованного почерка Истрати не осталось и следа. Если в первом томе (см. «Дело Русакова») Истрати был «готов действовать самым решительным образом, здесь и за границей, против таких мерзостей»³⁶, то во втором томе, говоря о бюрократических болезнях, распространившихся в СССР, Серж заявляет: «Это не мое дело прописывать лекарства. Вот лишь идеи, которые сами приходят на ум»³⁷.

В отличие от первых двух томов, в третьем томе Суварин полностью отказался от «я» рассказчика, заменяя его на «мы» или используя выражение «автор этой книги», например: «Автор этой книги, работая в советском учреждении в Москве, был членом восьми организаций или обществ, никогда не вступая ни в одно из них...»³⁸ Суварин не пытается ввести читателя в за-

рабочих; III. Трагическая жизнь рабочих (2); IV. Трагическая жизнь рабочих (3); V. Темные силы; VI. «Диктатура пролетариата»; VII. «Социализм через пятнадцать лет».

³³ Во втором томе «Советы 1929» семнадцать пронумерованных глав: I. Некоторые соображения. Силы будущего; II. Зерновой кризис. Кулак (Мнения правого крыла, центра и левого крыла коммунистической партии); III. Есть ли промышленное развитие? (Личное потребление. Есть ли у республики необходимые ресурсы?); IV. Излишние бюрократические затраты в промышленности; V. Кино и книжное дело; VI. Кооператив; VII. Рабочий класс (Синдикаты. Жилищный кризис. Алкоголизм); VIII. Советы (Выборы. Есть ли советская демократия? Что делать?); IX. Внутренний режим партии (Борьба поколений. Бюрократия); X. Дуэль оппозиции и руководителей (Сталин и Троцкий. Платформа оппозиции); XI. Репрессия «троцкизма» (Диалог между правоверным и оппозиционером); XII. Тот, кого мы не видим: Троцкий (Его популярность. Его судьба. Ссылка в Алма-Ате); XIII. Нравы (Богатые и бедные. Брак, любовь. Коммунистическая молодежь. Мода); XIV. Интеллектуальное развитие СССР и коммунизма (Догматизм и бесплодие. Образование. Религия); XV. Советские писатели (Старики. Революционное поколение. Пролетарская литература); XVI. Трагедия Горького; XVII. Опасность в вас. Спасение в вас.

³⁴ *Istrati P. Vers l'autre flamme: Soviets 1929. Vol. 2. P. 9.*

³⁵ Там же. P. 112.

³⁶ *Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'U.R.S.S. Vol. 1. P. 229.*

³⁷ *Istrati P. Vers l'autre flamme: Soviets 1929. Vol. 2. P. 205.*

³⁸ *Istrati P. Vers l'autre flamme: La Russie nue. Vol. 3. P. 83.*

блуждение, как это делал Серж, поэтому по большинству подобных упоминаний сразу становится ясно, что автор третьего тома – не Истрати. Если в первом томе Истрати раскрывал перед читателем свои личные впечатления и переживания, во втором томе Серж выражал разделяемые им взгляды троцкистской оппозиции, то в «Нагой России» Суварин пишет: «Цель этой книги не состоит в том, чтобы дать читателю готовое решение или отстоять некий тезис. Автор намерен лишь правдиво обрисовать основные черты положения масс в Советской России и сформулировать, в заключение, идеи, которые смогут *помочь* сформировать правильное мнение»³⁹.

Итак, во втором и третьем томе трилогии «К другому пламени» Серж и Суварин собрали «обильную подлинную документацию, очень богатую и разнообразную, по всем вопросам, волновавшим»⁴⁰ Истрати. Их самокритика соответствует развиваемой в то время кампании и представляет собой критику того, что происходило в СССР. Эта форма самокритики тем более интересна, потому что она уже является попыткой критики, которую предпринимает индивид, но при этом он максимально стирает свою личность и субъективность критики, в отличие от книги Истрати и более поздних произведений бывших французских коммунистов.

³⁹ Там же. Р. 31–32.

⁴⁰ *Суварин Б.* Панаит Истрати и коммунизм // *Континент.* 1981. № 28. С. 240.

ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА 1920 г.

Ермаков Вадим Андреевич, к.и.н.

(Московский государственный областной университет)

Второй конгресс Коминтерна, проходивший с 19 июля по 7 августа 1920 г. и утвердивший организационные принципы мирового коммунистического движения, необходимым пунктом включил в повестку вопрос об отношении к парламентаризму. Проблема отношения коммунистического движения к парламентаризму стояла еще в период деятельности I Интернационала, и ее решение состояло преимущественно в использовании парламента как средства политической агитации. После революционных трансформаций 1917–1918 гг., когда в России утвердилась диктатура Советов, а в некоторых странах – Германии, Венгрии, Финляндии на краткий срок оказались у власти левые правительства, позиция в отношении парламента существенно изменяется. Следует отметить, что большевики признавали, что это происходит не столько под воздействием идеологических конструктов, сколько является следствием динамики и реальных условий функционирования политического процесса. В документах Второго конгресса отмечается: «Это отношение изменилось не под влиянием доктрины, но под влиянием хода политического развития... и далее: отношение III Интернационала к парламентаризму определяется не новой доктриной, а изменением роли самого парламентаризма»¹.

Как же, с точки зрения участников Второго конгресса, изменилась роль парламента в новых условиях? Если ранее за парламентом признавалась некоторая возможность выполнять позитивные функции и выступать в качестве публичной площадки для конструктивного взаимодействия различных политических сил и организаций, в том числе и левых, а участие в законодательных инициативах рассматривалось с позиции развития классового самосознания, то в новой политической ситуации парламента стал исключительно инструментом защиты интересов правящей элиты, а «парламентские реформы, лишенные систематичности, прочности и планомерности, теряют всякое практическое значение для трудящихся масс»².

Происходила также адаптация и модификация парламентской тактики социал-демократических партий к запросам официальной законодательной деятельности, когда планомерная работа в этом органе власти приводила не только к ограничениям политических требований задачами программы

¹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 113.

² Там же.

минимум и фактическому отказу от ленинской программы-максимум, но и приводило к постепенному отходу от реализации интересов рабочего класса. Часть европейских социалистов, хотя и склонялась к коммунистической доктрине, тем не менее критически относилась к революции как методу достижения политических целей, заключая в случае необходимости компромиссы и соглашаясь на коалиции.

В отличие от оппонентов, делегаты второго конгресса полагали, что парламент исчерпал свой прогрессивный потенциал и переродился в орган, имитирующего демократический процесс и создающий опору для поддержания капитализма. Констатируемое состояние парламентской демократии оценивалось как критическое, и из этого делался вывод о нестабильности политических систем в странах с капиталистическим устройством. Давление обстоятельств подталкивало членов Коминтерна к сомнению в легальных способах реализации левых программ и способствовало поиску новой тактики взаимодействия с демократическими институтами. Такой тактикой стал «новый парламентаризм, отвечавший тем вызовам, которые стали перед мировым коммунистическим движением и национальными компартиями.

Рассматривая обновленную тактику в контексте сложившейся международной обстановки, необходимо признать, что ее разработка была вызвана, прежде всего, объективными факторами. К ним следует отнести: постепенную стабилизацию международной политической системы, вызванную Первой мировой войной и достигнутую в процессе версальских договоренностей, а также приход к власти реформистских правительств в целом ряде европейских стран, которые не только способствовали снижению революционной волны, но и в критический момент отказались от поддержки революционного пути преобразований.

Как отмечалось на пленарном заседании 23 июля, где третьим обсуждался вопрос о парламентаризме: «Нам не нужны такие парламентские фракции, как в Германии и Италии, которые, мы доподлинно знаем это, – в самый критический момент либо встанут на сторону буржуазии, либо будут сидеть между двух стульев и саботировать нашу борьбу»³. Дополнительным объективным фактором, влиявшим на изменение тактики взаимодействия с законодательными структурами других стран стало создание большевистским правительством принципиально новой модели государственного управления в форме советов, функционировавшей на $\frac{1}{6}$ части света, а также образованием в марте 1919 г. обновленной международной структуры рабочего движения – III Коммунистического Интернационала, «конечной целью которого является замена мирового капиталистического хозяйства мировой системой коммунизма»⁴ и для которой идеологема мировой революции имела перспективу для реализации.

Естественно, что такая комбинация объективных факторов не могла не повлиять на трансформацию методов взаимодействия с демократическими

³ Стенограмма 2-го заседания 2 конгресса Коминтерна // РГАСПИ. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 14.

институтами, учитывая тот факт Коминтерн создавался в противовес реформистскому Второму интернационалу для распространения и утверждения марксистской концепции пролетарского интернационализма.

К субъективным факторам, способствующим пересмотру взаимодействия с демократическими институтами, следует отнести стратегические установки вождей большевизма, прежде всего Ленина, Троцкого и Зиновьева, которые понимали, что сотрудничество с социал-демократией является скорее угрозой для мировой победы коммунизма и создания международной советской республики. В частности, в работах Ленина того периода «Второй конгресс Коммунистического Интернационала», «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии», «Письмо к немецким и французским рабочим» признавался в создавшихся условиях глубокий раскол среди западно-европейского рабочего класса и его неготовность к установлению диктатуры пролетариата и революционным преобразованиям советского типа.

В качестве аргумента показательна работа «О задачах III Интернационала», написанной в полемике с лидером британской «Независимой рабочей партии» Рамсеем Макдональдом еще в июле 1919 г., где Ленин критикует оппонентов не только за оппортунизм, но и настаивает на необходимости поляризации с подобными политическими силами. «С такими людьми раскол необходим и неизбежен, ибо нельзя совершать социалистической революции рука об руку с теми, кто тянет сторону буржуазии»⁵. В работе «Тезисы об основных задачах второго конгресса Коминтерна», написанной 4 июля 1920 года перед началом его работы и распространенной среди участников конгресса, излагались как стратегические взгляды вождя большевиков на международное положение и мировое коммунистическое движение, так и затрагивался вопрос о новых методах взаимодействия с различными политическими силами на парламентском уровне.

Вместе с тем необходимо отметить, что столь существенные изменения в политическом поле после отрицательного опыта революций в Германии, Венгрии и других странах, динамика изменений в программных установках лидеров большевизма не привели к пересмотру идеологии мировой революции, ее «призрак» продолжает «бродить» среди вождей и участников Коминтерна. Данному явлению возможно найти объяснение в суждениях историка А.Ю. Ватлина «Коминтерн: Идеи, решения, судьбы»: «Советская Россия оставалась единственным бастионом мировой революции. Тот факт, что большевики смогли не только завоевать, но и удержать власть, вел их лидеров к абсолютизации собственного политического опыта»⁶. Действительно, руководство советской республики в целом рассматривало свои эксперименты в построении коммунистического общества и тотальную деконструкцию государственных отношений как успех и отказываться от революционного транзита полученного опыта на другие страны оно не собиралось.

Делая промежуточные выводы о соотношении объективных и субъективных факторов, повлиявших на изменения в парламентской тактике коммунистических сил, следует зафиксировать, что они в сумме и в различных комбинациях обуславливали смену тактики «старого» реформистского пар-

⁵ Ленин В.И. О задачах III Интернационала // ПСС. Т. 39. С. 95.

⁶ Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009. С. 39.

ламентаризма на тактику «нового» революционного, приоритетной и конечной задачей которого стало уничтожение парламентаризма в целом как политического инструмента и создание на его основе новых органов власти, аналогичных советам, «поэтому непосредственная историческая задача рабочего класса состоит в том, чтобы вырвать эти аппараты из рук господствующих классов, сломать их, уничтожить и создать на их месте новые органы пролетарской власти»⁷.

Из чего же исходила и как выстраивалась тактика взаимодействия коммунистов с представительными органами власти в новых политических условиях? Что собой представлял «новый парламентаризм»? Позиционируя в качестве исходного тезис о классовой борьбе как борьбе политической, большевики допускали различные формы и методы этой борьбы. В этой связи парламентский метод рассматривался, с одной стороны, как составная ее часть, но, с другой стороны, являлся вспомогательным, «подсобным» средством в сравнении с массовыми выступлениями, в которых должен был выполнять организующую роль. Такой подход к парламенту исходил, прежде всего, из простой максимы о том, что «центр тяжести» борьбы за государственную власть находится во внепарламентских формах. Коммунистическая партия свою стратегическую цель и миссию в парламенте формулировала достаточно радикально: «для того, чтобы из недр парламента помочь массам взорвать государственную машину буржуазии и сам парламент изнутри»⁸. При этом коминтерновцы ссылались на разнообразные прецеденты реализации, по их мнению, этой миссии – деятельность большевиков в Государственной Думе, в «Демократическом совещании», в «предпарламенте» Керенского, в «Учредительном собрании», а также Либкнехта в Германии и болгарских коммунистов в городских думах. Насколько подобные факты соответствовали радикализму цели и произошло ли действительно так, – другой вопрос.

Далее, анатомируя тактику «нового парламентаризма, нужно отметить, что помимо организующей функции, как и в предыдущих Интернационалах, парламент мог выполнить, особенно в ходе избирательных кампаний, пропагандистскую функцию для вовлечения в политическую активность и революционное движение аморфных социальных групп. Коммунистическая партия в тактике «нового парламентаризма» на Втором конгрессе рассматривала сценарий получения большинства в парламенте на основе процедуры плебисцита. В случае его реализации, она должна была стать революционной оппозицией центральной власти, критиковать проводимую ею политику, оказывать содействие населению в защите их интересов, стремиться к замене органов местного самоуправления местными советами рабочих депутатов.

Вместе с тем была разработана подробная инструкция, предписывающая и даже, по мнению создателей, гарантирующая реализацию тактики «революционного парламентаризма». Ее анализ дает возможность понять особенности и фундаментальные положения этой тактики. В чем же состояли ее ключевые пункты, позволяющие объяснить принципиальные изменения во взаимодействии с официальными демократическими структурами? Во-первых, видоиз-

⁷ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 114.

⁸ Там же. С. 116.

менился подход к кадровой политике, состоящий, прежде всего, в качественно ином выборе социального состава парламентской фракции не только на стадии ее работы в официальных органах власти, но и в период предвыборной кампании. Кадры должны были набираться не из профессиональных парламентариев, к числу которых, прежде всего, относились адвокаты, юристы, а из рабочих, пусть и не имеющих достаточной квалификации для выполнения подобной роли, тем не менее способных обучиться, по мнению авторов предписаний, парламентской работе.

Ответственность за подбор кадров, их идеологическую благонадежность, что являлось гораздо более значимым маркером отбора для деятельности в парламенте, чем профессионализм, а также чистку от карьерных и реформистских элементов возлагалась на ЦК. Нужно отметить, что контроль за кадрами имел всесторонний, даже тоталитарный характер и доходил до того, что каждый кандидат обязывался не только предоставлять на рассмотрение ЦК тексты парламентских речей, но и должен был давать расписку о готовности сдать депутатский мандат в случае требования ЦК. Такой подход диктовался культом железной дисциплины и идеологическими установками обостряющейся гражданской войны и необходимости реализации проекта мировой революции в условиях капиталистического окружения. Во-вторых, за ЦК полностью закреплялась функция организации деятельности парламентской фракции после выборов, включая утверждение председателя, президиума парламентской фракции и ее работы: «По всем важнейшим политическим вопросам парламентская фракция обязана испрашивать предварительные директивы от ЦК партии»⁹.

Такой подход к коммунистической фракции позволял установить четкую субординацию и вертикаль между парламентскими структурами и партийными, а также поставить деятельность фракции под контроль высших органов партии. В-третьих, стоит отметить изменение в функционале депутатов-коммунистов, которым предписывалось «соединять легальную работу с нелегальной»¹⁰ и использовать депутатскую неприкосновенность для содействия «неформальной» работе партии.

Это предписание напрямую пересекается с ленинскими тезисом о том, что «надо соединять легальную и нелегальную работу. Этому учили большевики всегда и особенно настойчиво во время войны 1914–1918 годов»¹¹. Формальная работа депутата по разработке и внесению законопроектов в официальных органах власти скорее должна была преследовать цель агитации и пропаганды. «Каждый коммунист-депутат парламента обязан помнить, что он является не “законодателем”, который должен искать соглашения с другими законодателями, а агитатором, посланным в стан врагов, для того, чтобы проводить решения партии»¹². Также парламентская активность направлялась на критику противников коммунистической идеологии.

⁹ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. С. 118.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ Ленин В.И. О задачах III Интернационала// ПСС. Т. 39. С. 101.

¹² Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 119.

Учитывая подчиненный характер парламентской работы перед внепарламентской, депутаты-коммунисты должны были выступать в качестве организаторов и лидеров массовых выступлений, устанавливать плотные и широкие контакты со сторонниками, тем самым расширяя социальную базу и узнаваемость партии. Здесь необходимым компонентом агитационной работы должна была стать доступность и понятность лозунгов, речей, программы для представителей самых разных социальных слоев.

Следует отметить, что тактика «нового парламентаризма» органично вписывалась и пересекалась с содержанием пунктов фундаментального решения, принятого и утвержденного в документе на втором конгрессе 30 июля 1920 г. – это известные «21 условие приема в коммунистический Интернационал». Его принятию содействовал тот факт, что в III Интернационал регулярно обращались партии, включенные в состав II Интернационала и стремящиеся примкнуть к обновленной и более централизованной структуре.

При этом данные партии не стояли определенно на коммунистической платформе и скорее стремились за счет ресурса Коминтерна обрести автономный статус в политическом процессе, проводя по-прежнему парламентскую тактику компромиссов и соглашений. Это относилось и к крупным партиям Италии, Норвегии, Швеции и Югославии, придерживавшихся коммунистической идеологии, тем не менее по своему кадровому составу достаточно неоднородных и содержащих существенные и влиятельные реформистские, социал-пацифистские силы, способные в критический момент дискредитировать коммунистических лидеров и обнулить революционный потенциал масс.

Участники второго конгресса помнили и учитывали отрицательные опыты Баварской и Венгерской Советских республик, когда договорная политика парламентского типа привела к падению этих режимов. Угроза размывания политики III Интернационала политическими объединениями, готовыми преимущественно к конституционно-парламентской политике в рамках существующих западных политических систем и не способными последовательно отстаивать коммунистические принципы привела к созданию конкретных критериев отбора в Коминтерн. Прежде всего это касалось кадрового состава парламентских фракций профсоюзов, муниципалитетов, откуда должны были устраняться активисты, стоящие на реформистских и центристских позициях и заменяться надежными коммунистами.

Инструкция по революционному парламентаризму коррелируется со вторым пунктом «21 условия», фактически уточняя и дополняя его в отношении к законодательным органам власти. «В тех странах, в которых в парламентскую фракцию коммунистов уже успели проникнуть реформистские, полуреформистские и просто карьерные элементы (а это произошло уже в некоторых странах), ЦК коммунистических партий обязаны произвести радикальную чистку личного состава фракции, исходя из того принципа, что для дела рабочего класса гораздо полезнее иметь небольшую, но действительно коммунистическую фракцию, чем фракцию многочисленную без выдержанной коммунистической линии»¹³.

Затем, также связанное с кадровым вопросом 11 условие, где всем партиям, добивающимся вступления в Коминтерн предписывалась фильтрация

¹³ Там же. С. 118–119.

состава фракций и их подчинение центральному комитету партии, что должно было обеспечить централизацию в управлении всеми легальными и нелегальными структурами, связанными с компартией. «Партии, желающие принадлежать к III Интернационалу, обязаны пересмотреть личный состав своих парламентских фракций, удалить из них ненадежные элементы, подчинить эти фракции не на словах, а на деле ЦК партий, требовать от каждого парламентария-коммуниста, чтобы он подчинял всю свою деятельность интересам действительно революционной пропаганды и агитации»¹⁴.

Итак, подводя итоги и резюмируя ответ на вопрос об отношении коммунистических партий к парламенту на Втором конгрессе Коминтерна и содержание тактики «революционного» парламентаризма, необходимо сказать, что ее пункты содержат конкретные действия для коммунистической фракции в целом и отдельных депутатов-коммунистов как в предвыборный, так и послевыборный период, т. е. охватывают, говоря современным языком, весь электоральный цикл.

Тактика «нового парламентаризма», хотя напрямую и не признавала, но исходила из доктринальных положений коммунистической идеологии, отрицавшей парламент как перспективную и эффективную форму государственного управления: «Парламентаризм как государственная система стал “демократической” формой господства буржуазии, нуждающейся, на определенной ступени развития, в фикции народного представительства, которое по внешности составляет организацию внеклассовой “народной воли”, по существу же является орудием подавления и угнетения в руках господствующего капитала»¹⁵.

Тем не менее идеологически обусловленное отношение к парламенту не приводило коммунистические силы к принципиальному «антипарламентаризму», т. е. категорическому отказу от участия в выборах в представительные органы власти в конкретной политической ситуации. В тех странах, где имелись демократические институты, признавалась необходимость работы как в центральном парламенте, так и в органах местного самоуправления. Особенностью работы должно было стать сочетание депутатами-коммунистами легальных методов работы с нелегальными и перенесение центра тяжести политической борьбы на внепарламентский уровень.

Таким образом, тактика «революционного парламентаризма», разработанная и принятая на Втором конгрессе Коминтерна, явилась механизмом адаптации коммунистического движения к стабильно функционирующим институтам демократии и ответом на вызовы, стоявшие перед советской системой.

¹⁴ Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. С. 102–103.

¹⁵ Там же. С. 114–115.

ПОПЫТКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОНТРАКТА НА СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ УЛИЧНОГО ГОРОДСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ ГАТЧИНЫ В КОНЦЕ XIX ВЕКА: НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО

*Ефимов Андрей Александрович, к.и.н.
(Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук)*

Взаимодействие власти и частного бизнеса в настоящее время является одним из важнейших вопросов экономической науки. Однако и для специалистов-историков эта тема представляет несомненный интерес. Среди ее аспектов определенное место занимает вопрос реализации схем государственно-частного партнерства в Российской империи. При этом данная статья обращается к изучению одного из эпизодов взаимодействия предпринимателей и Министерства императорского двора.

Значимой задачей для Министерства императорского двора (МИДв) при администрировании дворцовых городов являлось их коммунальное благоустройство, предусматривавшее в том числе устройство системы уличного освещения и ее последующее развитие и модернизацию. В существующих исследованиях работа Министерства императорского двора в этой области исследована очень фрагментарно, поскольку авторы фокусируют внимание на императорских резиденциях, а не на городских кварталах¹. Применительно к Гатчине эти вопросы затрагиваются в книгах «Столетие города Гатчины», подготовленной С.В. Рождественским, «Гатчина: страницы истории», составленной Т.Ф. Родионовой, и «Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей», написанной А.Ю. Гусаровым². Однако сведения, указанные в этих изданиях, одновременно и неполные, и не вполне корректные. Также необходимо отметить, что история первоначального развития электрических сетей в дореволюционной России освещена очень не-

¹ Андреев А.Р. Царские дачи Северной столицы. М., 2008; Елкина А.С. Гатчина. Л., 1980; Кашук Л.А. Гатчина XVIII – начала XX века: владельцы. Фавориты. События. СПб., 2010; Кислов В.А. Старая Гатчина. Улица Елизаветинская (Достоевского). Гатчина, 2010. Кючарианиц Д.А., Раскин А.Г. Гатчина: дворцово-парковый ансамбль. СПб., 2005. Первушина Е. В. Гатчина. СПб., 2009; Пирютко Ю.М. Гатчина. Л., 1979.

² Рождественский С.В. Столетие города Гатчины. 1796–1896. Т. 1. Гатчина, 1896; Родионова Т.Ф. Гатчина: страницы истории. Гатчина, 2006; Гусаров А.Ю. Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. М., 2012. 348, [2] с.

полно. В обзорных изданиях советского периода³ эта проблема освещена лишь на уровне краткой справки. Среди современных публикаций стоит отметить лишь работы Н.С. Симонова⁴, а также брошюру и электронную публикацию А.С. Иванова⁵, при этом последние характеризуются заметным уклоном в изложение биографий инженеров-электротехников (в первую очередь, А.И. Смирнова) и описание общего хода развития электрических сетей до революционной России в ущерб непосредственно истории электрификации Гатчины.

В свою очередь данная статья направлена на сокращение имеющейся историографической лакуны в части истории начального этапа создания сети электрического освещения в Гатчине. В ходе работы обнаружилось, что пробелы наличествуют и в источниковой базе. Как единый комплекс представлены лишь документы Министерства императорского двора, тогда как в фондах компаний и лиц, работавших в сфере устройства систем электроснабжения, подавляющая часть бумаг не сохранилась, а архивы некоторых из них найти и вовсе не удалось⁶.

Хотя первые электрические фонари с дуговыми лампами («свечами Яблочкова») появились в Гатчине еще в 1881 г., осветив площадь перед Гатчинским дворцом⁷, начало именно городского освещения стоит относить к более позднему периоду середины 1890-х гг. 22 июня 1893 г. в Гатчинское дворцовое управление было направлено заявление инженера из Санкт-Петербурга Н.А. Демчинского. Изъявляя желание «принять на себя устройство электрического освещения в Гатчине», он предлагал проект организации целой электросети, которая бы включала в себя 72 уличных дуговых фонаря и до 420 ламп накаливания в зданиях, находившихся в ведении Дворцового управления. Он обещал, что при заключении контракта в течение ближайшей пары недель сможет осуществить предложенный проект до 1 октября того же года⁸.

Это предложение изначально было принято со всей серьезностью и направлено на заключение в Контроль МИДв, занимавшийся в том числе и

³ Свет над Россией. Очерки по истории электрификации СССР. М., 1960.

⁴ *Симонов Н.С.* 1) Развитие электроэнергетики Российской империи: предыстория ГОЭЛРО. М., 2016; 2) Начало электроэнергетики Российской империи и СССР, как проблема техноэноза. М., 2017.

⁵ *Иванов А.С.* 1) Электрификация Гатчины. Ч. 1. 1881–1917. Гатчина, 2006; 2) Электрификация Гатчины // Исторический журнал «Гатчина сквозь столетия». URL: <http://history-gatchina.ru/town/electro/index.htm> (дата обращения: 11.04.2019).

⁶ Применительно к Гатчине речь идет о фонде 1457 «Товарищество для эксплуатации электричества “М.М. Подобедов и Ко”», хранящемся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), в котором по описи имеется только одно дело 1903 г., тогда как фонды, связанные с Н.А. Демчинским, вовсе не были обнаружены.

⁷ *Гусаров А.Ю.* Гатчина. От прошлого к настоящему. История города и его жителей. М., 2012. С. 268; *Родионова Т.Ф.* Гатчина: страницы истории. Гатчина, 2006. С. 89–90.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 1–2.

согласованием различных технических проектов Придворного ведомства. Ревизор-техник департамента В.Л. Пашков представил свои соображения возглавлявшему Гатчинское дворцовое правление К.К. Гернету уже 27 июня. Он отмечал, что проведенная им экспертиза позволила дать в целом положительную оценку этому плану. Однако сложность могла представлять финансовая сторона дела, поскольку неопределенным был вопрос о точном размере годовой платы, зависевшей от количества установленных ламп наружного и внутреннего освещения, а пожелание о беспопытном ввозе материалов и оборудования и вовсе рассматривалось как нечто невыполнимое. Кроме того, уточнения требовал и вопрос применяемого на линиях электрического напряжения, которое предлагалось установить в пределах 100–250 В для постоянного тока с возможностью определенного увеличения, тогда как переменный ток свыше 150 В признавался В.Л. Пашковым опасным для здоровья⁹.

Несмотря на это в целом положительное экспертное заключение, дальнейшее рассмотрение проекта по существу застопорилось, поскольку спустя полтора месяца, 11 августа 1893 г. Н.А. Демчинский, не получая ответа на свое первичное предложение, обратился к руководству Гатчины с новым письмом. На это раз он предлагал уже за свой счет установить на нескольких центральных улицах города две дюжины электрических фонарей и давать освещение с 1 октября за общую годовую плату в 4 000 руб. Реализация нового плана, по мнению его автора, надеявшегося на получение в будущем контракта на освещение всего города, могла существенно содействовать благоприятному для него исходу дела, поскольку позволила бы продемонстрировать «силу и ровность предлагаемого света, полную его безопасность во всех отношениях; словом, всю красоту и достоинство устройства»¹⁰.

На этот раз Гатчинское дворцовое управление, минуя процедуру согласования с Контролем министерства, сразу же обратилось в Кабинет Е. И. В. В своем докладе К.К. Гернет отмечал, что оба полученных им предложения не требовали никаких особых ассигнований со стороны Придворного ведомства. При этом второе по своим условиям было еще выгоднее, поскольку заявитель был готов освещать улицы по выбору Дворцового управления за сумму в 4 000 руб., что было сопоставимо с расходами на керосиновое освещение предполагаемого района, составлявшими 3 500 руб. Кроме того, чиновник надеялся добиться от Н.А. Демчинского установки несколько большего числа фонарей, чем предлагал инженер (двадцати семи вместо двадцати трех) при неизменности общей суммы годового вознаграждения с заключением контракта на срок до 1 октября 1894 г.¹¹

Однако у проекта нашлись и критики. Так, 16 августа электротехник Придворного ведомства А.И. Смирнов в своем отношении в Гатчинское дворцовое управление отмечал, что по ознакомлении с запиской Н.А. Демчинского, содержавшей технические характеристики и схему расстановки уличных фонарей, им был сделан вывод о слабой проработанности этих вопросов в целом и о недостаточной мощности предлагаемых дуговых ламп в сравнении с дей-

⁹ Там же. Л. 5–6.

¹⁰ Там же. Л. 10–10 об.

¹¹ Там же. Л. 11–12.

ствовавшими керосиновыми в частности¹². Однако эти замечания оказались запоздалыми и не были приняты во внимание Гатчинским дворцовым управлением.

Спустя еще неделю, 24 августа 1893 г. Хозяйственный отдел Кабинета Е. И. В. сообщил К.К. Гернету, что представленное им предложение Н.А. Демчинского получило одобрение управляющего делами МИДв¹³, а сроком начала действия системы электрического уличного освещения устанавливалось 1 октября того же года. Контрактом предусматривалось, что «испытательное электрическое освещение» будет действовать по 1 мая 1894 г.¹⁴

Функционирование системы уличного электрического освещения обеспечивалось связкой из паровой машины мощностью около 70 л. с. и динамо-машины на 42 кВт¹⁵.

Вскоре после запуска тестового уличного электрического освещения, 17 ноября 1893 г. начальник гатчинского Дворцового управления К.К. Гернет обратился к Н.А. Демчинскому относительно предоставления подробного и окончательного проекта, на основании которого тот полагал бы возможным заключить контракт на монтаж освещения по улицам всего города и в зданиях Придворного ведомства. По всей видимости, необходимый документ был наготове, поскольку ответ на запрос был дан уже 19 ноября, и предприниматель при своем ответном письме подал руководителю Гатчины составленный им предварительный контракт и отмечал, что техническая документация также была в целом готова и могла быть представлена в пределах двух недель после заключения соглашения. При этом инженер заявлял, что готов немедленно приступить к работам, имея в своем распоряжении необходимые котлы, паровые и электрические машины. Присланные документы, хотя и были рассмотрены чиновниками Придворного ведомства¹⁶, практических результатов не принесли¹⁷.

В самом конце 1893 г., 29 декабря Н.А. Демчинский направил К.К. Гернету очередной проект договора на создание системы электрического освещения Гатчины, уведомив последнего о повышении стоимости ежегодной платы за электроэнергию при невозможности беспрошленной доставки из-за границы необходимого оборудования и материалов.

Техническим заданием предусматривалась установка для уличного освещения 84 дуговых фонарей в 8 А с потребляемой мощностью 440 Вт и в нескольких зданиях, принадлежавших Дворцовому управлению (Дворцовое управление, Госпиталь и Полиция) 260 лампочек накаливания (60 штук по 56 Вт и 200 штук по 35 Вт). Общая потребляемая мощность всей системы должна была составить более 47 кВт.

Для генерации необходимого количества электроэнергии монтировались две паровые машины завода Эльзасского машиностроительного обще-

¹² Там же. Л. 13.

¹³ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 14.

¹⁴ Там же. Л. 17, 22.

¹⁵ Там же. Л. 41 об.

¹⁶ Об этом можно судить по имеющимся на их страницах карандашным пометам.

¹⁷ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 28–33.

ства (Мюльгаузен) по 120 л. с. с двумя паровыми котлами парижской фабрики Вейер и Ричмонда, передающие энергию на две динамо-машины постоянного тока завода Шварцкопфа в Берлине, выдающие по 400 А каждая при напряжении в 230 В. При этом автор проекта предусматривал возможность установки третьего комплекта генерирующего оборудования, хотя даже основная группа обладала более чем достаточным запасом мощности.

Разводку проводов к уличным фонарям предполагалось вести двумя способами: по Люцевской ул. и Большому пр. от Люцевской ул. до пл. Коннетабля под землей, а на остальных улицах – оголенные провода на столбах с резиновой изоляцией в местах пересечения с телеграфными и телефонными проводами.

Стоимость электроэнергии устанавливалась Н.А. Демчинским из расчета 40 коп. за каждый Вт потребляемой мощности и составила бы 18 970 руб. в год¹⁸.

Буквально через неделю после подачи документов, 7 января 1894 г. предприниматель обратился к К.К. Гернету с просьбой ускорить процесс рассмотрения своего проекта, ссылаясь на необходимость заранее сформировать заказы на оборудование и материалы, а также провести все электромонтажные работы. Он отмечал, что задержка с утверждением проекта и контракта может привести к срыву сроков предполагаемого начала действия городского освещения. Однако это письмо не возымело никакого результата, оставшись без ответа¹⁹.

С приближением окончания срока договора на тестовое освещение городских улиц электричеством Н.А. Демчинский озадачился уже вопросом о дальнейшей судьбе своего гатчинского предприятия. Построив электростанцию, он не стал ограничиваться поставкой электроэнергии Министерству императорского двора и заключил контракты с Варшавской железной дорогой и несколькими частными абонентами. Однако завершение срока действия базового соглашения с Дворцовым управлением могло поставить крест на выполнении всех остальных, поскольку Придворное ведомство имело право потребовать демонтировать простроенную во дворе здания гатчинской Полиции электростанцию и ограничить или запретить производство и поставку электроэнергии любым частным лицам. В этой связи он обратился за разъяснениями относительно судьбы его электростанции и возможности сохранения за ним права отпуска электроэнергии частным абонентам. Худшие опасения Н.А. Демчинского не оправдались. Уже на следующий день после завершения первичного соглашения, Гатчинское дворцовое управление, предварительно выплатившее скорректированную по табелям горения ламп сумму годового вознаграждения, ввиду сохранявшейся неопределенности с будущим проектом устройства общегородского электрического освещения предложило продлить контракт на прежних условиях с сохранением в неприкосновенности здания электростанции и разрешило и далее предоставлять электроэнергию частным абонентам. Однако предпринимателя на этот раз не устроили условия соглашения, по которым оплата производилась лишь за время действительной ра-

¹⁸ Там же. Л. 40–41 об.

¹⁹ Там же. Л. 58–58 об.

боты освещения с октября 1894 г. по май 1895 г., тогда как с июня по сентябрь 1894 г. поддержание системы освещения в работоспособном состоянии ложилось целиком на плечи Н.А. Демчинского, что грозило ему сплошными убытками. Приводя пример Санкт-Петербурга, в котором за каждый электрический фонарь в год платили по 435 руб., он отмечал, что для Гатчины справедливой ценой было бы по 200–250 руб. в год, а не 125 руб., как это выходило по прошлому договору, не принесшему никакой коммерческой выгоды.

Со своей стороны Гатчинское дворцовое управление в своем окончательном предложении, сославшись на первичное заявление о готовности осветить $\frac{1}{3}$ города за 4 000 руб., отмечало, что может заключить соглашение на эту сумму сроком с 1 августа 1894 г. по 1 мая 1895 г. с равными выплатами каждый месяц²⁰.

Параллельно с переговорами о продлении тестовой эксплуатации системы уличного электроосвещения продолжалось обсуждение представленного Н.А. Демчинским проекта его расширения на весь город. В.Л. Пашков, на заключение которому был отправлен черновой контракт, 3 мая 1894 г. направил К.К. Гернету свое заключение. Он отмечал, что внес в документ несколько изменений, которые при условии допустимых для Гатчинского дворцового управления финансовых условий, по его мнению, содействовали бы быстрому и беспрепятственному утверждению в Кабинете ЕИВ и Контроле МИДв, обещая со своей стороны все возможное содействие.

Однако все усилия В.Л. Пашкова на этот раз прошли по сути впустую, поскольку К.К. Гернет принял решение оставить этот проект без дальнейшего рассмотрения²¹.

Основную причину подобного отношения к этому проекту позволяет установить дальнейшее развитие событий. Гатчинское дворцовое управление, не желая оказаться в зависимости от единственного монополиста в сфере электроосвещения города, к концу весны 1894 г. приходит к идее обратиться с соответствующим предложением к нескольким компаниям и предпринимателям. В июне того же года К.К. Гернет направляет как уже работавшему в городе Н.А. Демчинскому, так и заводу «Русское производство изолированных проводов электричества» М.М. Подобедова, фирмам «Сименс и Гальске» и «Князь Тенишев и Ко» приглашения к участию в тендере с представлением к 15 июля в запечатанном конверте своих проектов с указанием стоимости их реализации²².

Свою заинтересованность в участии в этом проекте проявила также Техническая контора Г. Виберинг и Ко, представлявшая интересы Берлинского машиностроительного акционерного общества (бывшего завода Л. Шварцкопфа), обратившееся в Гатчинское дворцовое управление с просьбой о разрешении снять копию с плана города, обещая подготовить свой проект в пределах одной недели. Хотя подобное разрешение и было получено²³, в по-

²⁰ РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 435. Л. 59–59 об., 95–96, 98–100, 122 об.

²¹ Там же. Л. 101–104.

²² Там же. Л. 122, 135, 141, 145.

²³ Там же. Л. 123.

следующем эта компания никак себя не проявила, и это письмо осталось лишь декларацией о намерениях.

В начале июля 1894 г. компании «Сименс и Гальске» и «Князь Тенишев и Ко» сообщили Гатчинскому дворцовому управлению, что не считают возможным принять на себя работы по устройству городского электрического освещения за свой счет. При этом обе организации были готовы выполнить эти работы на условиях стандартного заказа с полной оплатой выполненных работ Придворным ведомством, обещая высокое качество за умеренную цену²⁴. Таким образом, дальнейшее участие в этом тендере были готовы принять лишь Н.А. Демчинский и М.М. Подобедов.

В середине сентября к ним присоединилась фирма «Павел Валь и Ко», от Электрического отделения которой было представлено два варианта договора на устройство электрического освещения в Гатчине и четыре сметы на устройство электрической станции, осветительные приборы, фонарные столбы и провода и работы по их монтажу²⁵.

Представленные проекты по решению К.К. Гернета были переданы в конце октября 1894 г. на рассмотрение электротехника МИДв полковника А.И. Смирнова. До получения подготовленного им заключения никаких действий с этими документами предпринимать не предполагалось²⁶. В итоге все предложения были оставлены без движения. Дальнейшего их рассмотрения не последовало.

Неопределенность с ходом рассмотрения чиновниками Придворного ведомства представленных коммерсантами проектов организации электрического освещения Гатчины не могла не вызывать у последних беспокойства. В частности, в конце сентября 1894 г. М.М. Подобедов с целью планирования будущей коммерческой деятельности своего предприятия обратился в Гатчинское дворцовое управление с вопросом о принятом по его предложению решении. Однако сколь-нибудь скорого ответа на это письмо не последовало. Лишь в середине марта 1895 г. была сделана рассылка М.М. Подобедову, Н.А. Демчинскому и торговому дому «Павел Валь и Ко» в Выборге, в которой сообщалось, что их проекты «ввиду изменившихся обстоятельств» отложены на неопределенный срок и оставлены без последствий²⁷.

Таким образом, Гатчинское дворцовое управление отказалось от идеи полностью поручить решение этой задачи частным предпринимателям, ограничившись лишь прощупыванием почвы и непродолжительным малоформатным экспериментом. К сожалению, о точной причине «изменившихся обстоятельств» можно лишь предполагать. Наиболее вероятным вариантом, имеющим документальную основу, представляется намерение К.К. Гернета обеспечить расширение сети городского электрического освещения силами самого Министерства императорского двора²⁸.

Однако по решению Хозяйственного отдела Кабинета Е. И. В. дальнейшее функционирование городского электроосвещения Гатчины предполагалось

²⁴ Там же. Л. 147 об. – 148 об.

²⁵ Там же. Л. 187–201.

²⁶ Там же. Л. 152–161.

²⁷ Там же. Л. 202, 206.

²⁸ Там же. Д. 477. Л. 1–1 об.

обеспечивать за счет электростанции, находившейся в ведении электротехника Придворного ведомства подполковника А.И. Смирнова, без выделения дополнительных ассигнований²⁹. Все усилия, направленные на расширение этой системы, предпринятые в дальнейшем руководством местного Дворцового управления, окажутся напрасными. Городская система электроосвещения Гатчины так и сохранит свою структуру на уровне конца XIX столетия вплоть до событий Первой мировой войны и революции.

²⁹ Там же. Л. 9, 10, 13, 16–16 об.

ШКОЛА СОЦИАЛЬНО-ИНДИВИДУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ИМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (1920–1925 гг.): ПРАКТИКА ВОСПИТАНИЯ БЕСПРИЗОРНЫХ¹

Железова Наталия Павловна
(Российский государственный гуманитарный университет)

Вопрос детской беспризорности и безнадзорности, спровоцированный Первой мировой войной, революцией 1917 г., гражданским противостоянием и социально-экономическими обстоятельствами второй половины 1910-х (нищета, голод, болезни), стал одной из наиболее острых проблем начала 1920-х гг.² Увеличение числа беспризорников происходило на фоне кризиса основного института социализации ребенка – семьи – и сопровождалось наметившимися тенденциями деформации детства.

Разрешение подобной ситуации требовало активного участия не только государства, но и общественности. К началу 1920-х гг. проблема преодоления последствий детской беспризорности и безнадзорности актуализировала обращение ученых и исследователей к теоретическим разработкам дореволюционной педагогики. Одновременно эти идеи получили возможность практического применения в рамках учебных заведений нового типа – школ-коммун для беспризорников.

Усилия, направленные на социализацию детей и подростков, стимулировали развитие научно-практической мысли. В частности, высказывались идеи о необходимости внимания непосредственно к личности трудного подростка, ее всестороннем изучении. В трудах психиатра, нерво- и психопатолога В.М. Бехтерева (1857–1927) еще до революции была сформулирована идея о необходимости внимания непосредственно к личности трудного подростка, ее всестороннего изучения³. Однако именно его ученик – выдающийся педагог Виктор Николаевич Сорока-Росинский (1882–1961) не только развил эту идею, но и предложил ее реализацию на практике, возглавив Школу социально-индивидуального воспитания им. Достоевского, ставшей прототипом детского дома из литературного произведения «Республика ШКИД» и одноименного художественного фильма.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Советский научный эксперимент 1920-х гг.: фантастические идеи и социальная практика» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

² Рожков А.Ю. Беспризорники // Родина. 1997. № 9. С. 70–71.

³ Бехтерев В.М. Избранные труды по психологии личности: в 2 т. / В.М. Бехтерев. СПб., 1999. Т. 2: Объективное изучение личности. С. 220–229.

Согласно данным Отдела Социально-правовой охраны несовершеннолетних Главсоцвоса Наркомата просвещения РСФСР, в Петрограде в 1920 г. в детских домах находилось около 3 тысяч детей⁴. Состав детей был разным. Большую часть составляли мальчики-подростки, – согласно отчету по Петроградской губернии Отдела Социально-правовой охраны несовершеннолетних Главсоцвоса НКП РСФС за 1919–1920 гг. из общего числа 2986 детей, находящихся в детских домах, морально-дефективных мальчиков было 662, девочек – 272. Отдельно приводилась статистика и по трудновоспитуемым: мальчиков было 327, девочек – 60⁵. Зачастую среди них можно было встретить буйно настроенных подростков, оказывавших негативное влияние на других детей и плохо поддававшихся воспитанию. Безусловно, эта статистика подчеркивала необходимость создания отдельных воспитательно-образовательных учреждений для подобных сложных подростков.

Учеными предлагались различные подходы и практики «исправления» таких исключенных из общества детей. Одной из них стала попытка возвращения детей в общественную жизнь через привитие им трудовой дисциплины. Этот подход был сформулирован с учетом опыта западной экспериментальной педагогики, яркими представителями выступали Ф. Фребель, Г. Кершенштейнер, Д. Дьюи. Его реализация проходила преимущественно в школах-коммунах и трудовых колониях для малолетних. Одними из первых исследователей и практиков идей трудовой школы были С.Т. Шацкий и А.Н. Макаренко.

Другим, альтернативным, подходом стал распространившийся принцип «свободного воспитания», сформулированный на рубеже веков в работах К.Д. Ушинского и К.Н. Вентцеля. Главная идея сторонников «свободного воспитания» заключалась в полном отрицании необходимости дисциплины как системы ограничений и регламентации жизни и поведения ребенка. В новом понимании основу воспитания и учения ребенка составляло стремление к самостоятельности, свободе, творчеству, которые со временем сформировали бы у него навыки самодисциплины⁶.

Именно в рамках школы социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского (ШКИД) Виктор Николаевич Сорока-Росинский предложил и реализовал на практике уникальную концепцию воспитания беспризорных детей. Его подход сочетал идеи «свободного воспитания» и, одновременно, соотносился с методикой трудового воспитания, актуализированного в 1920-е гг.

По воспоминаниям В.Н. Сороки-Росинского, школа возникла скорее спонтанно: «Сорок лет тому назад, в сентябре 1920 года, в дом №... по Пе-

⁴ ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 100. Л. 346. Статистическая сводка о количестве детских учреждений для дефективных детей и число детей в них на 1922 г.

⁵ Положение об отделе, отчеты за 1921–1922 гг., планы на 1922–23 гг., штатные расписания, сметы на сеть детских учреждений и др. материалы см.: ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 1. Л. 344 об.

⁶ *Ермолаева С.А.* Методология превентивной педагогики XX века: социологический подход к исследованию. М., 2006. С. 300.

тергофскому проспекту... прибыло семеро мальчиков для продолжения своего образования, и таким образом родилось новое учебное заведение, нареченное Петроградским отделом народного образования очень пышным наименованием – «Школа социально-индивидуального воспитания имени Достоевского для трудновоспитуемых». Тогда в моде были подобные трех- и четырехэтажные выражения⁷. Однако решение организовать нечто похожее на школу было не случайным и, вероятнее всего, не могло не встретить поддержки власти, заинтересованной в любых попытках и инициативах решения проблемы беспризорности (в том числе общественных).

Удалось установить, что на начальном этапе работы Школы значительную организационную поддержку ей оказывала Злата Ионовна Лилина (1882–1929), гражданская жена Зиновьева, в тот период возглавлявшая Петроградский отдел социального воспитания (Главсоцвос) Наркомпроса РСФСР при Петроградском губернском отделе народного образования (Губоно). С В.Н. Сорока-Росинским они познакомились в Педагогическом институте социального воспитания нормального и дефективного ребенка, профессором которого Злата Ионовна являлась с 1918 г.⁸

По воспоминаниям В.Н. Сороки-Росинского, З.И. Лилина придерживалась политики невмешательства в дела педагогов, ставя лишь условие воспитания детей в «советском духе, чтобы они приучались к труду, не убегали бы из детских домов и могли бы закончить тогдашнюю начальную школу...»⁹. В итоге определенной педагогической практики или методологических подходов по воспитанию беспризорных особо выработано не было – Отделу народного образования Московско-Нарвского района Петрограда было поручено лишь выполнять деятельность по контролю школы-интерната¹⁰. Руководство в том числе осуществлялось Подотделом правовой защиты несовершеннолетних, – этот факт свидетельствует о том, насколько сложные дети направлялись в ШКИД.

Как представляется, школа – не совсем верное определение для учреждения, которое возглавил В.Н. Сорока-Росинский. Более точным, на наш взгляд, является его обозначение как интернат, где сливались повседневная жизнь и учебный процесс. Предполагалось не только обучение детей в рамках 1–2 ступени¹¹, но и полный контроль над жизнью «трудных» воспитанников.

Для размещения школы было выбрано помещение бывшего коммерческого училища для мальчиков по адресу Петергофский проспект, 19, так что

⁷ *Сорока-Росинский В.Н.* Школа Достоевского. М., 1978. С. 10.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ Отчеты о работе отдела социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных за 1920–1921 г. и формы учета отдела // ГА РФ. Ф. А-1575. Д. 6. Оп. 37. Л. 17.

¹¹ Положение об отделе, отчеты за 1921–1922 гг., планы на 1922–1923 гг., штатные расписания, сметы на сеть детских учреждений и др. материалы 10 января – 18 октября 1923 г. // ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 1. Л. 33.

его учебные и жилые помещения вполне подходили для новой задумки¹², – правда, часть окон была выбита и закрыта фанерой. Как писал сын В.Н. Сороки-Росинского Константин, который также был воспитанником ШКИД, сначала школа представляла самое жалкое зрелище: «...облупленное здание унылого желтого цвета, сырое и неприветливое; маленький дворик, заваленный сырыми дровами; предписанный режим полной изоляции от окружающего мира...»¹³. Не было оборудовано и какой-либо детской площадки или гимнастического зала для детей. Зато от училища «в наследство» осталась достаточно богатая библиотека. Кроме учебных классов, была обустроена и бытовая инфраструктура – а именно: спальные комнаты и мастерские.

В школе днем и ночью, в будни и праздники должны были дежурить учителя-воспитатели. Их участие в педагогических советах школы и установлении распорядка дня детского дома Виктор Николаевич считал крайне важным. Это должно было бы способствовать координации совместной деятельности и налаживанию режима его работы¹⁴. Именно поэтому он с особым вниманием относился к формированию педагогического коллектива ШКИД.

На момент открытия в школе Достоевского в наличии было всего четверо учителей, с которыми В.Н. Сорока-Росинский работал еще в Путиловском училище с 1918 по 1920 г.: Элла Андреевна Люминарская, Константин Александрович Меденников, Александр Николаевич Попов, Мария Федоровна Семенова¹⁵. Воспитателей было всего двое – бывшие студенты В.Н. Сороки-Росинского¹⁶. В помощь заведующему к школе был прикреплен не просто врач-педиатр, а психиатр А.В. Тарле¹⁷.

Именно этот персонал и встретил первых воспитанников. Школа открылась в сентябре 1920 г., приняв на воспитание всего семеро мальчиков, которых на этапе образования ШКИД В.Н. Сорока-Росинский искал самостоятельно, руководствуясь общей грамотностью и начитанностью ребенка¹⁸.

Стоит отметить и происхождение воспитанников. В школу принимались дети различных социальных слоев, в подавляющем большинстве лишенные родителей. Так, например, писатель Леонид Пантелеев, настоящее имя которого Алексей Еремеев, был сыном казачьего офицера, погибше-

¹² *Сорока-Росинский В.Н.* Школа Достоевского. 1978. С. 10.

¹³ *Росинский К.В.* «Паче всего...» // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сорока-Росинского. СПб., 2007. С. 74.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сорока-Росинского / под ред. Г.А. Бордовского. 2007. С. 49.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Дело по руководству и контролю за деятельностью 1-й школы социально-индивидуального воспитания имени Достоевского (списки служащих воспитанников и переписка), Петергофский проспект, 19 // ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 1067. Л. 58.

¹⁸ *Числова С.Н.* Педагогическая система В.Н. Сороки-Росинского. 2007. С. 15.

го в Гражданскую войну¹⁹. Бежав от голода с семьей из Петрограда, он отстал от родных и потерялся. После скитания вместе с беспризорниками он вернулся в родной город, где был пойман и после этого попал в школу Достоевского. Его товарищ и в будущем соавтор Григорий Белых происходил из семьи рабочих. Его мать отправила мальчика в школу на перевоспитание²⁰.

В течение года количество детей выросло в несколько раз, до 60 человек²¹. Основной костяк учеников состоял из подростков преимущественно в возрасте 12–14 лет, направляемых в школу из детских домов, приемно-распределительных пунктов. Беспризорники Петроградской губернии направлялись в Центрально-распределительный пункт для мальчиков, находящийся на Обводном канале, 17²². За размещение детей по школам, приютам и детским домам Московско-Нарвского района, к которому относились школа им. Ф.М. Достоевского, был ответственный Приемный пункт, располагавшийся на Миллионной улице, 18²³. Именно через него поступала большая часть воспитанников.

К 1923 г. ситуация изменилась. Вместо детей, имеющих минимальные творческие способности, которым действительно требовалось продолжение образования (на чем настаивал изначально В.Н. Сорока-Росинский), в школу стали направлять «сложных» детей, а также малолетних преступников «из милицейских участков, после облав по притонам...»²⁴. Инициативы по переводу детей в школу им. Ф.М. Достоевского вносил Подотдел правовой защиты несовершеннолетних. Если изначально в 1920–1921 гг. в рекомендациях обычно значились 1–2 ребенка, то уже к 1924 г. составлялись целые списки (например, список 13 воспитанников Первомайского детского дома в возрасте 12–13 лет)²⁵. Несовершеннолетних также могли направлять в школу по ходатайству их ближайших родственников, для которых дети «были несомненным “кошмаром”...»²⁶.

Все дети, попадавшие в школу им. Ф.М. Достоевского, обозначались понятием «морально-дефективные». Выделялось три основные ступени

¹⁹ *Путилова Е.О.* Началось в республике Шкид, 1986. URL: http://www.respublika-shkid.ru/biblioteka_yunkoma/read_putilova/chapter_1/ (дата обращения: 09.01.2019).

²⁰ Там же.

²¹ Дело по контролю и руководству за деятельностью школы им. Достоевского / имеются материалы по личному составу / 1922 // ЦГА СПб. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 180. Л. 7–9.

²² Сметы, штаты и списки учреждений для дефективных детей 1 мая – 24 августа 1923 г. // ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 158. Л. 343.

²³ Там же.

²⁴ *Росинский К.В.* Лицей босяков // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сорока-Росинского / под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. 2007. С. 47.

²⁵ Дело по контролю и руководству за деятельностью школы им. Достоевского / имеются материалы по личному составу / 1922 // ЦГА СПб. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 180. Л. 36.

²⁶ *Тальников Д.* Дети революции // Красная Новь. 1927. № 9. С. 265.

степени дефективности. К первой были отнесены дети «испорченные», но которые могли еще исправиться; на второй ступени находились дети, ранее уличенные в общественно-опасных деяниях; к третьей же группе относились «закоренелые преступники», совсем не подлежащие исправлению²⁷. Таким образом, неудивительно, что в одной школе оказались как подростки, которые в силу особых условий послереволюционных лет не имели возможности нормального развития и воспитания, так и дети, которые могли попасть в исправительные детские учреждения за преступные деяния.

Подотдел Губоно также давал рекомендации касательно дальнейших судеб воспитанников – их распределения и последующего трудоустройства²⁸. Для развития прикладных навыков с 1923 г. при достижении 15–16 лет дети направлялись на различные предприятия «для испытания»²⁹. Обычно это были школы фабрично-заводского ученичества для подростков пицетреста или типографии³⁰, где воспитанники получали профессиональные навыки для возможности трудоустройства после выпуска из школы.

Шефом школы был назначен Пивной завод, находящийся в том же районе Петрограда. Как ни странно, подшефными ему уже числились несколько школ, хотя в случае нужды он мог помочь лишь «пивом и дрожжами»³¹. В первом школе не нуждалась, второе принимала для заготовки хлеба, используя все возможное для того, чтобы накормить ребят.

Проблемы с питанием обострились, особенно когда количество учеников превысило 60 человек. В 1924 г. в школе находилось максимально возможное для ее штатного и инфраструктурного наполнения количество учеников – 84 человека, распределенных на четыре класса. Только часть детей находилась в школе Достоевского постоянно. Многие дети-«экстернатники» проводили в школе дни, возвращаясь на ночь или выходные домой.

Питание было скудным, порций едва хватало, чтобы утолить голод растущего организма. Однако отметим, что в подобном положении находилось большинство школ Петрограда. Хотя по государственным нормам 1922–1923 гг. каждому воспитаннику детского дома полагалось в сутки 200–200 г. хлеба, примерно 100 г мяса / рыбы, столько же крупы, по 12 г. соли и сахара, в ШКИД на практике питание детей в лучшем случае состояло из каши на воде, гороховой похлебки и хлеба, выпекаемого на дрожжах от Пивного завода³².

²⁷ Красная Москва, 1917–1920 гг. М., 1920. Ст. 433.

²⁸ Там же.

²⁹ Дело по контролю и руководству за деятельностью школы им. Достоевского / имеются материалы по личному составу / 1923 // ЦГА СПб. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 317. Л. 17.

³⁰ Там же. Л. 18–19.

³¹ *Сорока-Росинский В.Н.* Школа Достоевского. 1978.

³² *Смирнова Т.М.* Дети Советской России (по материалам Деткомиссии ВЦИК. 1921–1924 гг.). М., 2003. С. 498.

К осени 1921 г. в связи с ростом количества учеников школа столкнулась и с проблемами материального снабжения. Детей нужно было обеспечить зимней обувью и шапками. Остро стоял вопрос нехватки дров. А случившийся в начале зимы пожар привел в негодность несколько учебных помещений³³. В.Н. Сорока-Росинский понимал, что в таких условиях школе требовалась экономическая поддержка. Решено было искать нового шефа. На тот момент, в начале 1920-х гг., наиболее обеспеченным и обладающим разветвленной снабженческой сетью учреждением являлся Торговый порт. Но он уже оказывал помощь нескольким учебным учреждениям. В.Н. Сорока-Росинский, воспользовавшись возможностью, пригласил представителей порта в школу и вместе с учениками организовал концерт, посвященный истории порта и морскому делу в целом. Они смогли заинтересовать руководство и получить материальную поддержку³⁴.

Таким образом, получалось, что фактически ответственность за жизнь и обеспечение детей нес коллектив школы, а их благополучие зависело от инициативности и добросовестности персонала и руководства. Смекалка педагогов обеспечила возможность достать около сотни ватных шапок-ушанок, лапти, пальто-халаты. Шапки, «...надетые после некоторой реконструкции на ноги...»³⁵, превратились в некое подобие унтов. Предприимчивость заведующего позволила одеть учащихся в единую форму, обеспечив своеобразный отличительный образ воспитанника школы.

Основной идеей, проходившей через все этапы организации школы, была идея воспитывающего обучения, о которой сам В.Н. Сорока-Росинский говорил: «Учеба – вот что было у нас главнейшим оружием перевоспитания». По размышлениям В.Н. Сороки-Росинского, для социализации трудновоспитуемых детей был необходим крайне интенсивный воспитательный процесс, целью которого являлась гармонизация и стабилизация психики ребенка, а после – возвращение в нормальную школьную среду и предоставление возможности дальнейшего развития³⁶.

Учебный план школы предполагал овладение общей грамотностью. В число предметов были включены русский язык, физика, математика, история, география. Кроме обучения общеобразовательным дисциплинам, дети изучали немецкий язык и развивали творческие навыки, поэтому неудивительно наличие в штатном расписании должностей руководителя драмкружка и преподавателя рисования. Сложность заключалась в том, что воспитанники, хотя и были близки по возрасту, резко отличались между собой по уровню интеллектуального развития. Исходя из этого, после того как было набрано достаточное количество учеников и налажен быт, было решено поделить воспитанников на два отделения, ориентируясь в основном на их прилежание.

³³ *Сорока-Росинский В.Н.* Школа Достоевского. 1978. С. 27–28.

³⁴ Там же. С. 29.

³⁵ Там же. С. 26.

³⁶ Там же. С. 32.

Программы для обоих отделений были примерно одинаковые, но различался темп обучения³⁷. Учебный день состоял из 10–12 уроков и этим не ограничивался³⁸. Вечером дети были задействованы в мастерских, творческих кружках. Летом учебная программа несколько изменялась. Количество уроков снижалось до 6–7. Но принцип преподавания изменялся, позволяя воспитанникам проявлять инициативу: «...педагоги лишь инструкторы, не более. Никаких лекций, никаких уроков; пусть учащиеся сами читают доклады и ведут беседы...»³⁹.

Традиционные для дореволюционной педагогики наказания трудовой повинностью или лишением сладкого были неэффективны, так как первое воспринималось как не всегда желанная, но обязательная часть учебного процесса, а второго в голодном Петрограде попросту не было возможности достать. Пришлось искать другие, более практичные и эффективные меры поощрения, – им стало соревнование. Для воспитания самостоятельности и ответственности было предложено разделить учеников по 5 разрядам, которые присваивались коллективно или индивидуально в зависимости от числа проступков. Контроль и разделение осуществлялись с помощью общественного дневника – «Летописи». Подобная мера была взята из системы дореволюционного воспитания и была порой излишне сурова по отношению к воспитанникам. Для того чтобы подняться из последнего разряда в первый, ученику требовалось никак не меньше нескольких месяцев, что означало практически полное лишение свободного времени, прогулок и выходов.

В.Н. Сорока-Росинский поддерживал проявление инициативы среди детей. «Инициативность детей в любой деятельности»⁴⁰, – так он формулировал один из главных принципов воспитания. Именно по инициативе воспитанников были созданы герб и гимн школы, а самоуправление в школе приобрело форму республики. Учениками издавался и т. н. боевой листок «Бузотер» – своеобразный «рупор» ученической оппозиции. Неожиданная поддержка издания педагогами породила волну повального увлечения литературой и издательским делом. Так, на 80 детей (по сводкам 1924 г.) в школе им. Ф.М. Достоевского ребята редактировалось и издавалось более полусотни различных рукописных журналов и брошюр, выпуски некоторых из них даже становились ежемесячными⁴¹. Другим увлечением воспитанников стал театр: в спектаклях, кроме учеников, были также задействованы учителя-воспитатели. Заинтересовались дети и экскурсионным делом: при активном сотрудничестве с обществом «Старый Петербург – Новый Петроград»⁴²,

³⁷ *Сорока-Росинский В.Н.* Школа Достоевского. С. 19.

³⁸ Класные журналы // ЦГА СПб. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 804. Л. 304.

³⁹ *Сорока-Росинский В.Н.* Летние занятия по комплексному методу на тему «Петроград». 1923. С. 51.

⁴⁰ Там же. С. 21.

⁴¹ Там же. С. 20, 47.

⁴² *Росинский К.В.* «Паче всего...» // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В. Н. Сорока-Росинского / под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. 2007. С. 64.

членом которого являлся В.Н. Сорока-Росинский, они создали школы собственную историко-краеведческую группу.

Школа была интересным и ярким учреждением в Петрограде-Ленинграде 1920-х гг., однако отношение к ней со стороны партийно-педагогического руководства было неоднозначным. Представители Губоно оценивали деятельность школы «прогрессивной»⁴³, ШКИД называли «лучшим в Петрограде домом подобного типа». В.Н. Сорока-Росинский характеризовался как «абсолютный новатор»⁴⁴. При этом осуждались «установленный в школе тюремный режим» и «нецелесообразная система воспитания»⁴⁵. Один из основных пунктов критики касался отсутствия в школе трудового воспитания и приоритета теоретических знаний над практикой. Многочисленные педагогические дискуссии в отношении методик, реализуемых в школе, привели к тому, что в 1925 г. В.Н. Сорока-Росинский вынужден был покинуть пост директора школы.

Однако нельзя не отметить, что расцвет школы пришелся именно на период работы в ней В.Н. Сороки-Росинского. Уровень культуры и знаний, который приобретали воспитанники, позволил выдающемуся детскому писателю С.Я. Маршаку сравнить ее с Царскосельским лицеем пушкинской поры⁴⁶. Об этом говорят сведения из биографий бывших учеников школы. Бывшие «трудновоспитуемые» Г. Ионин закончил режиссерское отделение в Институте сценических искусств, работал помощником Д. Шостаковича. Л. Пантелеев, Г. Белых, П. Ольховский стали писателями. Трудоустроены были и другие выпускники: они стали конструкторами, инженерами на заводе. Один из «шкидцев», Куракин, по воспоминанию Л. Пантелеева, впоследствии занимал крупный пост в одном из министерств⁴⁷.

Деятельность Школы социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского раскрывает любопытную страницу в истории экспериментальной педагогики и общественных инициатив по борьбе с беспризорностью в 1920-е гг. Результат ее тяжелой, но продуктивной педагогической работы дал возможность бывшим беспризорникам войти в полноценную взрослую жизнь. Однако подчеркнем, что деятельность Школы, как и история многих учреждений и институций 1920-х гг., была краткосрочной, а успех ее зависел от т. н. «личного фактора» – в данном случае энтузиазма и энергии директора В.Н. Сорока-Росинского. Именно он, основываясь на идеях и разработках дореволюционной педагогики – в частности, своего учителя В.М. Бехтерева, сформулировал и реализовал на практике ме-

⁴³ Протокол заседания малой колонии отдела о состоянии детского дома им. Достоевского и о спортивной работе. 23 окт. 1923 // ЦГА СПб. Ф. 2879. Оп. 1. Д. 287. Л. 11–15.

⁴⁴ Там же. Л. 16.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Путилова Е.О.* Началось в республике Шкид, 1986. С. 78.

⁴⁷ *Пантелеев Л.* Только в ШКИДу // Петербургский учитель. Жизнь и творчество В.Н. Сорока-Росинского / под ред. Г.А. Бордовского, В.А. Козырева. 2007. С. 55.

тодику работы с «трудновоспитуемыми детьми». После его ухода Школа превратилась в обычное образовательное учреждение, а само понятие ШКИД оказалось связано лишь с литературным и кинематографическим образом.

ПОПЫТКА ИНДИЙСКОЙ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ГАДАР» СОЗДАТЬ СОБСТВЕННУЮ СЕКЦИЮ В КОМИНТЕРНЕ (1926–1937 гг.)

Жирова Надежда Сергеевна

*(Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

Одним из важных направлений деятельности III Коммунистического Интернационала (Коминтерна, КИ) являлась борьба с идеологическими противниками, в том числе левого толка, стоявшими на более умеренных позициях (социал-демократами, меньшевиками, правыми эсерами и т. д.). Отношение большевиков к этим категориям левых как к предателям международного рабочего движения во многом сформировалось благодаря их проправительственным позициям во время Первой мировой войны. Большую роль в этом сыграла и абсолютизация членами РКП(б)–ВКП(б) своих методов борьбы за власть, сложившаяся по объективным причинам. Российский исследователь А.Ю. Ватлин отмечает: «Большевистская партия имела в своем багаже только опыт подпольной борьбы в условиях жесткого авторитарного режима. После прихода к власти она выстояла в гражданской войне именно благодаря тем качествам, которые были привнесены ею в Коминтерн. Именно они должны были стать залогом победы “в мировом масштабе”»¹. Сама история этих противоречий сформировала как в отечественной, так и в зарубежной историографии практически единодушное представление о КИ как о догматической организации, требовавшей беспрекословного подчинения от партий, входивших в ее состав².

В целом это соответствует действительности, однако многие правила имеют исключения. Если к западным товарищам в Коминтерне подходили с принципиальной непреклонностью, то на восточном направлении большевики могли проявлять чудеса политической гибкости. Широко известен сюжет о поддержанном КИ сотрудничестве китайских коммунистов с Гоминьданом. Отечественный исследователь Г.Г. Косач, изучая проблему реализации интересов Коминтерна на Ближнем Востоке, рассмотрел взаимодействие III Интернационала с Всемирным еврейским социалистическим рабочим союзом

¹ Ватлин А.Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018. С. 159.

² См., например: Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997; История международного коммунистического движения / пер. с кит. М., 2016; Маккензи К. Коминтерн и мировая революция, 1919–1943 / пер. с англ. Г.Г. Петровой. М., 2008; Фирсов Ф. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М., 2019 и т. д.

(Поалей-Цион), в основе деятельности которого лежали социал-сионистские, но никак не коммунистические установки³. В этом ряду заслуженное место занимает малоизученная партия «Гадар» – международная организация индийских националистов с центром в США, поставившая перед собой цель полного освобождения своей страны от колониального господства Англии путем насильственной борьбы.

В начале 1920-х гг. перед руководством партии «Гадар» встал вопрос о поиске нового союзника на международной арене. Взор индийских националистов пал на Советскую Россию, и в частности на Коминтерн. Это было обусловлено рядом причин:

- 1) национальная политика большевиков и декларирование поддержки колониальных народов Востока;
- 2) успех Октябрьской революции в России;
- 3) увлечение марксизмом отдельных членов партии «Гадар», прежде всего среди руководства данной организации.

Интерес к коммунистической идеологии некоторые видные гадаровцы проявляли и в ранний период истории рассматриваемой партии. Так, один из основателей «Гадар» и ее первый генеральный секретарь Лала Хар Даял увлекался марксизмом и даже написал работу о Карле Марксе в целях популяризации его учения среди индийской революционной эмиграции⁴. А в конце 1914 – начале 1915 г., заключая договор о сотрудничестве с германским правительством, руководители партии прямо отметили, что их конечной целью является построение в Индии социалистической республики⁵. Тем не менее, в 1913–1919 гг. марксизм не оказывал какого-либо серьезного влияния ни на идеологию, ни на деятельность этой организации.

Внимание гадаровцев к научному коммунизму увеличилось благодаря Сантоку Сингху Дардео, сменившему Хар Даяла на посту генерального секретаря «Гадар». По свидетельству лично знакомого с ним индийского историка С.С. Джоша, Санток являлся искренним коммунистом⁶. Взявшись за восстановление партии в 1919 г., генеральный секретарь поставил на повестку дня вопрос о пересмотре стратегии и тактики «Гадар», о большем внимании к экономическим и социальным проблемам Индии, а также развернул коммунистическую пропаганду среди членов своей организации. Как вспоминал президент партии «Гадар» Бхагван Сингх Гайни, именно Санток выступил с идеей об установлении связей с Коминтерном⁷. Ради этого летом 1922 г. он оставил пост генерального секретаря партии и вместе со своим товарищем Раттаном Сингхом Даббой отправился в Москву, чтобы принять участие в

³ См. подробнее: *Косач Г.Г.* Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20–30-е годы. М., 2001.

⁴ *Райков А.В.* Хар Даял // Народы Азии и Африки. 1979. № 3. С. 85.

⁵ *Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М.* Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М., 1978. С. 49.

⁶ *Josh S.S.* Hindustan Gadar Party: A Short History. Vol. 2. New Delhi: People's Publishing House. 1977. P. 199.

⁷ Letter from Bhagwan Singh Gyane to Jagjit Singh, dated August 19, 1956 // South Asian American Digital Archive (SAADA). URL: <https://www.saada.org/item/20120805-917> (дата обращения: 13.02.2019).

IV конгрессе Коминтерна. Покровительство в этом вопросе сикхам оказал известный индийский коммунист, в прошлом тесно связанный с партией «Гадар», Манабендра Натх Рой⁸.

Гадаровцы добрались до столицы Советской России в конце сентября 1922 г. 7 октября Санток Сингх и Раттан Сингх предоставили Отделу Среднего Востока Восточного сектора ИККИ устав своей организации, доклад о деятельности партии, а также письмо с просьбой об установлении «тесного контакта с Коминтерном», который, по мнению Сантока, являлся «обязательным условием» «для того, чтобы добиться эффективности и определенного прогресса в [нашей] работе в Пенджабе»⁹. Обращает на себя внимание, что в предоставленных сикхами КИ документах никак не упоминается высокое положение делегатов в структуре партии «Гадар». В рекомендательном письме от своей организации они характеризовались просто как «члены с хорошей репутацией, активно участвующие в работе названной партии»¹⁰. Видимо, Санток Сингх надеялся сформировать у руководства КИ впечатление, что приезд в Москву обусловлен массовым решением однопартийцев, хотя это было далеко от действительности. Так он старался представить свою организацию в более выгодном для большевиков свете.

Усилия Сантока не остались напрасными. В Коминтерне были заинтересованы в сотрудничестве с партией, имевшей опыт подпольной деятельности и определенное влияние в Индии, поэтому весьма серьезно отнеслись к прибывшим из США индийским революционерам. При этом руководство КИ хорошо понимало, что, несмотря на коммунистическую риторику Сантока Сингха и Раттана Сингха, в лице «Гадар» имеет дело с национально-революционной организацией. «Формально – они не коммунисты, но на своей родине, в Пенджабе, со своим опытом работы и со своим пониманием положения в Индии они нам будут очень полезны», – писал заведующий Сектором Среднего Востока Восточного отдела ИККИ¹¹.

По договоренности с Коминтерном и при его финансовой поддержке сикхи должны были основать в Пенджабе прокоммунистическую организацию и учредить печатный орган для соответствующей пропаганды. В начале февраля 1923 г. гадаровцы отправились в Индию. Позднее, уже в 1926 г. Раттан Сингх снова посетил столицу СССР и привез с собой предложение от имени «Гадар» о принятии последней в Коминтерн¹².

Несмотря на достаточно тесные и плодотворные взаимоотношения, которые связывали «Гадар» и Коминтерн вплоть до роспуска последнего в 1943 г.,

⁸ Communism in India, 1919–1924 (with Unpublished Documents from National Archives of India) / Ed. by C. Kaye. Calcutta: Editions India. 1971. Pp. 234–235.

⁹ Letter from Santokh Singh and Rattan Singh to the Executive Committee of Communist International, October 7, 1922 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 68. Д. 89. Л. 1–2.

¹⁰ «Characteristics for Rattan Singh and Santokh Singh» // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 89. Л. 4–5.

¹¹ Записка заведующего Средневосточным Сектором Восточного отдела ИККИ т. Шумяцкому, 7 февраля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 89. Л. 10.

¹² Докладная записка советского посольства в Кабуле «Партия “Гадр”», 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 191. Л. 3.

организация индийских националистов так и не стала секцией КИ и даже не вошла в список симпатизирующих организаций¹³. Главной причиной этому служила разница в их идеологических платформах. Кроме того, нельзя забывать, что одного желания какой-либо партии стать членом Коминтерна было крайне мало для осуществления задуманного.

То, какими качествами должна была обладать организация, чтобы получить звание секции КИ, раскрывают два документа. Во-первых, это «Двадцать одно условие приема в Коммунистический Интернационал», составленное Владимиром Лениным и Григорием Зиновьевым в 1920 г. и принятое II конгрессом, чтобы оградить III Интернационал от присоединения к нему организаций, проводивших оппортунистическую и централистскую политику. В частности, среди этих условий были следующие: вести коммунистическую пропаганду согласно установкам III Интернационала, полный разрыв с реформизмом и централистской политикой, ведение борьбы против социал-патриотизма и социал-пацифизма, периодические чистки партии от мелко-буржуазных элементов, принятие постановлений Съездов Коминтерна и ИККИ как обязательных для исполнения и т. д.¹⁴ Во-вторых, в дополнение к этим условиям III конгресс Коминтерна в 1921 г. принял тезисы «Организационное строительство коммунистических партий, методы и содержание их работы», в которых даются подробные указания о принципах структурирования партий, вошедших в Коминтерн, их деятельности (включая рядовых членов), организации пропаганды, печати и т. п.¹⁵

Ни в 1926 г., ни в дальнейшие периоды существования партия «Гадар» не отвечала этим требованиям. Раттан Сингх Дабба в 1925 г. предпринял попытку некой реорганизации штаба партии в США, однако данных о каких-либо весомых изменениях в Москву передано не было. Партия «Гадар» сохранила свой старый устав, структуру и, самое главное, принципы и цели, оставаясь мелко-буржуазной организацией. В этом плане большие шансы на членство в КИ имела основанная в Пенджабе благодаря деятельности Сантока Сингха группа «Кирти». Однако и эта структура не отвечала запросам Коминтерна, так как не являлась массовой партией: «Кирти» в основном осуществляла деятельность в своей провинции и была ориентирована, прежде всего, на крестьян-сикхов. Даже возникшая в 1925 г. Коммунистическая партия Индии (КПИ), хотя признавалась III Интернационалом и даже получала от него материальную помощь (например, в августе 1926 г. еще малочисленная КПИ получила из Москвы сто тысяч рублей золотом «для активизации своей работы»¹⁶) из-за организационной слабости долгое время официально не при-

¹³ Коминтерн и Вторая мировая война: ч. 1 (до июня 1941 г.). М., 1994. С. 544.

¹⁴ Коммунистический интернационал в документах: решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ (1919–1932) / под ред. Б.П. Бирмана. М., 1933. С. 100–104.

¹⁵ Там же. С. 201–225.

¹⁶ *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: первые десять лет. Исторические очерки. М., 1993. С. 130.

нималась в Коминтерн. Оформление КПИ как секции Коммунистического Интернационала произошло только в конце 1933 г.¹⁷

Встает вопрос, почему у партии «Гадар» возникло желание стать членом КИ. Организации, добившиеся такого членства, во многом теряли свою самостоятельность, т. к. отношения между Коминтерном и его секциями строились на принципах демократического централизма, что на практике означало беспрекословное подчинение членов КИ Москве¹⁸. Дело в том, что гадаровское руководство преследовало цель вступления в Коминтерн в первую очередь для того, чтобы обеспечить себе стабильную материальную поддержку со стороны Москвы¹⁹. Видимо, индийские националисты не отдавали себе отчета ни об условиях, прилагавшихся к желаемому ими членству, ни о невозможности для их партии стать секцией Коминтерна. Однако добиться своего они старались с завидным упорством.

Документы свидетельствуют, что во второй половине 1920-х гг. «Гадар» неоднократно старалась вступить в Международный крестьянский совет, также получивший название Крестьянский Интернационал (Крестинтерн), основанный в 1923 г. и действовавший фактически как примыкавшая к Коминтерну организация²⁰. Это подтверждается письмом, которое в декабре 1927 г. оргсекретарь Крестинтерна Николай Леонидович Орлов направил в ЦК гадаровцев в Сан-Франциско. Орлов так ответил на просьбу секретаря «Гадар» Мунши Сингха о вступлении в Крестинтерн: «...из частных бесед с Вашими представителями мы вынесли впечатление, что Ваша организация не только не является массовой организацией в настоящее время, но что она к тому же сильно недооценивает значение широких масс в революционном движении и видит единственный путь к осуществлению своих революционных задач через вооруженное восстание небольшой группы заговорщиков, поддерживаемых иностранным оружием»²¹. В связи с этим обстоятельством Крестинтерн воздерживался от положительного ответа на просьбы партии, предпочитая сначала ближе познакомиться с деятельностью «Гадар» и в то же время обещая ей «полную моральную поддержку и симпатии всех примыкающих к нему [Крестинтерну] организаций»²². Чтобы исправить сложившуюся ситуацию и стать мощной массовой организацией, гадаровцам настоятельно рекомендовалось перестроить свою партию соответствующим образом и принять революционную платформу, действительно отражающую классовые интересы.

Следовать советам Крестинтерна индийские националисты явно не спешили, хотя вопрос о вступлении в ряды этой организации «Гадар» в более

¹⁷ Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом: материалы. М., 1935. С. 474.

¹⁸ Маккензи К. Указ. соч. С. 41–42.

¹⁹ India and Communism: Compiled in the Intelligence Bureau, Home Department, Government of India (Revised up to the 1st January 1935) / ed. by H. Williamson. Simla: Government of India Press. 1935. P. 279.

²⁰ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Указ. соч. С. 85.

²¹ «Проект письма партии “Гадр”», 14 декабря 1927 г. // РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 67. Л. 17.

²² Там же. Л. 17а.

поздних письмах не ставила. В письме секретаря партии Сюрджана Сингха, датированном 17 декабря 1928 г., значится лишь, что гадаровцы назначили Раттана Сингха своим представителем в Россию. «В будущем все, что касается нашей партии, будет делаться через него. Мы просим помочь Бхай Раттану Сингху и облегчать его задания», – писал Сюрджан²³.

Однако Москва не выразила одобрение и этой инициативе. В ответном письме значилось, что Крестинтерн не может дать согласия на посылку представителя, так как «Гадар» не входит в эту организацию. К тому же в Крестинтерне не видели большой пользы от наличия в Москве постоянного представителя партии «Гадар», так как он не мог быть источником точной информации в силу собственной оторванности от своей организации. Однако в заключение по вопросу было добавлено, что если в «Гадар» считают необходимым постоянное нахождение Раттана Сингха в Москве, Крестинтерн не возражает против этого (при условии, что партия будет самостоятельно оплачивать его расходы)^{24, 25}.

Тем не менее Москва была заинтересована в укреплении связей с индийскими националистами. Например, еще в декабре 1927 г. оргсекретарь Крестинтерна Н. Орлов писал заместителю народного комиссара иностранных дел Льву Михайловичу Карахану, что, несмотря на в целом скудные данные о «Гадар» за последний год, имеющейся информации об их деятельности в Индии и Китае достаточно, чтобы выдвинуть «вопрос о более тесной увязке этой организации с Крестинтерном в целях создания базы для крестинтерновской работы в Сев[ерной] Индии»²⁶.

В целом Коминтерн стремился не просто максимально возможно приобщить «индийских друзей» к ценностям коммунизма. Наиболее благоприятным вариантом развития событий для Москвы было полное слияние КПИ со всеми остальными прокоммунистическими организациями, в том числе и с пенджабской группой «Кирти». Однако существенным препятствием в реализации данной идеи выступали напряженные отношения между Компартией и индийским центром партии «Гадар».

В 1926–1933 гг. группа «Кирти» активно старалась максимально укрепить свое положение в Пенджабе, а также расширить влияние далеко за его пределы, чтобы получить статус не региональной, а всеиндийской коммунистической партии и, следовательно, иметь возможность претендовать на вакантное место секции Коминтерна. Контакты между индийскими гадаровцами и КПИ в этот период практически отсутствовали.

В декабре 1933 г. под воздействием Коминтерна большинство крупных прокоммунистических формирований из разных провинций Индии вошли

²³ Письмо Сюрджана Сингха, 17.12.1928 г. // РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 67. Л. 78.

²⁴ «Проект письма партии “Гадар”», 24.12.1928 г. // РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 67. Л. 30.

²⁵ Важно отметить, что, несмотря на отказ юридически зафиксировать статус Раттана Сингха как представителя «Гадар» в Коминтерне, фактически именно так его и рассматривало руководство КИ. Большинство важных вопросов, касающихся партии «Гадар» или группы «Кирти», действительно решалось при участии Раттана.

²⁶ «Записка оргсекретаря Орлова т. Карахану», 06.12.1927 г. // РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 148. Л. 17–17а.

в состав КПИ, чем значительно расширили и укрепили ее позиции. Группа «Кирти» осталась независимой (нужно отметить, что руководство Коминтерна просило Компартию Индии не только сохранить пенджабский центр «Гадар», но и использовать его связи с массами, работать с ним и продолжать вербовку в его ряды²⁷) однако потеряла шанс на вступление в КИ.

Тем не менее гадаровцы не отчаялись, а изменили тактику, взяв курс на дискредитацию руководства КПИ перед Коминтерном. Во второй половине 1930-х гг. в Москву как от Раттана Сингха, так и от других видных членов партии «Гадар» – Гурмуха Сингха Лалтона, Теджи Сингха Сватантры, Бхагата Сингха Бильги – были направлены многочисленные письма и отчеты с критикой официальной компартии. В частности, гадаровцы обвиняли коммунистов в отсутствии продуктивной работы с населением, подрывной деятельности против группы «Кирти» и даже в том, что в ЦК КПИ находятся предатели²⁸. Компартия со своей стороны не отставала и также обрушилась на гадаровцев с потоком обвинений, основным из которых было систематическое нарушение партийной дисциплины, которое допускали многие члены партии «Гадар», прошедшие обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и прибывшие в Индию в распоряжение КПИ²⁹. Руководство Коминтерна, в целом принимая сторону своей официальной секции, заняло позицию пассивного наблюдателя и не предпринимало активных шагов в ликвидации противоречий между ЦК компартии и группой «Кирти». Как иронично заметил индийский исследователь А. Сидху, затрагивавший данную проблему, отношения между КПИ, «Кирти» и КИ напоминали «ссору двух жен одного мужа»³⁰.

Обвинения, которые ЦК Компартии Индии выдвинуло против партии «Гадар», было далеко не беспочвенным. В 1932 г. Ратган Сингх Дабба, знавший, что в КИ остро встал вопрос о нехватке студентов в индийской секции КУТВ, решил воспользоваться ситуацией и подал в ИККИ предложение о восполнении пробела за счет членов своей организации³¹. Это предложение было охотно принято, и в период с 1932 по 1935 г. в КУТВ поступило более 50 гадаровцев³². По замыслу «Гадар», после обучения эти люди должны были отправиться на родину, присоединиться к КПИ, внедриться в ее руководство и подчинить ее своей организации. План провалился: уже в университете часть членов «Гадар» попала под влияние преподавателей, вышла из подчинения лидеров своей партии и доложила о ситуации руководству КУТВ.

²⁷ *Ширия К.К.* Коминтерн в 1933 г. М., 2006. С. 343.

²⁸ Докладная записка о групповой борьбе в Пенджабе заведующему отделом кадров ИККИ тов. Гуляеву от старшего референта тов. Козлова, 09.05.1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 214–216.

²⁹ Докладная записка «О фракционной деятельности бывших гадаровцев», 11.05.1940 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 59. Л. 217–219.

³⁰ *Sidhu A.* From Ghadar to Naxalbari: Baba Bujha Singh (An Untold Story). Barnala: Tark Bharti Parkashan. 2013. P. 67.

³¹ «Предложение Раттана Сингха на коллегия Восточного секретариата», 19.09.1932 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 466. Л. 81.

³² Таблица «Студенты КУТВ из Индии», 09.04.1937 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 41. Л. 162.

Летом 1935 г. в Коминтерне постарались принять срочные меры. Заместитель заведующего Восточным секретариатом ИККИ Павел Александрович Миф при участии Отто Вильгельмовича Куусинена и Осипа Ароновича Пятницкого разработал проект постановления о дальнейшей работе с гадаровцами. Постановление гласило:

«1) Оценивая Гадар партию как национально-революционную партию... и учитывая практику делового контакта между этой партией и Востсекретариатом... – установить, что между Коминтерном и КП Индии с одной стороны и Гадар партией с другой, взаимоотношения должны строиться на началах взаимной поддержки.

2) Признать целесообразным дальнейшую работу по обучению в нашей школе членов Гадар партии. Но всех прибывших из Гадар партии на учебу товарищей рассматривать не как коммунистов (как было до сих пор), а как членов Гадар партии [...].

3) Поручить Восточному секретариату направлять в страну на работу из числа окончивших учебу лишь тех товарищей, в ком есть уверенность, что они будут идеологически выдержанными и дисциплинированными коммунистами. Остальных, окончивших школу, возвращать в САСШ в распоряжение ЦК Гадар партии»³³.

Далее в документе содержались требования, во-первых, к уехавшим в Индию гадаровцам прекратить «групповщину», а во-вторых, к ректору КУТВ – пересмотреть учебный план, программы и методы воспитания членов «Гадар» «в соответствии с настоящим решением»³⁴. Реализация данных предложений привела лишь к замораживанию конфликта.

Столь мягкие меры объяснялись опасениями Коминтерна потерять важного союзника в лице «Гадар», от которого на 90 % зависела работа в Индии³⁵. Действительно, несмотря на все сложности во взаимоотношениях между организациями, партия «Гадар» не только являлась основным проводником интересов Коминтерна в Индии, но и оказывала существенную помощь КИ и его секциям в других странах. Важно отметить, что в вопросе об индийской работе именно группа «Кирти» первой протянула КПИ руку дружбы, с 1938 г. взяв курс на объединение с Компартией. Этот долгий и трудный процесс завершился слиянием двух организаций 28 мая 1942 г.³⁶

История сотрудничества партии «Гадар» и Коминтерна была полна противоречий, корень которых крылся в различиях идеологических установок двух организаций. Тем не менее это не мешало их плодотворному взаимодействию. Более того, в данном сотрудничестве Коминтерн выступил как организация, способная к гибкой политике и компромиссам, а члены партии «Гадар» прошли по пути серьезного изменения своих взглядов на будущее независимой Индии, многие из которых стали искренними коммунистами.

³³ «Проект постановления Политкомиссии Востсекретариата о сотрудничестве с партией “Гадар”», 25. 07. 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 20. Л. 26.

³⁴ Там же. Л. 27.

³⁵ Докладная записка «Об отборе индийских кадров и о способах дальнейшего комплектования школы студентами», 17.03.1936 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 16. Д. 41. Л. 113.

³⁶ *Sidhu A.* Op. cit. P. 68.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СТРАН ЕВРОПЫ «ДО» И «ПОСЛЕ» ЕВРОКОММУНИЗМА

*Каторжевский Павел Николаевич
(Белорусский государственный университет)*

Ряд коммунистических партий Европы вырос из социал-демократических партий, наследниц II интернационала, под влиянием Октябрьской революции 1917 года. Дальнейшая большевизация европейских компартий и их эволюция в первой половине XX века происходили благодаря влиянию Коминтерна и советской компартии, зачастую без учета специфики каждой из стран, что вызывало ответную реакцию с их стороны. Импульс к идеологической трансформации западноевропейских компартий дал также XX съезд КПСС и развенчание культа личности Иосифа Сталина. Таким образом, большинство компартий Европы, частично наследуя социал-демократическую традицию, находились под организационным и идеологическим влиянием российских большевиков, считавших, что социалистические революции в Европе дадут толчок к осуществлению социалистических революций в колониальных странах. Поражение революций в ряде европейских стран, таких как Германия, создали особые условия, в которых действовали западноевропейские коммунистические партии, что послужило одной из причин их идеологической трансформации. В результате большинство коммунистических партий Европы в 1960–1970 годах восприняли отдельные положения Франкфуртской декларации Социалистического интернационала, которая была принята на его первом конгрессе в 1951 году¹. Коммунистические партии восприняли тезис о недопустимости монополизации власти одной политической силой, признали плюрализм форм собственности, отказались от революционных методов борьбы за власть и стали использовать в своих программах социал-демократические лозунги: требование повышения благосостояния трудящихся вместо преодоления существующей капиталистической системы². Сочетание этих идеологических положений получило название «еврокоммунизм».

Можно выделить следующие предпосылки возникновения еврокоммунизма³:

¹ Франкфуртская декларация Социнтерна (1951). URL: <http://sd-inform.org/nasha-ideologija/programnye-dokumenty-i-deklaraci/deklaraci-i-manifesty/frankfurtskaja-deklaracija-socinterna-1951-g.html> (дата обращения: 19.01.2019).

² Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме / Л.Б. Попов. М., 2008. С. 136.

³ Фернандес А. Пути левой интеллигенции. URL: https://library.by/portalus/modules/politics/readme.php?subaction=showfull&id=1393430909&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 17.05.2019).

1. Непринятие большинством европейских коммунистических партий ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году, что послужило причиной дистанцирования европейских коммунистов от Советского Союза.

2. Окончание вьетнамского конфликта было одним из факторов, который повлиял на возникновение идеологии еврокоммунизма.

3. Несогласие европейских компартий с применением репрессивных мер в отношении диссидентов, в том числе левых диссидентов в Советском Союзе.

4. Попытка европейских коммунистов отказаться от наследия сталинизма.

Теоретическим основанием еврокоммунизма являлись труды Антонио Грамши, Пальмиро Тольятти и Сантьяго Каррильо⁴. Теоретики еврокоммунизма исходили из необходимости объединения всех прогрессивных сил, к которым они относили рабочих, крестьян, интеллигенцию, студенчество, женщин, борющихся за равноправие, служителей церкви, отстаивающих евангельские принципы, представителей средних классов, страдающих от монополистического капитализма. Подобного объединения, по мысли еврокоммунистов, необходимо было достичь для «демократического и социалистического обновления общества», для изоляции реакционных групп и для противостояния «неспособности капитализма удовлетворить общие потребности развития общества» (Легорнское заявление итальянской и испанской коммунистических партий, июль 1975 года)⁵. То есть подразумевалось сотрудничество с рядом некоммунистических сил, что способствовало расширению социальной базы коммунистических партий и включению в их программы положений, которые ранее не были характерны для идеологии этих партий.

Нервом еврокоммунизма является тезис о так называемом историческом компромиссе, подразумевающим отказ от революционного пути в борьбе за власть как устаревшего. Отсюда и вывод о необходимости прихода левых сил к власти только через выборы, без гражданских войн и потрясений и курс на встраивание в буржуазную политическую систему в качестве так называемой ответственной или конструктивной оппозиции. Еврокоммунизм признавал, что либеральные права и свободы являются важными орудиями в продвижении к социализму в Европе.

На Мадридской встрече 2–3 марта 1977 года Энрико Берлингуэр, С. Каррильо и Жорж Марше сделали совместное заявление, названное «Еврокоммунистическим манифестом». В нем указывалось, что старой буржуазной демократии времен Карла Маркса и Владимира Ленина больше не существует. Права и свободы трудящихся расширились, власть буржуазии ограничилась. На место буржуазной приходит «передовая демократия», резко увеличивающая права и свободы трудящихся. «Среди преобразующих факторов необра-

⁴ *Каторжевский П.* Чем обернулась для коммунизма приставка «евро». URL: <https://www.sensusnovus.ru/opinion/2014/12/09/19854.html> (дата обращения: 19.01.2019).

⁵ *Democratic Spain: Reshaping External Relations in a Changing World* / под ред. Gillespie, R. [и др.]. London, 2005. С. 30.

тимо возрастает роль демократии. Она – формула социального прогресса, его движущая сила».

Основным принципом работы компартий, по мнению теоретиков еврокоммунизма, должен был стать учет особой национальной специфики, то есть принцип «полицентризма» в коммунистическом движении. В подтверждение этому, в своей «Памятной записке» и интервью «Нуови аргументе» П. Тольятти призывает к поиску национальных решений для перехода к социализму⁶.

Важным тезисом еврокоммунизма был отказ от положений об отрицании государства при коммунизме. Кроме того, произошла ревизия «партии нового типа», предложенной В. Лениным, так как при отрицании в той или иной степени революционных задач всякой коммунистической партии равным образом отрицались и революционные принципы ее организации и функционирования.

Исходя из работы С. Каррильо «Еврокоммунизм и государство», можно вывести также и некоторые экономические принципы еврокоммунизма. В отличие от ряда документов еврокоммунистических партий в его трудах сформулирована экономическая программа этого течения в тезисном виде.

Демократический путь к социализму в работах С. Каррильо означает долгий процесс преобразований, значительно отличающийся от классической модели. Этот путь представляет собой «сосуществование» государственной и частной собственности на протяжении длительного периода.

Еврокоммунисты считали, что в этой фазе, то есть фазе экономической и политической демократии, которая еще не является социализмом, но более не является и господством государственно-монополистического капитала, необходимо максимально защитить достигнутый уровень производительных сил и социальных завоеваний, а также признать роль и функции частной инициативы.

Общественная собственность на основные экономические рычаги должна была стать базисом для национального демократического планирования экономики, которое позволит унифицировать государственный и частный секторы и разработать экономическую модель, адекватную требованиям времени и реальным потребностям граждан.

Главной целью этих преобразований была передача в распоряжение общества – причем не только центрального государства, но и региональных и местных органов власти – решающих экономических рычагов, с тем чтобы гарантировать гегемонию нового исторического блока в переходный период.

Объектами рационального и демократического планирования в переходный период, по замыслу С. Каррильо, в первую очередь должны стать сельское хозяйство и агропромышленный комплекс, включая рыболовство.

С. Каррильо делает следующие заключения о экономических вопросах еврокоммунизма⁷:

1. Сосуществование форм государственной и частной собственности подразумевает, что в этих условиях приемлемо и производство прибавочной стоимости, и частное присвоение части этой прибавочной стоимости.

⁶ Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме / Л.Б. Попов. М., 2008. С. 25.

⁷ Попов, Л.Б. Там же. С. 92.

Иными словами, оно подразумевает наличие смешанной экономики. Общество обладает инструментами, помогающими предотвратить получение чрезмерной прибавочной стоимости (то есть, налоги), но одновременно стимулировать частную инициативу.

2. В условиях социальной и политической демократии сохраняются социальные различия, но не в скрытой, а в открытой форме.

3. Эта система смешанной экономики находит свое выражение в политическом строе, при котором собственники смогут организовываться, объединяться не только в экономические ассоциации, но и в политическую партию или несколько партий, которые будут представлять их интересы.

4. Вместе с тем господствующее положение государственного сектора в экономике и политическая гегемония сил труда и культуры будут гарантировать постепенное продвижение к бесклассовому обществу, обществу равноправия – к социализму.

Таким образом, еврокоммунизм возникает, как реакция на изменившиеся условия классовой борьбы, в частности, это реакция на формирование среднего класса и возникновение ценностей общества потребления.

Еврокоммунисты пытались разрешить противоречие между двумя радикально противостоящими позициями и находились в поисках «третьего пути». Вместо установления диктатуры пролетариата и старой модели либеральной демократии они выступали за создание «демократического режима нового типа». В нем должны были быть преодолены ограничения существовавших до фашизма моделей либеральной демократии, так что государственный строй был бы открыт для преобразования в направлении социализма. Еврокоммунисты определяли такой режим как «государство прогрессивной демократии». Он должен был быть построен на базе республиканской Конституции, демократических институтов и широких политических и индивидуальных свобод.

В результате еврокоммунизм привел большинство коммунистических партий его исповедовавших к ослаблению идеологических и политических позиций. Итальянская компартия и вовсе отказалась от старого названия, преобразовавшись в Партию демократических левых сил. ПДЛС продолжала мутировать, в итоге на ее базе в 2007 году возникла Демократическая партия, которая отвергает даже традиционные социал-демократические установки, считая их слишком радикальными⁸.

До недавнего времени по пути еврокоммунизма следовало абсолютное большинство коммунистических и так называемых «посткоммунистических» партий, но в начале нового тысячелетия левые партии вынуждены были пересмотреть свои еврокоммунистические установки.

Второе десятилетие XXI века было ознаменовано электоральными успехами левых партий в ряде стран Европы⁹. Несмотря на заявления видных политологов о «конце истории» и окончательной и бесповоротной победе неолиберализма (Френсис Фукуяма), политические партии, называющие себя

⁸ *Жванция Д.* ИКП – смерть как расплата за соглашательство. URL: <https://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/07/10/16762.html> (дата обращения: 19.01.2019).

⁹ *Голуб А.* Европа совершает «левый» поворот. URL: <https://kp.ua/politics/362812-aleksandr-holub-evropa-sovershaet-levyi-povorot> (дата обращения: 19.01.2019).

коммунистическими или использующие в своих программах прокоммунистические идеологемы, вернулись в публичное политическое пространство. Они радикализировали свои идеологические установки и продемонстрировали стремление преодолеть собственное восприятие как «запасного рычага» существующей экономической системы¹⁰. Коммунистические и посткоммунистические партии Европы заявили о постепенном отказе от еврокоммунизма, который фактически лишил коммунистическое движение собственной идеологической традиции и сделал некогда крайне левые партии частью неолиберального консенсуса.

Даже социал-демократы, которых все чаще обвиняют в сближении с неолиберальной идеологией, заявляют, что для выхода из кризиса Европейский союз нуждается в ином, альтернативном пути развития. Но «неокоммунистические» партии, многие из которых входят в Партию европейских левых, считают себя наследниками радикально-социалистической и коммунистической традиции в левом движении. Тем самым утратил свою актуальность прежний пессимистичный дискурс левых сил. Например, формулировки наподобие заявленной одним из теоретиков еврокоммунизма Сантьяго Каррильо о том, что «мы [коммунисты] мыслим себе именно такую социалистическую Испанию, где глава правительства был бы католиком и где компартия была бы в меньшинстве» и призывы современных европейских левых партий «объединиться для борьбы с неолиберализмом» уже не влияют на развитие коммунистических партий¹¹. Хотя риторика о борьбе с неолиберализмом и сохраняется, но в публичных заявлениях левые партии Европы все чаще говорят о необходимости ликвидации системы капиталистической эксплуатации как таковой, а не отдельных ее модификаций.

Например, испанская левая партия «Подemos» на парламентских выборах 2015 года положила конец двухпартийной системе, существовавшей в Испании более 30 лет. Победа Коалиции радикальных левых Греции, по выражению философа Славоя Жижека¹², заставила «трястись от страха рынка всего мира»¹³.

После глобального экономического кризиса 2008 года сетевые левые движения наподобие «Движения 15 марта» (испанский аналог движения «Оккупируй Уолл-стрит») начали институализироваться, создавая свои организации или поддерживая уже существующие движения левой ориентации. Это привело к росту левопопулистских партий и сдвигу влево уже существующих социалистических и социал-демократических партий, которые утрачивали свой традиционный электорат перед лицом растущей популярности «новых левых». Яркий пример тому полевение Лейбористской партии Великобритании, которую возглавил представитель ее левого крыла Джереми Корбин. До этого момента на протяжении многих лет лейбористы фактически канализи-

¹⁰ Гизи Г. Объединимся для победы над неолиберализмом. URL: <http://left.by/archives/15054> (дата обращения: 19.01.2019).

¹¹ Турреро Р.М. От «еврокоммунизма» к оппортунизму наших. URL: <http://un-comm-ukr.ucoz.ru/publ/12-1-0-24> (дата обращения: 19.01.2019).

¹² Жижек С. 25 января все мы – греки. URL: <https://inosmi.ru/world/20150122/225740298.html> (дата обращения: 19.01.2019).

¹³ Ліва Європа / Репа А. [и др.] // под общ. ред. А. Ляшевой. Київ, 2017. С. 154.

ровали протестные настроения рабочего класса и других социально уязвимых групп населения в русло социал-соглашательства и компромисса с консерваторами. «Новый лейборизм», провозглашенный Тони Блэром и Гордоном Брауном, которые в разное время возглавляли эту партию, не предусматривал установления контроля общества над рыночной экономикой. «Новые лейбористы» также считали условием обеспечения социальной справедливости внедрение рыночных механизмов в общественный сектор, что убирало грань между «новыми лейбористами» и «старыми консерваторами»¹⁴.

После прихода к руководству Дж. Корбина британские лейбористы озвучили традиционные для левой социал-демократии требования (национализация железных дорог, почты и энергетики), но большинством периодических изданий были названы «криптитроцкистами» и «левыми радикалами»¹⁵. Возвращение Лейбористской партии на позиции левой социал-демократии отчасти объясняется успехами неоллиберальных реформ в Великобритании. После того как были закрыты фабрики Ливерпуля и шахты Уэльса, а социальные пособия были сокращены, в стране появилось множество низкооплачиваемых рабочих мест в сфере обслуживания и торговли. В таких условиях недовольство традиционной социальной базы лейбористов постепенно радикализировало низовой партийный актив. Подобная ситуация складывалась и в других странах Европы, что создало условия для левого поворота в социал-демократических, еврокоммунистических и посткоммунистических партиях.

В некоторых странах происходило не полевание уже существующих левых партий, а создание новых левых организаций, успех которых был обусловлен крахом дискредитировавших себя в глазах электората старых коммунистических и социалистических партий. Это подтверждается заявлениями лидера испанской «новой левой» партии «Подemos» Пабло Иглесиаса о том, что подъем «Подemos» теснейшим образом взаимосвязан с падением влияния Испанской социалистической рабочей партии, которая была основана в 1879 году¹⁶.

Значительное влияние на радикализацию левых партий и движений Европы оказал рост правопопулистских и ультраправых сил, которые также радикализировали свои установки. Европейские правые начали использовать элементы дискурса, характерные для левых сил. Правые партии Европы наравне с левыми используют евроскептическую фразеологию и риторику, направленную против политического истеблишмента, при этом не отказываясь от своей антимигрантской и традиционалистской повестки¹⁷. В этих условиях левым партиям приходится уходить от абстрактно-протестных лозунгов, которые эксплуатируются их политическими оппонентами с правого фланга, и конкретизировать свое видение будущего Европы.

¹⁴ *Lawson, N.* The end of new Labou. URL: <https://www.newstatesman.com/uk-politics/2008/08/market-state-labour-social> (дата обращения: 19.01.2019).

¹⁵ *Куртиченко А.* И пришел Корби. URL: <http://liva.com.ua/jeremy-corbyn.html> (дата обращения: 19.01.2019).

¹⁶ *Костюк Р.* Социал-демократия: «старый больной человек современной Европы...». URL: <http://left.by/archives/10117> (дата обращения: 16.01.2019).

¹⁷ *Вальковский М.* Евросоюз между правыми и левыми. URL: <https://www.sb.by/articles/evrosoyuz-mezhdu-pravyimi-i-levymi.html> (дата обращения: 19.01.2019).

Возвращение социал-демократов к своим традиционным идеологическим установкам заставило многие партии, которые традиционно считались «еврокоммунистическими», сдвигаться «левее», вспоминая свои идеологические корни. Тем не менее пока рано говорить о том, что еврокоммунизм отброшен европейскими коммунистическими и посткоммунистическими партиями окончательно.

При общей радикализации лозунгов коммунистических и левых партий Европы в их программах и предвыборных платформах сохраняются лозунги с требованиями демократизации существующих политических институтов Европейского союза и создания альтернативной политической культуры.

Практически все коммунистические партии, действующие в странах Европы, не заявляют о необходимости революционных методов борьбы за власть, а в программах большинства компартий признается роль частнособственнической инициативы. Произошло признание сосуществования частного и государственного сектора. Некоторые коммунистические партии отказались от воинствующего атеизма и перешли к сотрудничеству с церковью¹⁸.

Термин «еврокоммунизм» не употребляется уже довольно долгое время, но элементы идеологического комплекса еврокоммунизма используются практически всеми коммунистическими партиями, даже если они не отказываются от марксистско-ленинской риторики и критикуют еврокоммунистов. Исключение составляют малочисленные группы ортодоксальных сталинистов и ряд коммунистических партий, таких как Коммунистическая партия Греции.

Идеологическая трансформация компартий Европы на данный момент не обоснована теоретически, но ряд документов, таких как «За манифест коммунистической партии в XXI веке»¹⁹, который был принят Французской коммунистической партией на конгрессе в 2018 году, позволяет утверждать, что на данный момент коммунистическое движение в Европе движется левее социал-демократии, но правее коммунистической ортодоксии, которая была выражена в «21 условии членства в Коммунистическом интернационале»²⁰.

С учетом политического и социально-экономического пространства, отличного от начала и середины XX века, можно прогнозировать, что коммунистические партии Европы будут продолжать идеологически трансформироваться и приспосабливать свои программные установки к изменяющимся обстоятельствам с целью повышения своей общественной популярности и политической конкурентоспособности.

¹⁸ Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме / Л.Б. Попов. М., 2008. С. 83.

¹⁹ Pour un manifeste du parti communiste du 21ème siècle (résumé). URL: <http://manifestecommuniste2018.fr/POUR-UN-MANIFESTE-DU-PARTI-COMMUNISTE-DU-XXIe-SIECLE>

²⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин. 5-е изд. М., 1981. С. 204.

«СОЮЗ ИТАЛЬЯНСКИХ ЖЕНЩИН» И ИТАЛЬЯНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ И ФАКТОР ДВОЙНОГО ВЛИЯНИЯ (1944–1982 гг.)

*Козлова Светлана Юрьевна, к.и.н.
(Музей истории города Ярославля)*

«Союз итальянских женщин» (с 2016 г. – «Союз женщин в Италии») был создан в сентябре 1944 г. на волне движения Сопротивления, на базе «Групп защиты женщин», действовавших на Севере страны с осени 1943 г. при коммунистических «бригадах Гарибальди». Несмотря на провозглашенный принцип открытости для всех социальных слоев, вероисповеданий и политических направлений, его руководящий актив составляли коммунистки и социалистки.

20–23 октября 1945 г. во Флоренции прошел I Национальный конгресс Союза, собравший 298 делегатов из всех регионов Италии, кроме Базиликаты¹. К этому времени в организации уже состояли 400 тыс. женщин из 78 провинций (всего провинций было 98)². В принятом на конгрессе уставе Союз позиционировался как свободная ассоциация³, а в его программе были отмечены семь направлений деятельности: защита женских прав в сфере труда; социальная адаптация (гражданское самосознание, повышение культурного уровня женщин); защита семьи; решение проблем детства; обеспечение солидарности в обществе (создание демократических организаций и учреждений); подготовка женщин к участию в политической жизни; участие в международных отношениях⁴.

На V Национальном съезде Итальянской коммунистической партии (ИКП, 29 декабря 1945 – 6 января 1946 г.) Л. Лонго, заместитель генерального секретаря партии, назвал Союз организационной формой, которая выходила «за привычные рамки партийного строительства», так как, имея унитарный характер, допускала значительное внутреннее разнообразие, которое позволяло «преодолевать второстепенные или частные расхождения ради

¹ Ascoli G. L'Udi tra emancipazione e liberazione (1943–1964) // La questione femminile in Italia dal '900 ad oggi / Ascoli G. Milano, 1977. P. 117–118.

² *Ombra M.* Introduzione // Guida agli Archivi dell'Unione Donne Italiane. Roma, 2002. P. 8.

³ *Casimirri S.* L'Unione donne italiane (1944–1948) // Quaderni della FIAP. 1978. № 28. P. 20.

⁴ Programma approvato dal I Congresso nazionale dell'U.D.I. // Quaderni della FIAP. 1978. № 28. P. 70–73.

осуществления – на основе, которая может быть общей для всех, – необходимого и благотворного единства действий»⁵.

Исследователи единодушно указывают на политическую природу Союза, большинство подчеркивают зависимость Союза от ИКП, называют его «прокоммунистической женской ассоциацией»⁶, «политическим субъектом, представлявшим интересы ИКП»⁷, «массовой женской ассоциацией, тесно связанной с ИКП»⁸, отмечают, что «лозунги Союза были продиктованы, в первую очередь, ИКП»⁹. Специалисты ссылаются на то, что «коммунистки составляли руководящий актив Союза»¹⁰ и на «сильное коммунистическое присутствие» в Союзе, которое, наравне с исключением коммунистов и социалистов из правительства в 1947 г., называют ключевым фактором, определившим позицию Союза в годы холодной войны¹¹. Ч. Вентуроли, профессор Болонского университета – крупного центра гендерных исследований в Италии – называет основной задачей Союза политизацию женщин, пишет о том, что «подавляющему большинству итальянок казалось, что легче вступить в женскую организацию, чем в партию», а Союз привлекал тем, что занимался решением конкретных женских проблем¹². Г. Ботти указывает на заинтересованность А. Де Гаспери (лидер Христианско-демократической партии) и П. Тольятти в появлении женских ассоциаций в качестве политических субъектов, «которые давали ответы женщинам»¹³. С. Плессет подчеркивает, что Союз был основан итальянками, «имевшими политические корни в ИКП, которые стремились к признанию гендерных различий и укреплению солидарности в женской среде»¹⁴.

В исследованиях последних лет встречается точка зрения о паритетном влиянии коммунистической и социалистической партий на организацию, иногда Союз позиционируют как «социал-коммунистическую женскую

⁵ Лонго Л. Избранные статьи и речи (1946–1975 гг.). М., 1975. С. 8.

⁶ Gabrielli P. 2 giugno 1946. L'impegno comune del CIF e dell'UDI per il diritto di voto // Quaderni del C.I.F. 2010. № 2. P. 36.

⁷ Tola V. Dalla Resistenza a protagoniste della Repubblica: la nascita dell'UDI // «Noi compagne di combattimento...». I Gruppi di Difesa della Donna, 1943–1945. Torino, 2015. P. 51.

⁸ Women in Italy, 1945–1960: an interdisciplinary study / ed. by P. Morris. N.Y., 2006. P. 8.

⁹ Cerrai S. I partigiani della pace in Italia: tra utopia e sogno egemonico. Padova, 2011. P. 121.

¹⁰ Colombo D. The Italian feminist movement // The women's liberation movement. Europe and North America / J. Bradshaw. Oxford, 1982. P. 467.

¹¹ Alano G. Armed with a Yellow Mimosa: Women's Defence and Assistance Groups in Italy, 1943–1945 // Journal of Contemporary History. 2003. Vol. 38 (4). P. 630–631.

¹² Venturoli C. Tommasina Giuliani: le ragioni di una scelta. La vita e l'impegno politico della prima amministratrice donna di Casalecchio di Reno. Casalecchio di Reno, 2009. P. 14.

¹³ Botti G. L'associazionismo al femminile in Campania tra passato e presente // La camera blu. Rivista di studi di genere. 2012. № 6. P. 67.

¹⁴ Plesset S. Women negotiating gender and violence in Northern Italy. Stanford, 2006. P. 7.

организацию»¹⁵, что связано с ориентацией коммунисток в его составе на тесное взаимодействие с социалистками и необходимостью учитывать интересы последних при принятии решений. В литературе также распространена общая характеристика Союза как «левой организации», «ассоциации, представлявшей женщин в левых политических кругах»¹⁶. К. Бассоли, Н. Лоди и Л. Серантони в статье «Союз итальянских женщин: цели и деятельность вчера и сегодня» пишут о том, что положение Союза в качестве «левой женской организации» было закреплено только в ходе парламентских выборов 1948 г., при создании Народно-демократического фронта (НДФ)¹⁷. Члены женских ячеек ИКП и Итальянской социалистической партии (ИСП) и члены Союза (а иногда это были одни и те же персоны) вошли в состав созданного в феврале 1948 г. по инициативе М. Микетти Женского альянса НДФ, способствовавшего созданию провинциальных и городских комитетов Фронта¹⁸.

Наиболее точно, на наш взгляд, идейную направленность Союза охарактеризовала К. Ренцони, указавшая на то, что Союз выражал стремления коммунисток и в меньшей степени социалисток, участниц Сопротивления, и в течение многих лет фактически был «вспомогательной организацией» ИКП, но постепенно приобрел автономию»¹⁹.

Влияние ИКП на Союз проявлялось в нескольких плоскостях. Во-первых, как отмечали руководители Союза, «теоретический фундамент организации не был достаточен и не мог обеспечить ее необходимыми инструментами»²⁰, поэтому Союз базировался на фундаменте, который был предложен ИКП. Новая линия партии, принятая еще в марте 1944 г. на Национальном совете в Неаполе, ориентировала Союз на политику национального единства, делала женщин активным и необходимым субъектом процесса послевоенной демократизации. Руководство ИКП разделило задачи в сфере женской эмансипации между женскими ячейками партии и Союзом. Сферой деятельности женских ячеек была политическая эмансипация, Союз сосредоточил усилия на экономической эмансипации (преодоление маргинализации и дискриминации женщин в сфере труда, улучшение экономических условий жизни семей и т. д.). Подобный подход позволял сохранять контроль над организацией и выделить политическую нейтральную сферу, в которой Союзом могла быть реализована программа единства действий и консолидации политических сил. У Союза не было теоретического фундамента, альтернативного коммунистическому. В связи с этим звучавшее со стороны руководства Союза с начала

¹⁵ *Pisa B.* Il Movimento Liberazione della Donna nel femminismo italiano. La politica, i vissuti, le esperienze (1970–1983) / B. Pisa. Roma, 2017. P. 16.

¹⁶ *Pojmann W.* Oral history, identity and the Italian women's movement in the future of the contemporary past // *Journal of International Women's Studies*. 2005. Vol. 7. № 2. P. 195.

¹⁷ *Bassoli C., Lodi N., Serantoni L.* La storia dell'Unione Donne Italiane: obiettivi e azione ieri e oggi // *Quaderni del C.I.F.* 2010. № 2. P. 26.

¹⁸ *Noi Donne*. 1948. № 6.

¹⁹ *Renconi C.* Servizi sociali e assetto urbano nella pubblicistica e nei Congressi dell'Unione donne italiane (1960–1964) // *Territorio della Ricerca su Insediamenti e Ambiente*. Rivista internazionale di cultura urbanistica. 2013. Vol 6. № 10. P. 124.

²⁰ *Rodano M.* Memorie di una che c'era. Una storia dell'Udi. Milano, 2010. P. 123.

1950-х гг. требование автономии, представлявшейся в публичном дискурсе как полная автономия от ИКП, на деле ограничивалось предоставлением большей свободы в выборе инициатив и расширением круга вопросов по их выдвиганию в рамках партийной линии. Сдерживающим фактором на пути к автономии был и страх потерять поддержку ИКП в парламенте (в Италии женщины получили право голоса только в 1946 г., с 1948 г. руководители Союза избирались в парламент, за счет поддержки ИКП и ИСП, придерживавшихся до 1956 г. «Пакта о единстве действий», добились принятия ряда законов в пользу женщин).

Вторая плоскость влияния ИКП на Союз – финансирование организации: Союз получал средства от компартии²¹. Основные средства Союз получал за счет членских взносов²², благотворительных акций «народной солидарности» (сбора средств на проведение отдельных кампаний, например организацию летних детских лагерей) и продажи журнала «Noi Donne» (издавался с июля 1944 г.). Несмотря на то что доля участия компартии в бюджете организации была невелика, финансовая поддержка со стороны партии была важным фактором в продвижении некоторых инициатив. Союз получал средства от лидеров компартии, например, в июне 1949 г. Л. Лонго, заместитель генерального секретаря ИКП, перечислил Союзу в дар 250 тыс. лир²³. До 1958 г., как общественная организация, Союз участвовал в программах бюджетного субсидирования социально значимых инициатив (организация приютов, курсов повышения квалификации для женщин и т. д.). Эпизодически Союз получал средства от иностранных организаций: во время наводнений 1951, 1953 и 1966 г. Союз, занимаясь сбором и распределением гуманитарной помощи, получал средства от многочисленных зарубежных женских ассоциаций, в том числе из стран социалистического блока и СССР²⁴.

Третья плоскость – участие Союза в Движении сторонников мира (ДСМ). Отмеченное в программе Союза «участие в международных отношениях» проходило в рамках деятельности Международной демократической федерации женщин (МДФЖ) и в ДСМ, под строгим надзором ИКП. До середины 1950-х гг. по инициативе ИКП Союзом был проведен ряд крупных национальных акций (антиядерная кампания 1947–1948 гг., сбор подписей против вступления Италии в НАТО 1948–1949 гг.), Союз обеспечил поддержку крупных международных инициатив ДСМ женским населением Италии, в том числе Стокгольмского воззвания «О запрете применения атомного оружия» (1950), Берлинского призыва за «Пакт мира между пятью великими державами» (1951) и Венского «Обращения к народам мира о проведении всемирной кампании против подготовки атомной войны» (1955). Во всех случаях в Италии женщинами было собрано не менее половины подписей²⁵.

²¹ *Rothenberg N.* The Catholic and the Communist Women's Press in the Post-War Italy. An Analysis of «Cronache» and «Noi Donne» // *Modern Italy.* 2006. Vol. XI. № 3. P. 286.

²² *Casimirri S.* Op. cit. P. 9.

²³ *Unità.* 1949. 12 giugno.

²⁴ *Noi Donne.* 1951. № 49.

²⁵ *Советская женщина.* 1965. № 8.

Компартия поддерживала контакты Союза с КСЖ, настоятельно рекомендовала руководству Союза взаимодействовать с комитетом путем организации встреч и обмена делегациями. Практика обмена делегациями между двумя организациями установилась в 1947 г., хотя и ранее члены Союза и комитета входили в состав делегаций, в том числе молодежных, нацеленных на «укрепление советско-итальянских уз дружбы»²⁶. В апреле–мае 1947 г. Италию посетила советская женская делегация в составе шести человек во главе с В.А. Фоминой²⁷, в июле–сентябре состоялся ответный визит итальянской женской делегации из семи человек, возглавляемой председателем Союза Р. Пиколато²⁸.

До 1956 г. – активно, после – с меньшей интенсивностью, Союз испытывал двойное влияние со стороны ИКП и КСЖ. С 1946 г. КСЖ действовал в рамках поставленной ВКП(б) задачи «проведения широкой пропаганды за рубежом и показа преимуществ советской системы хозяйства на материалах о положении женщин в СССР»²⁹. В свою очередь контакты между комитетом и Союзом признавались руководством последнего нужными в связи с возможностью ознакомления с советским опытом женской эмансипации, который считался передовым в мире. Еще одним стимулом взаимодействия с КСЖ было предписание ИКП на установление «прямого контакта с советской стороной в ходе визитов с целью смягчения антисоветской пропаганды и воздействия на итальянское правительство через общественное мнение и общественную активность»³⁰. Интересно, что визит первой советской женской делегации в 1947 г. позволил ИКП проникнуть на крупные предприятия, где сохранялась монополия христианских демократов и куланкуистов (члены Партиго дель уомо квалункуэ). Дж. Амендола, секретарь неаполитанской федерации ИКП, попросил делегацию поехать на одну из табачных фабрик, куда коммунисты до сих пор не имели доступа, тем же путем представители партии впервые попали на шерстяную трикотажную фабрику «Ангора» в городе Перуджа³¹.

Через Союз КСЖ активно проводил тезис о миролюбивой политике СССР, который после Венгерских событий 1956 г. стал подвергаться критике в Союзе. С первого обмена делегациями в 1947 г. в отчетах и информациях о делегатах комитет постоянно оценивал пропагандистский потенциал итальянок, приходя к выводу, что он очень низок из-за страха репрессивных действий со стороны итальянских властей, неодобрения родственников, неготовности женщин работать с большими аудиториями. Как следствие, КСЖ уделял большое внимание отправке готовых агитационных материалов для публикации в журнале «Noi Donne» и установлению личных контактов с представителями Союза.

²⁶ L'Unità. 1946. 25 agosto.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 12. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 13. Л. 29–30.

²⁹ Там же. Д. 10. Л. 6.

³⁰ L'Unità. 1951. 8 novembre.

³¹ ГА РФ. Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 12. Л. 4.

И компартия, и КСЖ выделяли в качестве основной задачи Союза создание условий эффективной совместной работы социалисток и коммунисток, вне зависимости от политической обстановки в стране. Слаженная работа представительниц двух партий наблюдалась до кризиса 1956–1957 гг., ставшего следствием целого ряда событий (XX съезд КПСС, Венгерские события, разрыв «Пакта о единстве действий» между ИКП и ИСП, выход ИСП из ДСМ) и выражавшегося в переоценке просоветских ориентиров. В разгар Венгерских событий, с 28 октября – 15 ноября 1956 г., в СССР пребывала итальянская женская делегация во главе с социалисткой Эльзой Бергамаски, членом секретариата Союза³². В первые дни из-за событий в Венгрии и Египте в делегации наблюдались волнения и паника, обсуждался вопрос о возвращении в Италию³³. Вскоре после возвращения в журналах «Иль джорнале д'Италия», «Висто», «Эспрессо» члены делегации опубликовали ряд антисоветских статей³⁴. Это был первый прецедент подобного рода. На заседании 22 ноября 1956 г. руководство КСЖ приняло решение поставить в известность МИД СССР о том, что «советское посольство в Италии не оказало должного влияния на подбор делегатов, в результате чего в делегацию были включены случайные люди»³⁵.

Наметилась реальная опасность выхода социалисток из Союза. И со стороны ИКП, и со стороны КСЖ прозвучали рекомендации по скорейшей выработке нового подхода, который позволил бы удержать социалисток в организации. Руководство Союза выдвинуло в качестве приоритетных проблемы единства и автономии организации, магистральным направлением деятельности организации выделило женскую эмансипацию. Под единством понималось объединение по вопросам эмансипации всех женщин Италии, независимо от их политических и религиозных убеждений. Эмансипация рассматривалась как осознание женщинами равноправия с мужчинами во всех областях жизни³⁶, борьба за расширение демократических прав и организацию общественной жизни в соответствии с новыми правами³⁷.

Апогеем политики «единства» стал VI Национальный конгресс Союза, проходивший 7–10 мая 1959 г. в Риме. Конгресс утвердил введение в Союзе коллегиального управления: ликвидировалась должность председателя Союза (до 1959 г. ее занимали исключительно коммунистки), его функции переходили Президиуму. Президиум состоял из 14 равноправных председателей, каждый из которых осуществлял практическое руководство в течение одной недели. В состав Президиума вошли «6 коммунисток, 5 социалисток (2 правых и 3 левых) и 3 независимые»³⁸. Переход к коллегиальному органу управления являлся практической реализацией принципа единства. Новый подход, выработанный в период 1956–1959 гг. и ставший основой деятельности Со-

³² Там же. Д. 104. Л. 112.

³³ Там же. Л. 117.

³⁴ Там же. Л. 118, 215.

³⁵ Там же. Л. 223.

³⁶ Там же. Д. 155. Л. 155.

³⁷ Там же. Д. 166. Л. 480.

³⁸ Там же. Д. 131. Л. 178.

юза до 1982 г., заключался в выделении проблемы женской эмансипации как базовой нейтральной области взаимодействия и пропаганде общезначимых идей мира с отказом от адресных обвинений в международной напряженности. Выработка нового подхода и его практическое применение позволили избежать выхода социалисток из организации и продолжить совместные парламентские инициативы.

В начале 1960-х гг. в руководящих кругах Союза стала распространяться идея о переносе нового подхода в сферу международных отношений, изменении принципов функционирования МДФЖ. Разные подходы Союза и советской стороны к определению целей и задач Федерации привели к конфликту, который проявился на Всемирном женском конгрессе в Москве (24–29 июня 1963 г.), собравшем представительниц 114 стран, 1543 делегатки, 384 наблюдательницы³⁹.

Руководство Союза стремилось открыть дискуссию внутри МДФЖ с целью обсуждения деятельности организации и придания ей более широкого и унитарного характера, «заставить ее выйти за рамки типичных в годы холодной войны схем»⁴⁰. Дискуссию в Союзе инициировали коммунистки Р. Лонго, Дж. Тедеско, Б. Берти и социалистка М. Пассильи. Накануне конгресса состоялось заседание Президиума Союза в Риме, на котором было выработано «Обращение» в Бюро МДФЖ, содержавшее требование перехода от остро-политических вопросов к теме женской эмансипации и тезис о том, что МДФЖ не должна руководить национальными организациями, а лишь координировать и обобщать опыт⁴¹. В основе итальянского подхода лежал критический анализ деятельности Федерации как внешнеполитического инструмента СССР⁴². Союз призывал МДФЖ отойти от уловок международной политики холодной войны, поскольку приверженность советской политике больше не казалась итальянкам лучшим решением для мира. На заседании социалистки из руководства Союза потребовали его выхода из МДФЖ в связи с несоответствием характера и методов работы Федерации задачам женского движения. Вопрос о выходе был вынесен на голосование, в результате которого большинством в один голос было принято решение остаться в составе международной организации⁴³.

Итальянская делегация прибыла в Москву накануне конгресса, 23 июня, вечером того же дня в гостинице «Москва» Р. Лонго провела совещание, на котором итальянки решили дважды покинуть заседания конгресса в знак протеста: при заслушивании японского и кубинского докладов. В случае с японским докладом они выступали против «острой постановки вопроса об американском империализме», в кубинском докладе негативно оценивали тезис о том, что в рамках капиталистического строя женское движение не может добиться хотя бы частичного решения женских проблем⁴⁴. 24 июня итальянки покинули конгресс во время доклада японской делегации, во избежание

³⁹ ГА РФ. Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 167. Л. 162–163.

⁴⁰ L'Unità. 1963. 10 dicembre.

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 167. Л. 164, 166.

⁴² Rodano M. Op. cit. P. 112.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 167. Л. 165–166.

⁴⁴ Там же. Л. 166–167.

подобной ситуации в дальнейшем Н.В. Поповой было принято решение о переносе кубинского доклада с вечера 24 июня на 25 июня. Вечером 24 июня состоялась беседа итальянской делегации с Н.А. Муравьевой, С.Н. Павловой и Р.Ф. Дементьевой, а 25 июня на обеде, в котором участвовала жена первого секретаря ЦК КПСС Н.П. Хрущева, стороны обменялись подарками. Как отмечалось в отчете КСЖ, «меры, своевременно принятые комитетом, помогли предотвратить уход итальянской делегации с кубинского доклада», часть делегации посетила доклад⁴⁵. После встречи в ИКП подчеркивали, что советская сторона высоко оценила идеи, привнесенные итальянками в международное движение и московский конгресс. Итальянки настаивали на необходимости сплочения рядов Федерации, объединении национальных женских организаций и превращении МДФЖ во всемирный женский форум. Делегация предложила добавить в повестку дня пункт о характере, политике и методах работы МДФЖ и обсудить этот вопрос в специальной комиссии, однако предложение было отклонено «в связи с отсутствием у Конгресса подобной компетенции»⁴⁶.

После серьезной работы, проведенной КСЖ, итальянская делегация отказалась от продвижения нового подхода в вопросе функционирования МДФЖ. Делегация стала оправдывать свои действия, в докладе 28 июня и на пресс-конференции в Риме 12 июля члены Союза объясняли свое поведение несогласием с работой Бюро и принятой процедурой представления докладов, не оглашали позицию о несогласии с принципами работы Федерации. 28 июня состоялась беседа руководителей делегации, членов ИКП, с секретарем ЦК КПСС Б.Н. Пономаревым, в ходе которой «итальянки согласились с тем, что вопрос об изменении характера МДФЖ необходимо было поставить после конгресса, в его рабочих органах, проведя предварительное обсуждение по линии компартий»⁴⁷. Делегация одобрила программу работы МДФЖ, отдававшую приоритет борьбе за мир, что существенно расходилось с содержанием отправленного в Бюро МДФЖ накануне конгресса «Обращения», выделенного в качестве основной проблемы женской эмансипации⁴⁸. Московский конгресс 1963 г. наглядно продемонстрировал двойное влияние ИКП и КСЖ на Союз и процесс принятия решений в нем.

В 1963 г. проявился один из аспектов конфликта интересов ИКП и Союза – разное видение роли Союза в международном женском движении и ДСМ. Еще один аспект обозначенного конфликта заключался в том, что лидеры компартии видели Союз одной из зависимых от партии организаций, обеспечивавших ее взаимодействие с социалистами и популяризацию в обществе, в то время как руководство Союза стремилось создать «организацию всех женщин Италии», поднять «женские проблемы» на общеполитический уровень, разграничить деятельность партии и Союза. Члены Союза в обществе ассоциировались исключительно с коммунистками, что затрудняло расширение его общественной базы⁴⁹.

⁴⁵ Там же. Л. 169.

⁴⁶ *Rodano M.* Op. cit. P. 165.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р7928. Оп. 4. Д. 167. Л. 172.

⁴⁸ Там же. Л. 171.

⁴⁹ *Rodano M.* Op. cit. P. 160.

В конце 1960-х – 1970-е гг. на Союз стало оказывать серьезное влияние феминистское движение. Первоначально руководство Союза рассматривало феминизм как «социальное искажение американского капитализма»⁵⁰, но после 1968 г. было вынуждено признать необходимость совместного действия в сфере женской эмансипации. Сближение с «позицией феминисток» было одной из причин того, что Союз постепенно дистанцировался от политической культуры⁵¹. «Дух 1968 года», выражавшийся в стремлении решать проблемы не через политическое участие, а путем общественного консенсуса, оказал серьезное влияние на Союз, активизировал процесс его автономизации от ИКП. К середине 1970-х гг. Союз стал одной из самых крупных феминистских организаций в Италии, «нацеленных на полную ликвидацию организованного партийного женского движения»⁵². На XI Национальном конгрессе, проходившем в мае 1982 г. в Риме, руководство Союза объявило о полной автономии от ИКП, в истории организации начался новый этап.

* * *

В целом в период 1944–1982 гг. Союз успешно выполнял поставленную ИКП задачу по созданию единой платформы действий с социалистами. Влияние компартии и КСЖ постепенно ослабевало, сосредоточенность руководства Союза на соблюдении интересов политических сил, входивших в него, позволила постепенно расширить спектр независимых от партии инициатив и в конечном итоге стать автономной от партии организацией. Наблюдавшийся в это время конфликт интересов компартии и Союза был проявлением эпохи, когда в демократических странах Запада ломались прежние ценности и политические идеалы, в обществе ставился гендерный вопрос, вопросы об авторитетах и автономии общественных организаций от политических структур, свободе их действия.

⁵⁰ Ibid. P. 287.

⁵¹ *Guerra E. Femminismo / femminismi: appunti per una storia da scrivere // Genesis. 2004. III / 1. P. 109–110.*

⁵² *Галатенко Ю.Н. Женская литература Италии в контексте истории итальянского феминизма XX в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 195.*

КОМИНТЕРН В ТОПОНИМИИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССОВ ДЕКОММУНИЗАЦИИ

*Косован Елена Анатольевна, к.и.н.
(Российский государственный гуманитарный университет)*

*Имена тоже ветшают, хоть и медленно.
Сначала искажаются, потом сокращаются,
наконец забываются.*

Иэн Бэнкс «Мост»

Неотъемлемой частью жизни любого государства является политика управления пространством, точнее – его символическим содержанием. Одним из важнейших составляющих символического ландшафта является топонимия, то есть совокупность названий различных географических объектов. Нередко в названиях этих (топонимах) находят отражение различные идеологические символы, принадлежащие разным историческим периодам, разным политическим режимам, и, таким образом, через них происходит трансляция определенных историко-культурных и политических смыслов, через топонимы говорит историческая память «постоянно воспроизводя идентичность или псевдоидентичность и субъекта, и целого народа»¹. Поэтому целенаправленное изменение топонимии, которое можно квалифицировать как физически воплощенный акт забывания или, наоборот, запоминания, столь же старо, как и сами топонимы.

Особое значение изменение топонимии, а если называть вещи своими именами – топонимические чистки, приобретают в государствах, находящихся в состоянии постсоветского / постсоциалистического транзита. Периоды таких чисток были в новейшей истории государств Восточной Европы, знакомы они и постсоветскому пространству – от Прибалтики до Казахстана, от России до Туркмении. Топонимическая декоммунизация была для постсоциалистических и постсоветских стран логическим продолжением и одновременно средством суверенизации, но в полном соответствии с хаотическим характером постсоветского транзита республик бывшего СССР она проводилась разными темпами, с различной интенсивностью и носила где-то более, а где-то менее радикальный характер.

Большой интерес представляет «украинский вариант» топонимической декоммунизации и особенно декоммунизационные трансформации симво-

¹ Богдановская И.М., Трегубенко И.А. Восприятие городских памятников в различных социокультурных контекстах // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 2. С. 79.

лического пространства Украины в контексте кризиса 2014–2019 гг. В российском общественно-политическом и медийном дискурсе распространено устойчивое представление о том, что именно «украинский кризис» последних лет положил начало декоммунизационным процессам на Украине, легализовав «разрушение советской культурно-знаковой гегемонии и ее замещение национальными символами»². «Война с памятниками» и массированное наступление на советскую топонимику способствуют закреплению этой точки зрения. Однако она не совсем корректна.

«Война с памятниками», «война с топонимами» и прочие одиозные практики, порой напоминающие древнеримское *damnatio memoriae* (лат. «проклятие памяти»), являются не началом, а апогеем декоммунизационных процессов, которые шли на Украине по нарастающей с середины 1980-х гг., то есть со времени так называемой перестроечной декоммунизации символического пространства УССР. Последняя происходила почти одновременно с национализацией истории, то есть «отделением “своей”, национальной истории от ранее описываемого как общее прошлое, воображаемым превращением “своей” нации из объекта истории в ее субъект»³.

Впоследствии, на протяжении целого десятилетия (1995–2014), декоммунизационные процессы то замирали, то вновь разворачивались, пока после Революции достоинства или Второго майдана они не приняли действительно всеобъемлющий характер и не получили законодательного подкрепления. 9 апреля 2015 г. Верховной Радой был принят пакет законов – «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» (№ 314-VIII), «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» (№ 315-VIII), «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов» (№ 316-VIII) и «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрещении пропаганды их символики» (№ 317-VIII). В контексте топонимических трансформаций особенно важен последний закон – № 317-VIII⁴.

В том же 2015 г. Украинский институт национальной памяти (Український інститут національної пам'яті, УІНП) выпустил сборник материалов, который был призван сыграть роль методического пособия к Закону Украины «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрет на пропаганду их символики». В предисловии к данному сборнику директор УІНП Владимир Вятрович констатировал, что в качестве орудия борьбы против Украины «руководство Кремля мобилизует... идею возвращения к советскому прошлому»⁵. Россия

² Плеханов А.А. Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Политическая наука. 2018. № 3. С. 192. DOI: 10.31249/poln/2018.03.10.

³ Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. М., 2019. С. 118.

⁴ Документ 317-VIII, чинний, поточна редакція – Редакція від 05.05.2018, підстава – 2325-VIII // Верховна Рада України. Офіційний веб-портал. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19> (дата обращения: 31.01.2019).

⁵ Декомунізація: що і чому перейменовувати й демонтувати: Збірник

була обвинена в використанні самого грізного з існуючих видів зброї – історичного, а декомунізація повинна стати адекватним і ефективним засобом оборони⁶.

Противодействие внешней угрозе обусловило размах декоммунизации украинского символического пространства, которая оказалась шире, нежели предусматривалось законами 9 апреля 2015 г. Это в полной мере демонстрирует «Антикоминтерновская» кампания, в результате которой в течение двух лет были изменены названия населенных пунктов, улиц, проспектов, площадей и прочих объектов, призванных увековечить память о III Коммунистическом Интернационале (Коминтерне), хотя, если следовать букве законов 9 апреля, Коминтерн не должен подпадать под их действие. Это несоответствие закона и обусловленных им практик привлекает к себе внимание и требует научного осмысления.

Значимых научных работ, которые были бы посвящены Коминтерну в украинской топонимии, нет ни в украинской, ни в российской историографии. Тем не менее для современной украинской исторической науки, особенно в последние годы, характерно довольно пристальное внимание к символической политике, проводимой разными акторами – от президента Украины до региональных властных элит. Стоит отметить исследования Аллы Киридон⁷, Георгия Касьянова⁸, Александра Гриценко⁹, Александры Гайдай¹⁰, которые

матеріалів, рекомендацій і документів щодо виконання вимог Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки». Київ, 2015. С. 19–20.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ *Киридон А.М.* Минувле в інтерпретаціях істориків: П'ять розвідок про пам'ять: Монографія. Рівне, 2010. 128 с.; *Киридон А.М.* Маски пам'яті в умовах трансформації суспільства // *Історія–ментальність–ідентичність*. Вип. 4. Історична пам'ять країнців і поляків у період формування національної свідомості XIX – I пол. XX ст.: колективна моногр. Львів, 2011. С. 67–74; *Киридон А.М.* Етос пам'яті // *Національна та історична пам'ять: Зб. Наук. праць*. Вип. 2. Київ, 2012. С. 378–401; *Киридон А.М.* Гетеротопії пам'яті: Теоретико-методологічні проблеми студій пам'яті. Київ, 2016. 320 с. і др.

⁸ *Касьянов Г.В.* Украина 1990: Бои за историю // *Новое литературное обозрение*. 2007. № 83. С. 76–93; *Kasianov G.* “Nationalized” History: Past Continuous, Present Perfect, Future // *A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography* / Ed. by Georgiy Kasianov and Philipp Ther. Budapest; New York, 2009. P. 7–25; *Касьянов Г.* Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. М., 2019. 632 с. и др.

⁹ *Гриценко О.А., Солодовник В.В.* Пророки, пірати, політики і публіка: культурні індустрії й державна політика в сучасній Україні. Київ, 2003. 168 с.; *Гриценко О.* Пам'ять місцевого виробництва. Трансформація символічного простору та історичної пам'яті в малих містах України. Київ, 2014. 352 с.; *Гриценко О.* Президенти і пам'ять. Політика пам'яті президентів України (1994–2014): підґрунтя, послання, реалізація, результати. Київ, 2017. 1136 с. і др.

¹⁰ *Гайдай Ю.О.* Презентація радянського минулого в просторі: політика щодо пам'ятників радянським діячам (Центральна Україна) // *Національна та історична пам'ять*. 2013. Вип. 8. С. 142–149. URL: <http://nbuv.gov.ua/UJRN/>

составляют не только историографическую, но и источниковую базу исследования. Кроме того, в процессе исследования были использованы материалы из сети Интернет, в том числе контент сайта Украинского института национальной памяти.

Итак, в топонимии современной Украины Коминтерн был представлен тройко:

- названия, восходящие собственно к эргониму «Коминтерн» (в первую очередь села и поселки городского типа, областные и городские административные единицы и ряд урбанонимов – улицы, переулки и т. п.);

- названия, восходящие к именам деятелей Коминтерна (Г.М. Димитрова, Д.З. Мануильского, С.И. Гопнер, В. Коларова, Д. Ибаррури, М. Кашена и др.);

- названия, восходящие к именам деятелей Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), которая была представлена в Коминтерне через польскую коммунистическую организацию.

В 2015–2016 гг. были изменены топонимы первой группы. В первую очередь это села и поселки городского типа, областные и городские административные единицы и ряд урбанонимов – улицы, переулки и т. п.¹¹ Место Коминтерна на символическом ландшафте Украины заняли нейтральные и мемориальные топонимы, свидетельствующие об изменении идеологии украинского государства. Например, в Лиманском районе Одесской области поселок городского типа Коминтерн превратился в Доброслав, село Коминтерн Новомосковского района Днепропетровской (Днепровской) области – в Козырщину, село Коминтерн Ямпольского района Сумщины – в Лесное, село Коминтерново Волновахского района Донецкой области – в Пикузы и т. д.¹² Также названия сменил Коминтерновский район Одесской области – в 2016 г. он стал Лиманским¹³. Что касается урбанонимов, можно отметить переименование улиц Коминтерна в Чернигове (теперь улица Вячеслава Радченко, первого директора местного предприятия «Химволокно»), Фастове (ул. Сечевых стрельцов), Сумах (ул. Андрея Шептицкого, украинского религиозного деятеля), Одессе (ул. Петра Лещенко, певца, уроженца Одессы), Нежине (ул. Вадима Добролижа, художника), Днепропетровске (ул. Яхнековская) и т. п. В Дарницком районе Киева новые имена получили три переулка Коминтерна – 1-й стал Сладким (Солодкий), 2-й – Пчелиным (Бджолиний), 3-й – Лозовой (Лозовий) и т. д.

Изменения коснулись и топонимов второй группы – призванных увековечить память о деятелях Коминтерна – Г.М. Димитрова, Д.З. Мануильского,

Ntip_2013_8_20 (дата обращения: 22.03.2019); *Гайдай О.* Кам'яний гість. Ленін у Центральній Україні. Видання друге. Київ, 2018 и др.

¹¹ Алфавітний покажчик нових і старих найменувань населених пунктів, які були перейменовані з 01.01.2016 по 01.10.2016. С. 1, 2, 8, 14, 18, 21, 24 и т. д. // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/perelik_pereyменованиh_nas_punktiv.pdf (дата обращения: 03.02.2019).

¹² Урбаноним – собственное имя внутригородского топографического объекта.

¹³ Алфавітний покажчик нових і старих найменувань населених пунктів, які були перейменовані з 01.01.2016 по 01.10.2016. С. 1, 2, 8, 14, 18, 21, 24 и т. д. // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: http://www.memory.gov.ua/sites/default/files/perelik_pereyменованиh_nas_punktiv.pdf (дата обращения: 03.02.2019).

С.И. Гопнер, В. Коларова, Д. Ибаррури, М. Кашена и др.¹⁴ В Днепропетровске улица Серафимы Гопнер стала улицей Магдебургского права, а улица Мануильского – улицей Михаила Максимовича (известного ученого, первого ректора Императорского университета Св. Владимира), в Чернигове улица Долорес Ибаррури переименовали в честь советского конструктора Юрия Мезенцева, в Николаеве вместо улицы Коларова теперь улица историка Илька Борщака, в Баре улица Георгия Димитрова стала улицей Бернарда Претвича (военный и политик Речи Посполитой XVI в.), а улице Димитрова в Киеве вернули историческое название – Деловая и т. д.

Кроме того, в рамках декоммунизации должны быть демонтированы мемориальные доски и памятники, установленные в честь деятелей Коминтерна. Это касается, например, мемориальных досок Г.М. Димитрову (ул. Деловая, 6/77) и Д.З. Мануильскому (ул. Институтская, 20/8) в Киеве.

Весьма интересна борьба с памятью и о Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). В советское время история КПЗУ была слабо отражена в украинской топонимии. Большинство связанных с ней топонимов появилось в брежневский период, но уже в начале 1990-х гг. они были стерты с карты Украины. Так, во Львове имя одного из лидеров КПЗУ – М.Т. Заячковского в 1977–1992 гг. носила нынешняя улица кошевого атамана Головатого. Там же в 1982–1992 гг. существовала улица Марии Ких (сейчас – улица Ярослава Пстрака, живописца и скульптора). В Ковеле до недавнего времени существовала улица С.И. Бойко – секретаря трех окружкомов КПЗУ, погибшего в 1930 г. в польской тюрьме, а в Луцке – памятник ему. Но в 2016 г. памятник демонтировали, улицу переименовали в честь генерала УНР Н.Е. Шаповала.

Так в ходе Антикоминтерновской кампании было изменено подавляющее большинство топонимов, напоминавших о Третьем Коммунистическом Интернационале. Между тем интрига декоммунизации по-украински заключается в том, что в законе «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов» совершенно четко прописано, какие конкретно «коммунистические» организации попадают под запрет, а конкретные декоммунизационные практики показывают, что из топонимики вычищается все, в чем есть отсылки к коммунизму.

Так, согласно ст. 1 п. 1, пп. 1–3, под действие Закона попадают: РСДРП(б), РКП(Б), ВКП(б), КПСС, Коммунистическая партия (большевиков) Украины (КП(б)У) и Коммунистическая партия Украины (КПУ), а также коммунистические партии союзных республик, которые входили в состав СССР, а также их отделения в автономных советских социалистических республиках, краях, областях, автономных областях, автономных округах, городах республиканского подчинения и низовые организации на местах. Также под действие Закона попадает «деятельность советских органов государственной безопасности», в том числе направленная на «установление советской власти на территории Украины или в отдельных административно-территориаль-

¹⁴ Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію // Офіційний веб-сайт УІНП. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu> (дата обращения: 03.02.2019).

ных единицах»¹⁵. Под советскими органами госбезопасности понимаются Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с революцией и саботажем, Всеукраинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и должностными преступлениями, Государственное политическое управление, Объединенное государственное политическое управление, Народный комиссариат внутренних дел, Народный комиссариат государственной безопасности, Министерство государственной безопасности, Комитет государственной безопасности, а также их территориальные, функциональные, структурные подразделения и непосредственно подчиненные этим органам боевые, охранные, войсковые или специальные подразделения¹⁶.

Легко понять, что Коминтерн не относится ни к чему из перечисленного. Это международная коммунистическая организация или мировая коммунистическая партия. Как отмечает Ф.И. Фирсов, в отличие от других международных организаций левого толка, которые «создавались с целью сплочения рабочего движения в единую международную силу и для распространения марксизма, но не ставили своей задачей свержение существовавшего тогда строя», деятельность Коминтерна была нацелена на подготовку и свершение мировой социалистической революции по советским образцам¹⁷. Более того, изначально крепкая привязка мировой коммунистической партии со временем способствовала тому, что Коминтерн как штаб мировой революции превратился в инструмент «внешней политики Сталина», к тому же тесно связанный с «разведкой этого режима» и с «карательными органами Советской страны»¹⁸. Советские партийные деятели активно вмешивались «в жизнь и деятельность самого Коминтерна и компартий»¹⁹.

Тем не менее все перечисленное не делает Коминтерн организационной частью какой-либо компартии. Точно так же нельзя приравнивать его деятельность к деятельности «советских органов государственной безопасности», хотя бы и направленных в самом деле на «установление советской власти на территории Украины или в отдельных административно-территориальных единицах».

Более того, деятельность Коминтерна невозможно оценить однозначно положительно или однозначно отрицательно. Действительно, «в истории коммунистического движения были страницы, связанные с героизмом и самоотверженностью людей в борьбе со злом, поиск новых путей во имя благих целей»²⁰. И в частности во время Второй мировой войны Коминтерн внес свой вклад в разгром того самого национал-социалистического режима, оправдание и пропаганда которого осуждены законами 9 апреля 2015 г.

¹⁵ Документ 317-VIII, чинний, поточна редакція – Редакція від 05.05.2018, підстава – 2325-VIII // Верховна Рада України. Офіційний веб-портал. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19> (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Фирсов Ф.* Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М., 2019. С. 18–19, 47–48.

¹⁸ Там же. С. 22, 25.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 21.

Еще более тонкой является проблема КПЗУ. Компартия западных украинских земель (1919–1938) с 1921 г. на правах краевой автономной организации находилась в составе Коммунистической партии Польши (КПП, до 1925 г. – Коммунистическая рабочая партия Польши), входившей в состав Коминтерна. Выступая с 1923 г. за признание «права украинского населения на самоопределение и воссоединение с Советской Украиной»²¹, КПЗУ сотрудничала с Компартией Украины (КП(б)У) и с действовавшим в составе КП(б)У Заграничным бюро помощи КПЗУ. Но отношения между советской стороной и западноукраинскими коммунистами были сложными. Последние на протяжении 1930-х гг. неоднократно подвергались преследованиям. Пик репрессий пришелся на 1937–1938 гг., и в 1938 г. КПЗУ была распущена вместе с КПП. Часть «благонадежных» членов КПЗУ вошла в состав Коммунистической партии Украины.

История Коммунистической партии Западной Украины, как и история Коминтерна в целом, трагична и противоречива и память о ней, запечатленная в украинской топонимии, является скорее памятью о борцах за независимость украинских земель от Польши и о жертвах Большого террора, чем способом прославления коммунистической идеологии.

Характерно, что декоммунизации не подвергаются топонимы, напоминающие о членах КПЗУ, которые официально отреклись от коммунистической идеологии в пользу идеологии национальной и тем самым «очистились». Самым ярким примером такого «очищения» является судьба Михаила Степаняка, который побывал и в КПЗУ, и в ОУН²². Сейчас в родном селе Степаняка Дзвиняч Богородчанского района Ивано-Франковской области его именем названа улица, а на месте усадьбы, где он родился, установлен памятный знак.

Итак, «Антикоминтерновская кампания» 2015–2017 гг. не только совпала по времени с последней активной фазой декоммунизации, но даже вышла за правовые рамки, обозначенные «законами 9 апреля». Видимая алогичность декоммунизационных практик легко объяснима: так расчищается символическое пространство для новой идеологии, нового национального нарратива памяти «с базовым набором виктимных и героических исторических мифов, мест памяти и сакральных символов»²³. Преобразование украинского символического ландшафта через внедрение новой идеологии в ономастическое пространство подчиняется не юридическим нормам и тем более не принципу беспристрастной оценки исторических событий, а логике мобилизации украинской идентичности и эмоциям, которые сопровождают мобилизацию.

Последнее соображение имеет, как нам кажется, принципиальное значение: украинские топонимические чистки легче всего понять при помощи

²¹ Турчак А.В. Отношение украинских политических сил к Польскому государству в период 1918–1929 гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 4–2. С. 49.

²² Боротьба проти повстанського руху і націоналістичного підпілля: протоколи допитів заарештованих радянськими органами державної безпеки керівників ОУН і УПА. 1944–1945. Нова серія. Т. 9. Київ; Рівне, 2007. С. 18–20, 83–109.

²³ Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28.

теории Доминика Моизи о геополитике эмоций. Помещая на передний край украинской политики и геополитики триаду эмоций – страх, надежду и унижение, мы получаем факторы, которые лежат в основе ее неустойчивости, алогичности, агрессии, направленной на собственную историю: «Страх – это отсутствие уверенности в себе. Если в вашей жизни господствует страх, вы со страхом воспринимаете настоящее и ожидаете, что будущее станет еще более опасным. Надежда, напротив, выражает уверенность; она основана на убеждении, что сегодня жизнь лучше, чем вчера, а завтра будет лучше, чем сегодня. Унижение, в свою очередь, – это ущербное самоощущение тех, кто потерял надежду на будущее; если у вас нет надежды, – в этом виноваты другие, которые плохо обращались с вами в прошлом. Когда контраст между идеализированным славным прошлым и полным бессилия и отчаяния настоящим слишком велик, чувство унижения преобладает»²⁴.

Топонимические чистки выступают как способ преодоления страха и унижения и утверждение надежды. На украинские властные элиты совершенно отчетливо наделяют топонимии ответственностью за «восстановление исторической справедливости»²⁵ и построение светлого будущего («Украина никогда не построит безбедное спокойное будущее, если не преодолеет наследие тоталитарного прошлого... Переименование улиц, связанных с коммунистическим режимом, – обязательное условие того, чтобы в нашей стране произошли позитивные социальные перемены»²⁶). Чем больше размах чисток, чем они глубже, чем больше объектов в них вовлечено, чем жестче контроль над прошлым в условиях слабо контролируемого настоящего и неизвестного будущего, тем сильнее иллюзия могущества украинского государства и украинской нации²⁷.

²⁴ Моизи Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. М., 2010. С. 17–18.

²⁵ Белкин Л.М. Законы от 9 апреля 2015 года о декоммунизации как фактор восстановления исторической справедливости // Часопис Академії адвокатури України. 2015. Т. 8. № 2 (27). URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:x9_8O29WvgwJ:e-pub.aau.edu.ua/index.php/chasopys/article/view/File/809/773+&cd=19&hl=ru&ct=clnk&gl=ru (дата обращения: 31.01.2019).

²⁶ Декомунізація: що і чому перейменовувати й демонтувати: Збірник матеріалів, рекомендацій і документів щодо виконання вимог Закону України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки». Київ, 2015. С. 20.

²⁷ Этот способ можно назвать негативным или деструктивным, в отличие от его зеркального отражения – практик эксплуатации «героического прошлого», основанных на пафосе, а не на проклятии памяти.

«МЕРТВАЯ ДОРОГА» ГЛАЗАМИ САМОДЕЯТЕЛЬНЫХ ТУРИСТОВ КОНЦА 1980-х – 1990-х гг.*

*Латышев Артем Валерьевич, к.и.н.
(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»)*

Под именем Мертвой дороги известна железнодорожная линия Чум – Салехард – Игарка, строившаяся после войны силами заключенных ГУЛАГа (стройки № 501 и 503). Масштабное дорогостоящее строительство в сложнейших природных условиях без видимой экономической цели было остановлено сразу же после смерти Сталина¹. В законсервированном состоянии на недостроенной трассе остались паровозы, технические постройки, а также многочисленные лагерные пункты.

Широкая публика впервые узнала о существовании дороги в период оттепели из опубликованных мемуаров Александра Побожего². Именно тогда трасса получила своеобразное название, данное ей из-за заброшенности формально полностью готовых участков. Хотя в районы ржавеющих паровозов и разрушающихся мостов заходили исследовавшие народы севера этнографы, в следующий раз информация о Мертвой дороге станет достоянием гласности только в середине 1980-х гг. Тогда туда для изучения множества сохранившихся лагерных объектов отправятся экспедиции историков³. Вместе с тем другой, и едва ли не более многочисленной, группой посетителей заброшенной стройки стали туристы.

Туристы как представители «праздного класса» с 1960-х гг. стали объектом анализа зарубежной социологии. Исследователи отмечают их склонность к поиску новых, все более экстремальных целей путешествия вдали от уже освоенных маршрутов, желание продвинуться к «нижним границам туристического мира»⁴. Однако (пост)советские граждане, отправлявшиеся на Мертвую дорогу, мало напоминали туристов общества потребления из представителей западного среднего класса.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)», реализуемого в НИУ ВШЭ.

¹ См.: Сталинские стройки ГУЛАГа, 1930–1953. Сост.: А. И. Кокурин, Ю. Н. Морюков. М., 2005.

² Побожий А. «Мертвая дорога» (из записок инженера-изыскателя) // Новый мир. 1964. № 8.

³ Липатова Л. Дороги и судьбы. Салехард, 2016.

⁴ См.: МакКанелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. М., 2016.

Это были люди, которых в СССР, а затем и в России, называли самодельными туристами, а сами себя они иногда именовали «профессиональными бродягами». Они составляли децентрализованное движение любителей активных путешествий, как правило, по дикой природе, без покупок путевок и остановок в гостиницах и санаториях. Физкультурная составляющая этих походов всегда была важнее осмотра достопримечательностей. Будучи во многом схожим со спортивным туризмом, самодельный туризм был менее формализованным. В среде спортивно-самодельных туристов можно увидеть и особую групповую этику. Ее заметными чертами было недоверие ко всему связанному с рыночными отношениями, постоянно подчеркиваемые самостоятельность и самодостаточность, представления о меньшей ценности для развития общества и личности других видов туризма, особенно «коммерческих»⁵.

Распространенность спортивно-самодельного туризма во многом была обусловлена особенностями советской эпохи. Его популярность часто объясняется стремлением граждан СССР уйти от социалистической реальности⁶ или, используя термин Алексея Юрчака, найти пространство внеаходимости⁷. В стремительно меняющихся экономических и политических условиях конца 1980-х – 1990-х гг. самодельные туристы столкнулись с целым рядом сложностей, но в то же время обнаружили и новые возможности. Одна из них была связана с изменением туристского ландшафта России, когда одни объекты, вроде ленинских мест или мемориала на Малой Земле, стремительно теряли статус достопримечательностей, тогда как другие, ранее недоступные для посещения, приковывали к себе все большее общественное внимание.

К последним относилась Мертвая дорога, которую туристы стали изучать раньше, чем местные краеведы и московские историки. Данная статья стремится рассмотреть эту необычную ситуацию, и на основе отчетов об экспедициях и интервью самодельных туристов попытаться проследить, как люди, далекие от самиздата и правозащитного дискурса, воспринимали встречу с вещественными доказательствами сталинских репрессий. Анализ этого сюжета должен внести вклад в понимание того, почему в российском обществе не сложилось единой модели памяти о ГУЛАГе, до сих пор не достигнуто консенсуса в оценке репрессий. Необходимо обратить внимание на то, как туристы объясняют свое стремление отправиться в поход, какое место в их текстах занимает описание лагерей, насколько они владеют информацией о репрессиях и ходе строительства дороги, что еще они описывают, какие выводы делают.

Первые экспедиции к заброшенной стройке прошли еще в первой половине 1980-х гг. Их главным вдохновителем был Евгений Прочко – инженер и мастер спорта по туризму, в свободное время занимавшийся сбором материалов о строительстве магистрали. В 1965 г., после прочтения текста Побожего,

⁵ Подробнее см.: *Латышев А.В.* Туризм в России в 1990-е годы: профессионально-экспертный дискурс // Вестник Пермского университета. Серия: история. 2018. № 4 (43).

⁶ *Лыскова О.В.* Социокультурные практики туризма: социологический анализ. Саратов, 2008. С. 45.

⁷ *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2017. Гл. 4.

он отправился в Салехард и лично осмотрел первые километры железнодорожного полотна. В 1980 г. он рассказал членам московского Клуба железнодорожного моделизма, до этого сомневавшихся в правдивости сведений о существовании расположенной в столь неблагоприятных условиях железной дороги, о «брошенных ржавых паровозах в тундре, о полустгнивших лагерных вышках и заборах с колючей проволокой, о депо, насквозь поросших мелколесьем». Как итог, при поддержке ВООПиКа три совместные экспедиции любителей железных дорог и самостоятельных туристов во главе с Александром Никольским прошли в 1981–1985 годах⁸.

Неудивительно, что их участникам в первую очередь были важны старые паровозы и метод укладки рельс, а не тема политических репрессий. Домой из поездки они привезли не артефакты лагерной жизни, а раритетные детали от железнодорожной техники. Хотя объекты ГУЛАГа ими также посещались, производилась их фотосъемка, что позволяет считать участников этих экспедиций первыми независимыми исследователями Мертвой дороги. Отчет об экспедиции даже был опубликован в 1985 г. в главном издании о самостоятельном и спортивном туризме – журнале «Турист». Но всякие упоминания об остатках лагерей или о том, что дорогу строили заключенные, из текста были убраны по цензурным соображениям.

Позже, в 1990 г., корреспондент «Туриста» взял у Прочко интервью. Появление этого материала объяснялось тем, что читатели журнала, т. е. увлеченные самостоятельным туризмом граждане, «продолжают обращаться с просьбами вновь вернуться к этой теме». Интервьюер по большей части интересовался техническим устройством магистрали и информацией о железнодорожной технике. Также он проводил мысль о том, что строительство нельзя было так резко бросать, следовало распорядиться с уже созданным «более хозяйски». Оценка строительства как «шедевра» сталинского произвола» и представление о «гибели многих тысяч заключенных» не делала неуместным разговор про «огромный, просто фантастический труд»⁹. При этом он вместе с Прочко считает абсолютно этически неприемлемыми выступления в печати бывших руководителей стройки, пытавшихся доказать что, несмотря на репрессии и беззакония, ими и «миллионами трудящихся» строился «фундамент социализма»¹⁰.

Прочко в данном тексте выступает не как турист-очевидец, и даже не столько как специалист по железным дорогам, сколько в роли историка. Отвечая на вопросы корреспондента, он ссылается на решения органов власти и личные свидетельства, рассказывает об изменениях в планах проектирования трассы, ходе и условиях строительства. В своих оценках необходимости бросать недостроенную дорогу он весьма осторожен, но все же далек от переживаний по этому поводу: «Наверное, другого выхода не было, – эта работа была тогда стране не по силам»¹¹.

⁸ Вульфов А. Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. С. 78–81.

⁹ Трансполярная магистраль // Турист. 1990. № 7. С. 40–41.

¹⁰ Там же. № 9. С. 8.

¹¹ Там же. № 7. С. 41.

Говоря о вводе ряда участков трассы в эксплуатацию в 1960–1970-е гг. и ее перспективах, вместо призывов к дальнейшему восстановлению и экономическому использованию Прочко высказал мысль о необходимости меморизации объекта: «Все, что сохранилось при строительстве дороги, следует преобразовать в заповедную зону – неповторимый и единственный в нашей стране памятник истории подобного рода». По его мнению, «наша обязанность отдать сполна долг тем советским людям, кто погиб при строительстве магистрали». Причем особую роль в этом процессе должны были сыграть любители экстремальных путешествий: «Сейчас все больше и больше туристов отправляются в те края. Они ищут и находят сохранившиеся в развалинах лагерей письма, книжки заключенных, фотографии, вещи, делают съемки, рисунки, пишут дневники. Пришла пора систематизировать материалы»¹².

Большую известность приобрела экспедиция 1989 г. семерых активистов Московской городской велокомиссии, которую возглавил Валерий Медовый, «один из опытейших туристов столицы»¹³. Ее участники вдохновились опубликованным еще в 1985 г. отчетом Прочко. По опросам уже побывавших на Мертвой дороге, «вырисовывалась довольно мрачная картина» для велотуристов: почти полное отсутствие дорог и масса природных преград. Однако идея не была отброшена: техническая подготовка заняла более двух лет, для передвижения на сохранившихся участках магистрали с рельсами была придумана конструкция, превращающая велосипеды в велодрезины. Остальную часть тысячекилометрового пути планировалось пройти пешком, используя велосипеды хотя бы в качестве тележек.

Как отмечает автор заметки об экспедиции А. Добровольский, в начале «о езде пришлось забыть на первых же километрах. А через пару дней мы все дружно открутили педали, цепляющиеся за ветви и стволы». В связи с этим много внимания в отчете уделено возникшим сложностям и особенностям движения. Участники поездки страдали от гнуса, перекусывали «таблеткой аскорбинки или несколькими изюминками», тащили на себе не только тяжелые рюкзаки, но и велосипеды. Преодолеть самый трудный, заболоченный участок пути туристам удалось только с помощью пролетавшего мимо вертолета с экспедицией «Мемориала». При этом в тексте нет какого-либо объяснения о предпосылках «шаловой мысли» проехать недостроенную железную дорогу на велосипедах.

Остается предположить, что главным стимулом было само по себе преодоление маршрута, контуры которого сквозь бескрайние пространства тундры задавались остатками Мертвой дороги. Важно было не просто добраться от заброшенного города Ермаково, где началась экспедиция, до Салехарда, но сделать это именно вдоль железнодорожного полотна. Сама дорога не просто считается «уникальной», но наделяется живыми свойствами и едва ли не субъективируется – «умерла, так, собственно, и не родившись»¹⁴.

Тема репрессий или лагерей в качестве стимулов экспедиции не называлась, но в тексте ей уделено значительное место, причем в ущерб для других возможных сюжетов (по признанию Добровольского, можно было еще

¹² Трансполярная магистраль // Турист. 1990. № 9. С. 8.

¹³ Добровольский А. По «Мертвой дороге» // Турист. 1990. № 10. С. 20–23, 43.

¹⁴ Там же. С. 43.

много сказать о «непростой специфике маршрута... грибах-подосиновиках... чернике»¹⁵. Автор отчета демонстрирует знание деталей быта заключенных, в частности методов по борьбе с цингой и пеллагрой, реалий ШИЗО, особенностей учета и др. По тексту хорошо видно, что в ходе занявшего 1,5 месяца похода был посещен не один лагерный пункт. Один из них, поразивший велотуристов обилием колючей проволоки и других мер безопасности, был ими осмотрен особенно тщательно. Нужно понимать, что в условиях ограниченного количества продуктов и неизвестности дальнейшей скорости движения такие длительные остановки могут дорого обойтись туристам, а значит, свидетельствуют о большом интересе к лагерной тематике. Об этом же говорит и то, что они вывезли часть артефактов из лагпунктов, многое в них запечатлели на фото и видео (смонтированный по итогам фильм «Вдоль полярного круга» доступен сегодня в интернете).

Велотуристы, в отличие от Прочко, не были первооткрывателями трассы для широкой общественности и не обязаны были давать какие-то исторические оценки. Однако определенное внимание в описаниях лагерей обращено на то, что все постройки были не брошены, а тщательно законсервированы. Завершается же рассказ мыслями о том, что всю экспедицию участников сопровождал «минорный лейтмотив»: «нет ничего более угнетающего душу, чем вид гибнущих без пользы плодов гигантского, мучительного человеческого труда, настоящего подвига, за который заплачена страной столь дорожная цена»¹⁶. Таким образом, несмотря на значительное внимание к теме репрессий, в выводах вновь появляются идеи о строительстве магистрали как подвиге и о неправильности решения ее забросить.

Похожие оценки встречаются и в публичном рассказе о другой известной экспедиции. Ее в августе 1998 г. организовал Антон Кротов, основатель «Академии вольных путешествий», популяризатор автостопа и других способов перемещаться без затрат денег¹⁷. Свою методику он называл «мудростью» или «научным» способом путешествовать. Какую бы свою поездку, по России или в Индию, он не описывал, главным в тексте всегда был сам процесс умелого преодоления расстояний, а не осмотр достопримечательностей.

Соответственно, какой-то четкой причины, по которой пять молодых автостопщиков «сменили профиль» и решили пройти вдоль дороги пешком от Надыма до Салехарда, в тексте об этом предприятии не называется. Узнали они о ней фактически случайно, ранее в 1997 г. посетив Салехард и остановившись на ночлег в помещении библиотеки центра детско-юношеского туризма. Изучив имеющуюся там литературу, они узнали больше о стройке ГУЛАГа, о которой ранее не имели систематизированной информации («читали о ней какие-то отрывочные заметки в газетах»). После этого они познакомились с изучающим историю дороги местным исследователем и посетили начало недостроенной магистрали, но в мае тундра была еще покрыта снегом и пройти по дороге они не смогли¹⁸.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кротов А.В. Пути по России. 2-е изд. М., 1999. С. 52–62.

¹⁸ Там же. С. 44–46.

Однако к моменту организации экспедиции непосредственно к Мертвой дороге Кротов, очевидно, все еще имел о ней не самые достоверные данные. В краткой вводной части заметки он пишет о том, что здесь произошло описанное Солженицыным восстание, а всего погибло при строительстве около 300 000 заключенных. Здесь же приводится интерпретация Трансполярной магистрали как северного двойника брежневского БАМа. Основанием для этого называются ударные темпы обеих строек и то, как быстро их забросили и позабыли: «Я вспомнил пустые вокзалы и разобранные разъезды БАМа. Что там будет лет через пятьдесят?»¹⁹ Уже это, довольно неочевидное, сравнение показывает не главный приоритет темы репрессий в контексте посещения Мертвой дороги – мотив ее незавершенности и заброшенности видится более интересным и даже общественно значимым (состояние дороги как будущее БАМа).

Для мероприятия были изготовлены сопроводительные письма, помогающие добраться до Надыма без лишних материальных затрат. Показательно, что экспедиция в них не имела никакого отношения к теме репрессий и называлась «Стальные магистрали Севера», а ее целью объявлялось «изучение прошлого, настоящего и будущего железных дорог севера, в том числе участка Трансполярной магистрали (Надым – Салехард) строившейся в 1949–1953 гг., а ныне бездействующей»²⁰.

Традиционно для текстов Кротова подробно описывается весь путь от Москвы до Надыма, способы передвижения и попутчики, воспроизводятся диалоги с ними и рассказанные ими истории, не имеющие к теме экспедиции никакого отношения. После прибытия на саму дорогу также делаются этнографические описания встреч с ненцами-оленоводами, фиксируются детали жизни сторожей. Много внимания в тексте естественно уделено природным условиям и сложностям, преодолению рек, организации ночевков. Кратко суть путешествия сводилась к тому, что «мы шли на запад, поедая по утрам и вечерам кашу, днем морошку и клюкву, а комары и мошка поедали нас утром, днем и вечером однообразно»²¹. Вполне в стиле Кротова и, шире, всего самодеятельного движения, среди факторов, уничтожающих дорогу, помимо пожаров и вечной мерзлоты, называются и коммерсанты. Нелюбимые туристами дельцы вновь дали повод для критики: «В 1991 г. первые 92 км рельсов, начиная от Салехарда, собрала и вывезла какая-то фирма, позарившаяся на ценную демидовскую сталь»²².

В отличие от экспедиции велотуристов, тема репрессий и лагерей в структуре текста имеет явно второстепенное значение в сравнении с вышеназванными элементами. Остаткам лагерей уделено мало внимания, очевидно участники экспедиции осматривали очень небольшое число встреченных ими объектов. «Неприятные эмоции», согласно тексту, будили не напоминания о ГУЛАГе, а комары и мошки, именно из-за которых в первые дни участники похода «стали раздражительными и ругливыми». Описание впечатлений по поводу посещенных лагерных объектов весьма лаконично: «Зрелище не из прият-

¹⁹ Кротов А.В. Пути по России. С. 56.

²⁰ Там же. С. 55.

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 52.

ных, но полезное для понимания нашей недавней истории»²³. Интерес к ним проявляется в лучшем случае такой же, как к необычно уложенным рельсам, разрушенному мосту или табличке «зона охоты и отдыха предприятия “Надымгазпром”».

Участники похода использовали «темно-рыжую, непрозрачную воду, которую мы пили безо всякого кипячения. Цвет воде задавали, видимо, торфяные болота, хотя у нас возникали и другие теории (“трупов закопано много” и т. д.)»²⁴. Подобное проявление стоицизма, учитывая убежденность в огромном числе погибших при строительстве заключенных, подчеркивает слабое значение для участников экспедиции темы репрессий. Актуализации этого сюжета не происходит ни при контактах с материальными свидетельствами в виде остатков лагерей, ни даже при предположении об употреблении в пищу разлагающихся человеческих тел.

Хотя пешие туристы были привязаны к железнодорожному полотну куда слабее, чем велотуристы на своих велодрезинах, в центре их повествования также находится сама Мертвая дорога. Тщательно фиксируется техника ее строительства и текущее состояние каждого участка, а отсутствие рельс становится основанием для отхода от ее маршрута. Говоря о возможности приехать сюда зимой, Кротов отмечает, что тогда «железная дорога будет спрятана под снегом и самого интересного вы зимой не увидите»²⁵ (стоит заметить, что по автотрассе гораздо проще добраться до остатков лагерей). Вслед за Добровольским повторяется и метафора о том, что дорога, словно живой человек, «повторила участь большинства своих строителей, умерла недостроенной»²⁶.

Хотя «великой» эта стройка называется исключительно в кавычках, акцент в рассказе больше сделан на то, что огромный труд строителей магистрали пропадает зря. Впрочем, в итоге и проблемы экономического развития севера отступают на второй план перед романтизацией природы и свободы вольных путешествий: «Как многообразен мир! Всего пять месяцев назад мы (правда, в несколько ином составе) жили на юге Индии... купались в Индийском океане <...> А сегодня, посреди великолепной тундры, полной морошки и лишайника, воды и грибов, в вагончике, в 158 километрах от ближайшего населенного пункта, мы пили чай и спорили о том, что нам предпринять на следующий день»²⁷.

* * *

Таким образом, Мертвая дорога становилась во второй половине 1980–1990-х гг. местом пересечения двух очень разных профессиональных групп. Решившие добраться до лагерей историки вынужденно становились немногочисленными туристами-экстремалами, равно как и самодеятельные туристы в разной степени становились историками. Так, велотурист Добровольский в дальнейшем отметил научными публикациями по теме, а сагитировавший на экспедицию любителей железнодорожного моделизма Прочко выступил, если

²³ Там же. С. 57.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 62.

²⁶ Там же. С. 57.

²⁷ Там же. С. 60.

не считать мемуары Побожего 1964 г., первооткрывателем темы для широкой общественности.

Последнее обстоятельство накладывало обязательства дать не только исторические оценки, но и высказаться о будущем остатков 501-й и 503-й строек. На страницах журнала «Турист» Прочко достаточно четко проговорил, что в прошлом Мертвой дороги тема трагедии репрессий должна быть приоритетней мотива трудового подвига, а в настоящем мемориализация остатков лагерей не менее важна, чем продолжение экономического освоения северных районов. Но, как видно по вопросам интервьюировавшего Прочко корреспондента, а также по рассказам более поздних экспедиций, эти взгляды не находили широкого отклика среди самостоятельных туристов. В текстах и Добровольского, и Кротова, при разной их заинтересованности к остаткам лагерей, главным объектом является сама Мертвая дорога.

Именно насыпь, мосты и железнодорожное полотно привлекали в далекое путешествие тех, кто привык путешествовать совсем другими способами. Стремление автостопщиков и велосипедистов обязательно пройти, преодолеть «мертвую», ведущую в никуда недостроенную железнодорожную магистраль, не имеет рационального объяснения, заставляя вспомнить об особой роли дорог и травелогов в русской культуре начиная с «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Сами по себе новизна маршрута, его экзотичность и сложность не дают ответа на вопрос, почему, почему из всех отвечающих этим критериям вариантов туристы выбирали именно этот.

Как показывают тексты об экспедициях, Мертвая дорога с точки зрения туристской достопримечательности является сложным объектом, состоящим из нескольких частей. Воспринимать ее возможно не только в рамках нарратива о репрессиях, но и как экстремальный маршрут для желающих бросить вызов природе тундры, памятник истории железных дорог или же разрушающееся свидетельство трудового подвига. Последнее, устойчиво популярное среди самостоятельных туристов толкование, не исключает разговора о репрессиях, но акцент смещается с преступления-организации строительства дороги на преступление-прекращение строительства. Но, в целом, в рассказах туристов о Мертвой дороге видна свойственная всему российскому обществу неспособность преодолеть противоречие между пониманием бесчеловечности и пагубности сталинской политики и глубоким очарованием масштабностью замыслов и достижений его эпохи. Поэтому в 1980-х – 1990-х гг. то, что дорога стала достопримечательностью для самостоятельных туристов, возможно и ускорило обращение к этой теме профессиональных историков, но слабо способствовало ее превращению в мемориал жертвам сталинских репрессий.

«ТАК СКАЗАЛ КРАСНЫЙ МАЙ»: ОРГАНИЗАЦИЯ СТОЛИЧНЫХ ТОРЖЕСТВ ПОД ЛОЗУНГАМИ КОМИНТЕРНА ВЕСНОЙ 1919 ГОДА¹

Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н.
(Архив Российской академии наук)

Организация торжеств второго периода Гражданской войны – с ноября 1918 г. по март 1920 г. – тема, до сих пор мало изученная исследователями. Особый «пробел» составляет первая половина 1919 г. В советской историографии история массовых празднеств рассматривалась в основном с 1920 г. Именно в тот год на столичных улицах состоялись такие масштабные и зрелищные театральные инсценировки, как «Мистерия освобожденного труда» и «Взятие Зимнего дворца». В ходе их подготовки стало окончательно ясно, что «настоящий праздник должен быть организован»². Дальнейшие торжества носили все более выраженную печать официоза, что хорошо показано в работах современных зарубежных историков³.

Тем примечательнее история становления советских торжеств. И, в первую очередь, в качестве способа демонстрации политических сил. Как для советского правительства, так и для их «белых» оппонентов, торжества представляли собой важный инструмент маркирования пространства завоеванных территорий. Например, в марте 1919 г. в Петрограде силами актеров-красноармейцев было организовано игрище «Свержение самодержавия», состоявшее из нескольких актов, отражающих недавнюю историю – от расстрела мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье») до ареста Николая II и похорон жертв революции. Аудитория восприняла этот спектакль положительно, поэтому он неоднократно повторялся в течение 1919 г.⁴ В том же году 21 мая в Павлодаре офицерами и казаками праздновалась «годовщина свержения советской власти»⁵. На площади при большом стечении народа был отслужен благодарственный молебен, затем состоялся

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00080 мол_а.

² *Луначарский А.В.* О народных празднествах // Организация массовых народных празднеств. Гос. изд-во, 1921. С. 4.

³ Подробнее см.: *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Кустова Э. М.* Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. М., 2015. № 3 (101). С. 57–77.

⁴ Подробнее см.: *Конович А. А.* Театрализованные праздники и обряды в СССР. М., 1990.

⁵ Телеграмма. Русское телеграфное агентство. Из Павлодара. [1919 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р952. Оп. 1. Д. 538. Л. 1.

парад войск. Другой интересный аспект в истории раннесоветских торжеств: соотношение масштаба замысла и его реального воплощения, а также отражение подготовки и проведения конкретного празднества в органах советской печати. Все это хорошо прослеживается по торжествам весны 1919 г.

Литературовед и театровед А.И. Пиотровский в «Хронике ленинградских празднеств» обращал внимание на приоритетную роль Красной армии в деле организации торжеств 1919–1920-х гг., особенно в плане дисциплины и агитации⁶. С идеологической же точки зрения огромное влияние на специфику столичных торжеств весны 1919 г. оказало «рождение» III Интернационала (Коминтерна). Это событие произошло 2–6 марта 1919 г. «в красной столице Советской России» (в Москве), в честь чего 7 марта на Красной площади состоялся парад войск.

На параде с речью о значении Красной армии как опоры III Интернационала выступил Л.Д. Троцкий. Речи произносили также приглашенные иностранные гости, оставшиеся под большим впечатлением от мощи Красной армии. Немецкий коммунист Гуго Эберляйн (псевдоним – Макс Альберт) писал: «Красный парад был событием всемирно-историческим, заставившим сильнее биться наши сердца. Он наполняет нас пламенным желанием увидеть в такой же обстановке рабочих нашей собственной страны. Мы покинули парад с твердым намерением по возвращении в наши собственные страны рассказать нашим братьям-рабочим, что и они должны, как можно скорее, последовать примеру русской Красной армии. Я уверен, что недалек тот день, когда и берлинский пролетариат устроит свой первый красный парад на Темпельгофском поле»⁷.

На следующий день, 8 марта, отмечался день работниц, в ходе которого говорилось о «всестороннем раскрепощении женщины» как одной из задач Коминтерна⁸. Прошли районные митинги. В.И. Ленин приветствовал первый выпуск «красных агитаторш» Советской России⁹. И все же наибольшая связь III Интернационала прослеживалась с празднованием Первомая.

Разговоры о III Интернационале велись с первых дней революции, идея постепенно крепла и получала более конкретное воплощение. К 1 мая 1918 г. вышла обстоятельная статья «1-е Мая и Интернационал», подготовленная Л.Н. Троцким. В ней напоминалось о том, что «Праздник 1 мая был установлен Парижским международным социалистическим конгрессом 1889 г.». Таким образом, традиция празднования Первомая перекликалась с датой возникновения II Интернационала. Значение праздника состояло в том, «чтобы путем одновременных выступлений рабочих всех стран в этот день подготовить почву для сплочения их в единую международную пролетарскую организацию революционного действия, обладающую одним мировым центром, одной мировой политической ориентацией». Однако на деле с этой задачей не справились.

⁶ *Пиотровский А.И.* Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Масовые празднества. Ленинград, 1926. С. 55–57.

⁷ *Макс Альберт.* Красный парад // Правда. 1919. № 53. С. 2.

⁸ *Коллонтай А.* День работниц и Третий Интернационал // Правда. 1919. № 52. С. 2.

⁹ «День работницы» и московские пролетарки // Правда. 1919. № 54. С. 3.

«Майский праздник постепенно превратился из средства борьбы мирового пролетариата в средство борьбы рабочих каждой отдельной страны за свои местные интересы». II Интернационал в конечном счете дискредитировал себя, но праздник все еще мог раскрыть изначально заложенный потенциал. И новая эпоха, начавшаяся Октябрьской революцией, по мнению автора статьи, представлялась как раз подходящей для этого: «Ее характер благоприятствует выполнению майским праздником той роли, которую старались ему предназначить революционные элементы парижского конгресса 1889 г. Ему предстоит облегчить процесс преобразования III революционного интернационала и служить делу мобилизации пролетарских сил для мировой социалистической революции». При этом в качестве основных лозунгов предлагались: «III Интернационал», «диктатура пролетариата», «Всемирная Советская республика», «социалистическая революция»¹⁰.

Накануне Первомая 1919 г. атмосфера оставалась ничуть не менее боевой. «Первое мая 1919 года должно стать днем натиска, днем пролетарской революции, во всей Европе»¹¹, – заявлялось на страницах «Правды». Однако одно дело – заявить, другое – организовать. Прежде всего были скорректированы лозунги: «Праздник светлой надежды стал праздником добытых и грядущих побед», «Первое мая – смотр ударных батальонов международной революции», «Да здравствует Коммунистический Интернационал, боевой штаб мировой рабочей революции!», «Первое мая – праздник труда. Да здравствует дружный труд, да здравствует рабочая дисциплина!», «Международная революция начата, завершим ее, пролетарии!» и др. Часть из них была посвящена более конкретной задаче – борьбе с наступлением Колчака («Колчак идет потушить главный очаг мировой революции. Кто за мировую революцию, тот против Колчака»).

Угроза падения власти большевиков на тот момент оказалась вполне реальной. Историк С.Б. Веселовский рассуждал об этом на страницах дневника 15 апреля 1919 г.: «Если, после перерыва, вызываемого распутицей, начнется второе движение Колчака и будет таким же быстрым, и если с запада разовьется движение полиции и немцев, то пребывание б[ольшевико]в в Москве и Петербурге станет едва ли возможным <...> после побега из Москвы для масс станет ясно, что их дело проиграно <...>»¹². Таким образом, *Москва* была и символом, и стратегическим направлением. Вот почему для сохранения власти так важно было показать, что она «красная». Более того, готова стать плацдармом мировой революции. Ее так и называли в большевистской печати «Москва – алый цветок революции»¹³.

Соответственно, следующим этапом стала активная подготовка к проведению майских столичных торжеств. Началась она за несколько недель – в середине апреля. Как свидетельствуют архивные документы Театрально-го отдела Наркомпроса (ТЕО), тематикой праздника должны были стать

¹⁰ 1-е Мая и Интернационал // Известия ВЦИК. 1918. № 87. С. 2.

¹¹ От III Коммунистического Интернационала к трудящимся всего мира // Правда. 1919. № 87. С. 2.

¹² *Веселовский С.Б.* Дневники 1915–1923, 1944-х годов // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 102.

¹³ Празднование 1-го мая // Правда. 1919. № 93. С. 3.

международная солидарность и труд, с обязательным привнесением весеннего колорита. Праздник следовало перенести из закрытых помещений «на открытый воздух, на шумные улицы, широкие площади, весенние скверы и лужайки». Убранство городских улиц предполагалось сделать ярким и праздничным.

Главная же задача торжества заключалась в том, чтобы привлечь к нему как можно больше участников: «Какими бы яркими красками ни была убрана внешняя рама праздника, – он потеряет весь свой внутренний смысл без непосредственного участия в нем широких народных масс. Поэтому ТЕО видит основной задачей устройства этого праздника – вовлечение в его действительную сущность широких народных масс. Не равнодушных и не безучастных зрителей привлекаем мы на праздник 1 мая в живую толпу, одушевленную теми же чувствами, которыми полны и организаторы торжеств. Эта толпа живо реагирует на все то, что предлагают ей программы праздников; она сама становится участницей, и зрительницей»¹⁴.

Впрочем, разработчики теоретического плана вполне отдавали себе отчет в том, что на подготовку торжества оставалось мало времени и не все из задуманного могло быть осуществлено. Кроме того, многое зависело от инициативы и возможностей отдельных организаций, занимавшихся подготовкой торжеств уже на местах: «Предлагая нижеследующий проект устройства [перво]майских торжеств, ТЕО Наркомпроса полагает необходимым указать, что этот проект, намечая лишь общую схему устройства праздников, тем самым представляет широкую возможность для проявления инициативы со стороны тех организаций и лиц, в ведении коих будет находиться организация праздников на местах». И все же выработка общего плана представлялась полезной как для данного праздника, так и для последующих¹⁵. Параллельно рассматривались вопросы видов праздничной активности, музыкального сопровождения, выработки общей символики, декорирования праздничного пространства и др.

В результате празднования в Москве проходили по восьми районам: Замоскворецкий, Рогожский (Рогожско-Симоновский), Басманный, Благущевский, Бутырский, Сушевско-Марьянский, Сокольнический и Хамовнический¹⁶. В каждом из них устраивались митинги, концерты, спектакли и другие зрелища. Повсюду проходили шествия, разносилось пение «Интернационала».

На домах развеивались красные флаги, на центральных улицах развешены были гирлянды зелени и красные полотнища с «золотыми» лозунгами. Среди зелени можно было рассмотреть портреты Маркса, Ленина и др. Некоторые задумки выделялись на общем фоне и обещали быть весьма эффектными. Например, в Сокольническом районе намеревались установить шесть триумфальных арок и пирамиду, изображающую старый строй. Вечером ее предполагалось поджечь¹⁷. Однако отмечалось и другое: отсутствие «прошлогодних

¹⁴ Проект празднования 1-го мая // ГА РФ. Ф. А2306. Оп. 24. Д. 156. Л. 3.

¹⁵ Заседание Государственной комиссии по устройству Первомайских торжеств. 14 апреля 1919 г. // ГА РФ. Ф. А2306. Оп. 24. Д. 156. Л. 1–3.

¹⁶ К празднованию 1-го мая. В Москве // Известия ВЦИК. 1919. № 91. С. 1.

¹⁷ К празднованию 1-го мая // Правда. 1919. № 89. С. 2–3.

саженных¹⁸ плакатов и панно всякого рода новейшей, «футуристической» живописи». В итоге «общее впечатление от приукрашенных улиц и площадей – простота и скромность убранства, и простые, без вычур гармонии не отвлекают любопытствующего глаза к мелочам, к ненужному»¹⁹.

Центром празднества стала Красная площадь. Именно туда направлялись представители всех районов, чтобы послушать речи В.И. Ленина и других ораторов. «К полудню широкие просторы Красной площади с трудом вмещают прибывающие массы. Над площадью символически господствует колоссальная звезда с гербом Р.С.Ф.С.Р. По бокам Памятной доски на Кремлевской стене установлены плакаты с лозунгами о единении пролетариев всего мира <...>. Глаз теряется среди разнообразия групп, среди весенней яркости зелени и знамен, в этом море колыхающихся знамен, флажков на пиках конницы, среди десятков тысяч лиц и пестрых пятен детских нарядов и аллегорических фигур»²⁰. Над площадью летали аэропланы, разбрасывавшие прокламации. Газеты и брошюры подвозились также на автомобилях. Достопримечательностью стал выставленный броневик – танк, отбитый в Одессе у французов.

В ходе празднества на Лобном месте был торжественно открыт памятник Степану Разину (скульптор – С.Т. Коненков). Характерны комментарии, которые раздавались вокруг и были зафиксированы корреспондентом газеты. Женщина в платке недоумевала: «Разбойник-то он, душегубец!». «Он буржуев дупил, буржуев», – отвечал на это подросток. А рабочий, улыбаясь, говорил: «Большевик был хоть куда!»²¹ Однако, по сообщениям современников, простоял памятник совсем недолго. Как следует из дневниковой записи москвича Н.П. Окунева, уже через несколько дней он был убран и помещен в «один из национальных музеев»²².

Народу на улицах и площадях собралось неимоверно много, казалось, что все смешались в праздничном порыве. И тем не менее в толпе можно было различить «пролетариев», «обывателей» и «бывших хозяев жизни». В Первомай 1919 г. для детей рабочих впервые были устроены «праздничные древонасаждения», впоследствии хорошо известные как майские субботники. Для юных зрителей показывали также специальные спектакли и концерты. Было организовано аллегорическое шествие зверей.

В Петрограде, именуемом в прессе не иначе как Красным Питером, также весь день проходили празднества. На Марсовом поле и в других районах города состоялись манифестации; в воздухе летали аэропланы, разбрасывавшие первомайскую литературу; по Неве курсировали суда и дредноуты, один из которых носил название «Третий Коммунистический Интернационал»²³. На площади Народного дома была реализована массовая инсценировка «Да здравствует III Интернационал!». Вот как воспринималось это действо, в центре которого располагался «огромный земной шар»: «Это, собственно, не

¹⁸ Сажень – мера длины. 1 сажень = 2,13 м.

¹⁹ Празднование 1-го мая. На улице // Правда. 1919. № 93. С. 3.

²⁰ Празднование 1-го мая. На Красной площади // Правда. 1919. № 93. С. 3.

²¹ Красный день. Москва. Впечатления // Правда. 1919. № 93. С. 3.

²² Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924. М., 1997. Кн. 1. С. 262.

²³ Празднование 1-го мая. В Петербурге // Правда. 1919. № 95. С. 2.

пьеса, а инсценированные революционные лозунги. Ряд лозунгов, которыми живет народное восстание. Эти лозунги сотканы в своеобразную живую схему, и по ней исполнители вышивают свой собственный диалог <...>. Текста было очень мало. Содержание построено из нескольких отдельных моментов: гибель старого мира и борьба за новый мир с призывом борющихся под Красные знамена; похороны погибших героев, изгнание тиранов и в конце концов мир во всем мире»²⁴.

Инсценировки являлись на тот момент наиболее востребованной формой празднества. Они позволяли задавать общую тему торжества, а затем реализовывать ее с помощью заготовленных «шаблонов», но с неизменной возможностью импровизировать и активно вовлекать зрителей в творческий процесс. Спектакль, как и сама история, воссоздавался буквально на глазах. По аналогичному принципу строились и сами торжества.

Посредством прессы озвучивалась общая идея, предлагались праздничные лозунги, а дальше происходила реализация конкретной программы на местах. Для этого создавались разного рода комиссии – районные, художественные, музыкальные и т. д. На разных уровнях стремились найти баланс между величественным замыслом и возможностями его реализации. Из-за скудости денежных средств и дефицита времени не все и не всегда получалось так, как хотелось бы. Но полученный опыт постепенно накапливался, и все отчетливее организаторы празднеств осознавали необходимость наличия детально продуманного общего плана, способного объединить разрозненные усилия в единую картину торжества. Пока же с этой задачей неплохо справлялась периодическая печать.

В газете «Правда» отмечалось, что майские празднества 1919 г. прошли «с большим подъемом и воодушевлением». Подобные «образцовые» торжества нужны были для дальнейшего закрепления политических позиций: «смешными кажутся теперь зловещие карканья о слабости Советской власти», или праздник «ясно для всех показал, какими глупыми бабьими сказками были толки об ужасах этой диктатуры». Если в Париже или других капиталистических городах пролетарский праздник становился камнем преткновения, разъединял собравшихся на два враждебных лагеря, то в «красной» Москве все обстояло наоборот – на улицах не было «начальства», «свирепой полиции», все демонстрировали поразительное единство²⁵. Праздник Первомай трактовался как подведение промежуточных итогов и мотивация к дальнейшим свершениям.

Дата празднества служила связующим звеном. Помимо Москвы и Петрограда, Первомай праздновался в других городах России и за границей. Однако примечательно, что ни в 1919 г., ни в 1920 г., когда подготовка была более длительной и тщательной, так и не удалось разработать и воплотить единый, всеохватывающий сценарий торжества, темой которого могла бы стать история трех Интернационалов²⁶. Хотя в 1920 г. и проходили отдель-

²⁴ Вестник театра. 1919. № 29. С. 7.

²⁵ Мещеряков Н. У нас и у них // Правда. 1919. № 93. С. 1.

²⁶ Львов Н. И. История первого социалистического сценария // Организация массовых народных празднеств. Гос. изд-во, 1921. С. 10–14.

ные празднества, посвященные Коминтерну²⁷. Таким образом, между идейными лозунгами советской власти и реальным воплощением «сценариев» торжеств существовала заметная разница. Она была обусловлена целым рядом факторов, включающих вопросы финансирования, согласованности общих планов с положением на местах, возможностью проявлять личную инициативу и т. д.

²⁷ *Пиотровский А.И.* Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Ленинград, 1926. С. 62.

КРАСНЫЕ ФИННЫ В КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

*Маркова Варвара Александровна
(Национальный архив Республики Карелия)*

Социалистическая революция, возглавляемая большевиками, стала одним из наиболее важных событий в истории не только России, но и сопредельных государств. Среди них Финляндия занимает, пожалуй, особое место – 1917 г. стал годом обретения ею независимости, началом самостоятельного пути на международной арене.

До декабря 1917 г. Великое княжество Финляндское входило в состав Российской империи на правах широкой автономии, чье население пользовалось особыми экономическими и гражданскими правами и привилегиями¹. Однако, несмотря на особый статус этого субъекта, нередки были и проблемы в его сношениях с центром: протестные настроения назревали в Финляндии с начала XX века и нашли свое отражение как в довольно локальных конфликтах местных элит с присланными из Санкт-Петербурга чиновниками², так и в уверенном росте социалистического и рабочего движения в княжестве.

В 1899 г. была создана Рабочая партия Финляндии, выдвигавшая особые требования к российскому императору: введение всеобщего избирательного права для мужчин и женщин, улучшение условий труда, получение социальных гарантий. В 1903 г. партия была переименована в Социал-демократическую партию Финляндии (СДПФ), – название, которое она носит до настоящего времени, – и в нее вошли самые разные сторонники левых движений. В общих чертах разделяя идеи конституционалистов и реформистов, СДПФ выступала за более глубокие изменения в политической и экономической жизни княжества. Два года позднее, в 1905 г., силами активистов левого крыла рабочие Финляндии, объединенные под штандартами профсоюзных движений, объявили по всему княжеству начало рабочих забастовок против нынешней системы власти³, поддержав, таким образом, общегосударственный тренд на активное сопротивление официальным властям.

Результатом «большой забастовки» стали реальные изменения в избирательном праве в Финляндии и одновременное с этим формальное ограничение власти русского императора. Однако, несмотря на уступки со стороны Санкт-Петербурга, Финляндия все еще оставалась в зависимом положении, вынужденная подстраивать свое волеизъявление под устойчивые требования российских властей. Итогом такой очевидной двойственности стала радика-

¹ Уткин Н.И. Россия–Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003. С. 43–51.

² Там же. С. 51–53.

³ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 106–107.

лизация части социалистов и их отмежевание в крайне-левую фракцию, которая опиралась в идеологическом плане на идеи российских большевиков, а физически – на наращивающую свою численность и влияние Красную гвардию. Представители этого нового леворадикального крыла, многие из них в последствии известные деятели международного коммунистического движения (Э.А. Гюллинг, О.В. Куусинен, Ю. Сиrolа, Э.Э. Хаапалайнен и др.), выступали за революционный путь обретения самостоятельности Финляндии и занимались преимущественно агитационной работой в индустриальных районах княжества – Або-Бьернеборгской⁴, Вазаской и Выборгской губерниях⁵ Великого княжества Финляндского. На тайных профсоюзных и партийных собраниях, в женских организациях проводились встречи с российскими коммунистами, на которых красные финны переводили и распространяли идеи грядущей социалистической революции⁶. Но их подготовка к будущему восстанию велась не только на словах: с помощью красных активистов в Финляндию через Выборг поставлялось оружие для столкновений с белыми⁷, происходили стихийные акции протеста, нередко включавшие в себя погромы и насилие. Ответной реакцией представителей власти становились политические преследования: многие из финнов подвергались арестам и допросам, направлялись в ссылку в отдаленные части империи⁸.

В 1917 г. прошедшая в Российской империи революция принесла Финляндии долгожданную независимость, однако не дала мира внутри страны. На передний план внутренней политики вчерашнего княжества вышел вопрос о составе нового правительства и о будущем пути развития. Идеи крайних левых шли вразрез с основной линией новоизбранного финляндского сейма (Эдускунты), что в конечном счете привело к обострению конфликта и началу полномасштабной гражданской войны. Она началась в январе 1918 г. и окончилась в мае того же года и стала одной из наиболее темных страниц в истории страны, – память о ней до сих пор жива в политике и обществе современной Финляндии⁹. Хроника событий финляндской революции, идеологически вторящей Октябрьской революции в России, детально отображена в различных документах того периода, которые сохранились в архивах Финляндии и сопредельных государств.

Несмотря на относительно небольшие масштабы и время фактического вооруженного конфликта, страна понесла существенные потери в ходе крупных сражений (к числу которых, например, относят бои под Тампере

⁴ Современные Турку (шв. – Або), Пори (шв. – Бьернеборг), Васа.

⁵ Из автобиографии А.И. Кийскинен – о ее революционной деятельности в Финляндии. 14 января 1955 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. П-3. Оп. 6. Д. 4462. Л. 6–8.

⁶ Автобиография члена ВКП(б) Х.М. Ярвисало. 11 сентября 1934 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 12739. Л. 3–6.

⁷ Там же.

⁸ Автобиография Я.Э. Виртанена. 12 октября 1935 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 1725. Л. 5–7.

⁹ Президент Ниинисте: примирение с прошлым необходимо // Yle.fi: 2018. 1 янв. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/prezident_niiniste_primirenie_s_proshlym_nyeobkhodimo/10001522 (дата обращения: 12.04.2019).

(Таммерфорсом)¹⁰), и дело не ограничилось одними погибшими. Проигравшие войну финские коммунисты и социалисты были вынуждены искать убежище в соседних Швеции, Норвегии, Дании, Советской России и некоторых других странах. Всего в Советскую Россию прибыло около 10 тыс. чел., из них на территорию Карелии, по некоторым данным, приехали около трети от этого числа.

В России финляндских беженцев встречали с большим энтузиазмом, прежняя леворадикальная фракция в Эдускунте созвала в Москве съезд сторонников и 29 августа 1918 г. объявила о создании Коммунистической партии Финляндии (КПФ). Хотя вся верхушка партии находилась в изгнании, они, тем не менее, не оставляли свои амбициозные планы по организации новой революции в Финляндии – одним из которых стала идея Э.А. Гюллинга о создании автономной коммуны на Северо-Западе России, на территории, имевшей выход в Белое и Баренцево моря.

В 1920 г., находясь в эмиграции в Швеции, он писал одному из руководителей КПФ, своему товарищу со студенческой скамьи Ю.К. Сирола¹¹: «Из территории Карелии и Кольского полуострова, во всяком случае его западной части, следовало бы образовать особую Карельскую коммуну, границами которой были бы Белое море, Онежское озеро, Финляндская граница и Ледовитый океан.

Эта Карельская коммуна пользовалась бы в известной степени особым положением в Российской Советской Республике, [...] причем она имела бы право устраивать свои внутренние дела, советское хозяйство и свое народное просвещение автономно в своем советском собрании»¹². Образование такой коммуны имело под собой весьма конкретные цели: во-первых, установление единой власти на экономически однородной территории, во-вторых, создание национальной автономии, способной противостоять пропаганде враждебных коммунистам сил, и, наконец, формирование будущего форпоста революции во всей Скандинавии (включая Финляндию)¹³. На личной встрече с В.И. Лениным идея Э.А. Гюллинга была встречена одобрением, и в 1920 г. он и некоторые другие красные финны направились в Карелию.

Карелия имела большую стратегическую важность для РСФСР, в особенности в условиях продолжающейся Гражданской войны и иностранной интервенции: через всю ее территорию пролегла экономическая артерия Северо-Запада – Мурманская железная дорога, соединившая красный Петроград с Мурманским портом. Сам регион, однако, однородным не был: территория, через которую проходила Мурманская железная дорога, была до революции поделена между Архангельской и Олонецкой губерниями, а после 1917 г. ока-

¹⁰ *Валь Э.Г.* Война белых и красных в Финляндии в 1918 г. Таллин, 1936. С. 43–52.

¹¹ *Юрье Сирола.* Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/persons/sirola/sirola.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

¹² Письмо Э.А. Гюллинга Ю.К. Сирола о причинах и целесообразности создания Карельской коммуны. 24 марта 1920 г. // НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 15. Л. 108–110.

¹³ Там же. Л. 109.

залась в состоянии полной политической неопределенности, когда волостные и уездные советы выступали каждый со своим проектом автономии и идеями территориального и идеологического устройства¹⁴.

С целью объединения карельских территорий и решения затянувшегося политического кризиса 7 июня 1920 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет издал постановление о создании в «населенных карелами местностях Олонецкой и Архангельской губерний [...] областно[го] объединени[я] – Карельск[ой] Трудов[ой] Коммуны»¹⁵, возглавить которую должны были Э.А. Гюллинг, Я.Ф. Мяки, оба красные финны, видные деятели революции в Финляндии, и В.М. Куджиев, этнический карел, председатель Олонецкого губернского совета.

Одной из приоритетных задач новой власти в Карелии стало упрочение Советов в регионе, реализация новой экономической политики и проведение национального сплочения карельского народа¹⁶. На выполнение этих масштабных планов политбюро финских организаций РКП(б) направило профессиональные финские кадры на работу в Карелию. Новоприбывшие красные финны направлялись в районы, жители которых говорили на национальных языках и где местные самопровозглашенные власти имели явную политическую склонность к идеям «великой Финляндии». В ходе последующих боев Гражданской войны на русском Севере против поддерживаемых Финляндией сепаратистов красные финны поспособствовали военному и политическому перелому на сторону большевиков.

Отдельно здесь стоит упомянуть Кемский уезд Архангельской губернии, занимавший территорию к северу от Онежского озера, имевший выход к Белому морю и Финляндской границе. Последний факт играл решающую роль в политическом самоопределении этих территорий: сами жители Кемского уезда, особенно Ухтинской волости, видели свое будущее в тесной связке с Финляндией, с которой они имели этнические, экономические и политические связи¹⁷ и были готовы воевать за обретение независимости от чуждого им русского советского руководства. Эти идейные разногласия вкупе с поддержкой со стороны финляндских белых привели к тому, что на севере Карелии вспыхивали одно за другим восстания против советской власти.

Даже в период признания советов оставалось совершенно очевидным, что для местного населения карельская власть не являлась естественным продолжением российской – она воспринималась с позиций четко выстроенной национальной идентичности, что выражалось в следующих заявлениях со

¹⁴ Протокол заседания народного собрания граждан с. Ухта Ухтинской волости Кемского уезда Архангельской губернии об учреждении Карельской административной области, ее территориальном устройстве, политической и социальной организации. 13 июля 1917 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 3/9. Л. 68–72.

¹⁵ *Яков Мяки*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/maki/maki.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

¹⁶ Важнейшие постановления о КТК. Брошюра. Информбюро при Карисполкоме. 22 сентября 1920. // НА РК. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 6/67. Л. 20.

¹⁷ *Машезерский В.И.* Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 73–80.

стороны волостных советов северной Карелии: «Отклонить все распоряжения Советской России и ждать распоряжения Карельского ревкома, и пусть знает Советроссия, что если она гордится тем, что дает продовольствие, если мы пойдем на военную службу, а в противном случае будет отказано нам в отпуске продовольствия, вернее бросит карел на верную смерть»^{18, 19}. Очевидно, что и военно-политическая повестка Советской России была чужда карелам – не раз в документах встречаются подобные пассажи: «Категорически заявляем, что сочтем за подвиг умереть голодной смертью в родных лесах, нежели идти на бойню и умереть где-нибудь на полях Польши»²⁰. В конечном счете диссонанс, царивший в отдаленных северных волостях, усугубленный и затянувшимся продовольственным кризисом, привел к открытому вооруженному конфликту кемских крестьян с пришлыми красноармейцами.

Одним из наиболее известных эпизодов в боевых действиях того периода стал поход курсантов Петроградской интернациональной военной школы красных командиров (Интервоеншколы) на Кимасозеро, населенный пункт на севере Карелии, где в 1922 г. еще сохранялась власть сепаратистского антибольшевистского правительства – Ухтинского временного комитета. Поход возглавил Т.И. Антикайнен²¹, финский революционер и член ЦК КПФ, представитель партии на VI конгрессе Коммунистического интернационала в 1928 г., в последствии много лет занимавшийся подпольной работой на территории Финляндии совместно с А.П. Тайми²², одним из руководителей Красной гвардии Финляндии в 1918 г., бывшим народным уполномоченным по военным делам в революционном правительстве Финляндии. Оба они были арестованы и преданы суду в 1928 г., однако после окончания советско-финляндской войны 1939–1940 гг. возвращены в СССР и откомандированы в Карелию для дальнейшей работы в органах власти.

В течение 1920–1935 гг. главным лицом в Карелии оставался Э.А. Голлинг²³, руководивший сначала ревкомом КТК (1920–1923), а позднее Советом народных комиссаров АКССР (образован 25 июля 1923 г.). Его важнейшим достижением стало проведение индустриализации в отстающем по экономическим показателям регионе: его усилиями было положено начало строительства транспортной инфраструктуры Карелии, построены электро-

¹⁸ Из протокола № 7 заседания граждан Вычегайбольской волости от 2 июля 1920 г. – о присоединении автономных деревень и признании советской власти // НА РК. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 4/53. Л. 80.

¹⁹ Так в документе.

²⁰ Там же.

²¹ *Тойво Антикайнен*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/antikainen_t/antikainen_t.php. (дата обращения: 12.04.2019).

²² *Адольф Тайми*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/taimi/taimi.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

²³ Эдвард Голлинг: у истоков карельской государственности. К 135-летию со дня рождения // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://rkna.ru/exhibitions/gulling/index.html>. (дата обращения: 12.04.2019).

станции, объекты тяжелой, лесной и бумажной промышленности (например, Кондопожский ЦБК, долгое время остававшийся крупнейшим бумагоделательным предприятием республики). В начале 1930-х гг. по его инициативе в Карелию приглашались финноязычные специалисты из США и Канады²⁴, задеиствовавшие главным образом в лесной промышленности и сельском хозяйстве и привнесшие в них инновационные методики и инструменты²⁵.

Важнейшие государственные и управленческие посты принадлежали и другим финским политическим эмигрантам: долгое время Карельский обком РКП(б)/ВКП(б) возглавлял И.А. Ярвисало²⁶, руководивший организацией партийной жизни республики, активно занимавшийся работой с молодежью через структуры ВЛКСМ, профсоюзным движением и реализацией политики ликвидации безграмотности.

Его супруга Х.М. Ярвисало²⁷ в то же время занималась проблематикой женского движения в Карелии, вопросами улучшения уровня жизни карельских работниц и крестьянок путем привлечения их на ответственные должности и создания детских дошкольных учреждений. Отдельным вопросом стояли меры социальной помощи, которые карельское правительство предлагало уязвимым группам женского населения, – так, в 1924 г. Х.М. Ярвисало озвучила поддержанное правительством предложение²⁸ о создании специального приюта для бедствующих женщин.

Тема народного образования и ликвидации безграмотности была одной из наиболее актуальных в Карелии 1920-х гг., и главной ее особенностью стал языковой вопрос: этнически неоднородная территория республики была поделена в языковом отношении на разные зоны. Большая часть населения Карелии говорила на русском языке, что включало в себя и немногочисленное грамотное население, получавшее образование до революции в системе приходских и светских образовательных учреждений. Этнические карелы говорили на нескольких разных диалектах карельского языка, который не имел собственной письменности до начала XX в., но преимущественно тяготели к использованию финского языка, особенно на севере региона. Собственно финские и «американские» эмигранты говорили на финском языке, но кроме них в Карелии проживали также и вепсы, имевшие собственный диалект.

²⁴ Письмо председателя СНК АКССР Э.А. Гюллинга в СНК РСФСР о необходимости завоза иностранной квалифицированной рабочей силы в АКССР. 14 августа 1930 г. // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 15/163. Л. 46–47 об.

²⁵ *Такала И.Р.* Североамериканские финны в довоенной Карелии. Петрозаводск, 2007. С. 32–51.

²⁶ *Иоган Ярвисало.* Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/yarvisalo_i/yarvisalo_i.php. (дата обращения: 12.04.2019).

²⁷ *Хильма Ярвисало.* Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/yarvisalo_h/yarvisalo_h.php. (дата обращения: 12.04.2019).

²⁸ Из протокола заседания Карельского ЦИК – ходатайство об открытии на территории г. Петрозаводска приюта для попавших в тяжелое положение женщин. Март 1924 г. // НА РК. Ф. Р-351. Оп. 1. Д. 10/167. Л. 134а–135.

Для красных финнов языковой вопрос занимал особое место в их национальной политике, финский язык был, по сути, признан официальным до начала 1930-х гг., что явным образом отражало определенные внешнеполитические амбиции карельского государственного и партийного руководства²⁹. На нем же создавались литературные произведения карельских авторов, публиковались произведения первого карельского объединения пролетарских писателей, возглавляемое Я.Э. Виртаненом³⁰, финским революционером, чьи успехи в поэзии отмечал М. Горький³¹.

Красные финны сформировали костяк научно-исследовательского общества Карелии: их трудами издавались книги по истории революционного движения в Финляндии и на севере России, под руководством одного из предводителей Красной гвардии Финляндии Э.Э. Хаапалайна³² проходила работа над собранием краеведческих материалов об установлении советской власти в республике. Сотрудники научного центра широко публиковались в национальной прессе, представляли редколлегию в ведущем издательстве республики «Кирья», осуществляли переводы масштабных литературных трудов с русского на финский язык; так, в середине 1920-х гг. специальная комиссия, созданная из свободно владеющих двумя языками красных финнов, таких как, например, известный журналист, поэт и деятель народного образования в Карелии, участник революционных событий в Финляндии Л.М. Летонмяки³³, впервые перевела на финский язык труды В.И. Ленина.

Красные финны были широко представлены не только в органах государственной власти и партийных структурах, в сфере образования и искусства, они также отметились спортивными и военными достижениями. Так, 8 декабря 1923 г. постановлением ЦИК АКССР³⁴ была создана Карельская егерская бригада, руководителем которой был назначен красный финн, известный военный командир времен Гражданской и Великой Отечественной войн Э.Г. Матсон³⁵. К числу наиболее известных имен в военной истории Совет-

²⁹ Из стенограммы доклада Э.А. Голлинга на заседании Совета национальностей ЦИК СССР – об экономическом, социальном, культурном развитии АКССР. 25 июня 1927 // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 9/65. Л. 4–5.

³⁰ *Ялмари Виртанен*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/virtanen/virtanen.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

³¹ Предисловие М. Горького к книге Я.Э. Виртанена «Стихи». Петрозаводск. 1933. // НА РК. Ф. Р-2884. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 8–11.

³² *Эро Хаапалайнен*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/haapalainen/haapalainen.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

³³ *Лаури Летонмяки*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfin/persons/letonmaki/letonmaki.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

³⁴ Выписка из протокола заседания СНК АКССР от 14.12.23 г. – постановление № 8 п. 20 ЦИК АКССР от 8.12.1923 г. «Об организации Карельской егерской бригады» // НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1/3, Л. 343.

³⁵ Ходатайство председателя СНК АКССР Э.А. Голлинга перед председателем реввоенсовета республики об откомандировании Э.Г. Матсона на долж-

ской России и СССР относились также А.М. Анттила³⁶ и И.Э. Хейкконен³⁷, оба финские революционеры и прославленные военные командиры РККА. Солидный военный опыт имел и Я.М. Кокко³⁸, участник гражданской войны в Финляндии, чемпион Советского Союза по классической борьбе в легком весе, героически погибший на фронтах Великой Отечественной войны в ходе операции на оккупированной финляндскими войсками территории Сортавальского района КФССР.

Период пребывания красных финнов в Карелии до сих пор остается недостаточно изученной темой с точки зрения исторической и общественно-политических наук, хотя документальные материалы об этом этапе в истории края сохранились в большом количестве. На основе этих документов пишутся исследовательские работы и создаются просветительские виртуальные проекты, ориентированные на широкую публику. К таким цифровым информационным ресурсам относится биографическая выставка КУ НА РК «Красные финны в Карелии»³⁹. В рамках подготовки выставки была проведена большая работа по выявлению, выборке, анализу и презентации биографических материалов о финнах, участвовавших в социалистическом строительстве карельской республики в период 1920–1940-х гг.

В подборку биографий красных финнов в Карелии попали известные персоналии, оставившие свой след в истории Карелии и Советской России. Среди них были карельские государственные и партийные деятели (Э.А. Гюллинг, Я.Ф. Мяки, О.В. Куусинен), руководители промышленных предприятий (И.Л. Туомайнен, Г.Г. Ярвимаки), военнослужащие (А.М. Анттила, И.Э. Хейкконен, Т.И. Антикайнен), деятели культуры (Я.Э. Виртанен, Р.Я. Нюстрем, Л.М. Летонмяки), работники образования и науки (Ю.К. Сирола, А.Р. Форстен, Э.Э. Хаапалайнен), спортсмены (А.Ф. Кивекяс, Я.М. Кокко). Жизнь многих из них закончилась трагически: в годы сталинских репрессий значительное число «красных» финнов оказалось в лагерях, большая часть из них была расстреляна.

При подготовке выставки была проделана обширная работа по уточнению биографических данных красных финнов по документам и материалам, хранящимся в Национальном архиве РК, итогом которой стали 27 персональных статей, дополненных галереями документов и фотографий, большинство из которых публикуется впервые.

ность начальника вновь организованной Карельской егерской бригады. 17 апреля 1924 г.// НА РК. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 317.

³⁶ *Аксель Анттила*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/persons/anttila/anttila.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

³⁷ *Иван Хейкконен*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/persons/heikkonen/heikkonen.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

³⁸ *Ялмари Кокко*. Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/persons/kokko/kokko.php>. (дата обращения: 12.04.2019).

³⁹ Красные финны в Карелии // [Электронный ресурс]: сайт Национального архива Республики Карелия. 2018. URL: <http://www.rkna.ru/exhibitions/krfn/>. (дата обращения: 12.04.2019).

ПРОТОКОЛЫ ОБЩИХ ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЙ ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ ЦК КПСС КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Осина Ольга Владимировна

(Российский государственный архив новейшей истории)

Период перестройки в настоящее время является объектом пристального внимания историков, социологов, политологов. Очень часто дискуссии приводят ученых к противоречивым умозаключениям. Прежде всего это связано с тем, что большинство исследователей основываются на субъективном, личном восприятии не так давно прошедших событий. Перед историком встает чрезвычайно важная задача по сопоставлению различных источников, в первую очередь архивных, для выявления сущности произошедших событий. Отдел культуры ЦК КПСС являлся важнейшим звеном партийно-государственного аппарата, принципы работы которого отражали сущность функционирования Советской системы в целом. Анализ работы этого Отдела позволит увидеть особенности официальной культурной политики, взаимодействия власти и органов культуры.

Первой пиковой точкой периода перестройки можно считать подготовку Новой Программы КПСС, обсуждение которой в Отделе культуры¹ состоялось 28 ноября 1985 г. Проект новой редакции Программы партии в сфере культуры должен был реализовать задачи удовлетворения возросших культурных запросов общества. Главенствующей идеей для партии было повышение человеческого фактора, литература и искусство получили более значимую роль в социальном и нравственном воспитании советских людей.

На собрании было отмечено, что проект новой редакции Программы КПСС соответствовал ленинским принципам культурного строительства, сердцевиной которого является создание всех необходимых условий для приобщения масс к богатству духовной культуры, для развития профессионального и самостоятельного художественного творчества.

Ключевой проблемой, по мнению служащих в Отделе Культуры ЦК КПСС, была проблема литературно-художественной критики. Некоторые считали, что критика не всегда чутка и внимательна. Нет определенности и принципиальности в анализе произведений, слишком разнятся оценки. Задумка была проста и понятна: критика могла и должна была стать настоящим действенным фактором партийного влияния на литерально-художественный процесс.

Проанализировав материалы Отдела Культуры ЦК КПСС, можно однозначно сказать, что работники ЦК считали ускорение темпов культурного

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 74. Оп. 6. Д. 16. Л. 1–33.

строительства, укрепления материальной базы культуры, особенно на селе, в малых городах, в рабочих поселках, во вновь осваиваемых районах, непременным условием для реализации новой Программы партии. Также особое внимание уделялось подведомственным организациям, которые были непосредственно связаны с выполнением постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью». Поскольку на момент 1985–1986 гг. отсутствовала системная работа с молодыми и наиболее перспективными кадрами.

Особенно было отмечено, что постоянное внимание уделяется задаче, связанной с воспитанием мировоззренческой и гражданской позиции молодых, как укрепления их связей с жизнью народа, приобщения к делам страны.

Однако реальная обстановка говорила об обратном. На момент 1985–1986 гг. отсутствовала системная работа с молодыми и наиболее перспективными авторами. Это показало Всесоюзное совещание молодых писателей². Организация этого мероприятия была на слабом уровне. Семинары совещания были переполнены, и многим участникам внимание было уделено минимальное. В Отделе Культуры в 1985 году звучали слова о том, что «пора предъявить больше требовательности к руководству Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР, разобраться с положением дел в республиканских писательских организациях, упорядочить весь этот процесс»³.

27 февраля 1986 года на собрании коммунистов партийной организации Отдела культуры ЦК КПСС обсуждали критические замечания, высказанные в адрес Отдела культуры в ходе работы XXVII съезда КПСС.

На собрании была признана проблема ослабления партийного влияния на развитие литературы и искусства. Постановление собрания обязало коммунистов отдела принять необходимые меры по усилению влияния на работу первичных партийных организаций сферы художественной культуры. Принимать личное участие в подготовке и проведении партийных собраний организаций и учреждений литературы и искусства, творческих союзов, литературно-художественных журналов, заседаний коллегий министерств и ведомств. Разработать вопросы о развитии литературы и искусства в свете решений съезда для рассмотрения в ЦК КПСС в 1986 году.

На собрании призывали к активизации выступлений секретарей партийных организаций в печати. Это справедливо, ведь партия действительно стала проявлять особое внимание к практическим вопросам развития культуры. XXVII съезд КПСС поставил перед творческими союзами задачу связи искусства с жизнью. Однако формы этих связей на момент 1985–1986 гг. не были нащупаны.

В свете задач XXVII съезда КПСС перед коммунистами Отдела встала задача усиления контактов с первичными партийными организациями театральных коллективов, с мастерами театров, улучшения планирования командировок для более конкретного влияния на работу Отделов культуры партийных комитетов.

Особое внимание обращает на себя партийное собрание Отдела культуры ЦК КПСС, которое состоялось 18 июня 1986 г. Повестка дня: «О работе ком-

² Восьмое Всесоюзное совещание молодых писателей, 1984 г. [15–21 мая] М., 1985.

³ РГАНИ Ф. 74. Оп. 6. Д. 16. Л. 45.

муниста т. Юдина В.И. по рассмотрению писем трудящихся, адресованных XXVII съезду КПСС»⁴.

В отдел поступило 548 писем, адресованных съезду. В письмах высказывались предложения и замечания, направленные на улучшение организации труда, ставились вопросы усиления борьбы с бесхозяйственностью, хищением социалистической собственности.

Значительное число писем на съезд поступило по поводу трудовых споров и нарушений администрацией трудового законодательства. Все письма, поступившие на съезд, рассматривались непосредственно в секторах и подведомственных организациях с ответом в ЦК КПСС. Однако анализ писем показывает, что вопросы, поставленные их авторами, не всегда находили исчерпывающие ответы в органах культуры, что заставляло их вновь обращаться в ЦК КПСС.

10 сентября 1986 года состоялось партийное собрание Отдела культуры ЦК КПСС, на котором обсуждался ход выполнения коммунистами Отдела культуры ЦК решений июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС.

1986 год – момент обнажения противоречий между общественной потребностью в перестройке и ее восприятием в сфере индивидуального сознания. Проблемы художественной культуры могли рассматриваться лишь в контексте переломного периода, в тесной связи с задачами социального и экономического развития страны.

Ключевыми вопросами пленума, а, следовательно, и совещания отдела были вопросы материальной базы культуры. Это объясняется тем, что на XXVIII съезде КПСС был нанесен мощный удар по «остаточному» принципу финансирования и обеспечения ресурсами социально-культурную сферу.

Осенью 1986 года шла работа над Целевой общегосударственной программой материально-технической базой всей социально-культурной сферы. Отмечалось, что, когда ведомства давали свои предложения, они не учитывали обстановку в смежных разделах культуры. Отсутствовала общая концепция развития культуры. Не было ни одного научного учреждения или отдела в НИИ, который бы занимался изучением культуры как единого целого. Все было рассредоточено по принципу ведомственности.

Планом экономического и социального развития страны на 1986 год выделялось:

- организациям, подведомственным Минкультуры СССР, – 849 млн руб.,
- организациям, подведомственным Госкино СССР, – 47,0 млн руб.,

«Ход выполнения плана первого полугодия 1986 года, а также практика распределения средств по различным объектам культуры показывают, однако, что по-прежнему к строительству объектов культуры многие центральные и местные строительные организации, планирующие органы относятся как к делу второстепенному».

Очевидно, что выполнение плана первого года XII пятилетки по ряду позиций находилось под угрозой срыва.

Прежние формы контроля становились недостаточно эффективными. Они не могли обеспечить соблюдение плановой дисциплины.

⁴ РГАНИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 16. Л. 138.

В начале 1987 года (25 февраля), состоялось партийное собрание Отдела культуры⁵. На собрании обсуждали вопрос работы отдела по реализации предложений и критических замечаний, высказанных на съездах творческих союзов.

Критической точкой стал Восьмой съезд писателей⁶. Фактически он требовал изменения атмосферы внутренней жизни Союза писателей.

На собрании отмечалось, что целый ряд серьезных предложений и просьб писательской общественности получили базу конкретного воплощения в результате постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1987 г. «Об улучшении деятельности творческих союзов»⁷.

Это постановление способствовало решению давно поставленных вопросов, таких как открытие отделений издательств «Современник» и «Детская литература» в Сибири, преобразование альманаха «Современная драматургия» в журнал, увеличение публикаций материала для подростков и юношества. Но кардинально ситуацию изменить не удалось.

31 марта 1987 года в Отделе культуры состоялось собрание, посвященное подготовке к 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции⁸. Постановление партийного собрания гласит следующее: «Обеспечить на высоком идейно-художественном уровне проведение на Выставке достижений народного хозяйства СССР Дней союзных республик, посвященных юбилею, Дней литературы и искусства народов СССР в республиках, краях и областях, Всесоюзной художественной выставки в Москве «70 лет Великого Октября», праздничных концертов, фестивалей народного творчества.

Совместно с министерствами, ведомствами и творческими союзами предусмотреть издания лучших произведений советской литературы, создание новых спектаклей, кинофильмов, концертных программ. Использовать проводимые юбилейные мероприятия за рубежом для широкого показа достижений многонационального советского искусства⁹. Однако в выступлениях коммунистов отдела видно расхождение реального положения дел и задуманного. Так, Н.Н. Яковлева – инструктор сектора музыкального искусства, была обеспокоена тем, что не решается вопрос пропаганды музыкального творчества в печати. Безудержная реклама рока приобретает тревожный характер. Е.А. Капишин – инструктор сектора зарубежных культурных связей, также отметил, что связи творческих союзов с видными деятелями зарубежной культуры очень ограничены. Это наглядно показала подготовка в Москве форума «За безъядерный мир, за выживание человечества»¹⁰. Министерство культуры СССР, Госкино СССР, творческие союзы мало использовали новые формы

⁵ Там же. Д. 126. Л. 16–36.

⁶ Восьмой съезд писателей СССР. 24–28 июня 1986 г. Стенографический отчет. М., 1988.

⁷ ЦК КПСС. Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1987 г. № 213 «Об улучшении деятельности творческих союзов». URL: <http://homlib.com/read/dokumenty-1986-1991/1987-02-14-ob-uluchshenii-deyatelnosti-tvorcheskih-soyuzov/1>

⁸ РГАНИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 126. Л. 37.

⁹ Там же. Л. 42–43.

¹⁰ Еженедельник «Аргументы и Факты». № 7. 21.02.1987.

работы с зарубежной творческой интеллигенцией. Е.В. Зайцев – первый зам. зав. Отдела, поднял вопрос застойных явлений в творческой среде.

Если провести анализ, то действительно можно увидеть, что практически отсутствовали произведения, посвященные современникам. Не было ни одной пьесы, посвященной 70-летию Октября.

Следующие партийные собрания Отдела культуры были посвящены Пленумам ЦК КПСС, январскому (1987 г.) «О перестройке и кадровой политике партии»¹¹ и октябрьскому (1987 г.).

Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС поставил задачу перестройки жизни советского общества, преодоления всех застойных явлений, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития советского общества. Анализируя работу советских министерств, ведомств, творческих союзов, собрание пришло к выводу о том, что многие из них действуют с опаской, с большой медлительностью, а порой и без основательного понимания дела. Вполне оправданы были опасения, касающиеся того, что шло наступление массовой культуры низкого пошиба. Была слаба координация между Министерством культуры СССР, Госкино СССР, Гостелерадио, между Отделами пропаганды и культуры.

Были единодушно одобрены положения доклада: «Октябрь и перестройка: революция продолжается».

Собрание Отдела культуры (29.04.1987 г.), жестко поставило вопросы о всеобщей атмосфере необратимости начатых процессов. Всюду ли в творческих организациях была развязана инициатива и поддержаны начинания, направленные на активизацию творческой жизни? И собрание ответило: далеко не везде. Прошедшие в 1986–1987 гг. пленумы Союза писателей СССР, конференция Союза театральных деятелей РСФСР, публикуемые печатью материалы это подтверждали. Ряд партийных организаций, министерств и ведомств начали подвергаться критике, и на собрании было отмечено, что критика эта вполне справедлива. Нередко наблюдалось стремление доказать, что все идет хорошо, а сдвигов зачастую почти не было.

Демократизация, гласность и открытость в работе творческих союзов предполагали организацию широких дискуссий, деятельного обсуждения назревших вопросов. Но бурного диалога увидеть не получится, поскольку напряженная атмосфера возникала не в результате обсуждения творческих вопросов, а из-за бездеятельности выборного руководства. На собрании вновь призывали к серьезной критике руководства творческих союзов. Значит прошлое обсуждение ни к чему не привело?

На собрании Отдела культуры 30 июля 1987 года было отмечено, что перестройка в обществе углубляется и нарастает. Однако М.С. Горбачев, на Июньском (1987 г.) Пленуме поставил вопрос: что создает противоречивую ситуацию? На собрании Отдела культуры на этот вопрос ответили не как в 1986 г., и даже не так, как в начале 1987 г. Основная проблема виделась в руководящих кадрах, но теперь, в июле 1987 г., произошло признание: не только руководители, но и многие трудящиеся не хотели бы расстаться с привычным укладом жизни.

¹¹ РГАНИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 126. Л. 53.

Так, в Отделе культуры подняли вопрос о принципах социализма. Ведь именно в культуре, литературе и искусстве заметнее всего звучат вопросы социальной справедливости. Люди, желающие перемен, и наоборот боящиеся их, ссылались на В.И. Ленина и М.С. Горбачева, и одни и вторые говорили о перестройке. 21 сентября 1987 года состоялось партийное собрание Отдела культуры ЦК КПСС, посвященное итогам проверки Центральной Ревизионной Комиссией КПСС работы Отдела культуры ЦК КПСС с документами и письмами трудящихся¹².

Ю.П. Воронов – заведующий Отделом, сообщил, что в записке Центральной Ревизионной Комиссии КПСС была отмечена значительная работа, проделанная Отделом культуры по исполнению документов, писем трудящихся, поручений руководства. Отделом действительно за период 1986–1987 гг. получено и исполнено почти в два раза больше документов. Но без критики не обошлось. В Отделе и подведомственных организациях не был выработан надежный стиль работы с документами. Не обеспечивалось их своевременное и творческое исполнение.

Конечно, в постановлении к этому собранию говорилось о четком, своевременном и творческом исполнении документов, направленных в отдел. Реализовывать все полезное и конструктивное, что содержится в письмах трудящихся. Коммунистов – заведующих секторами отдела обязали внимательно следить за соблюдением сроков выполнения материалов и документов. Осуществлять строгий контроль за деятельностью министерств, ведомств, творческих союзов по работе с документами и письмами. Добиться широкого обсуждения работы с письмами. Стараться сократить документооборот.

Все эти вопросы обсуждались на собраниях отдела ранее, следовательно, на 1985–1987 гг. изменений в работе Отдела, а значит и в творческой, культурной сфере не произошло?

25 января 1988 года в Отделе культуры ЦК КПСС слушали отчет партийного бюро Отдела культуры о работе по руководству перестройкой¹³.

Однозначно говорилось о том, что партийное бюро недостаточно активно утверждает атмосферу взыскательного отношения каждого коммуниста к своей деятельности, очевидна неудовлетворенность достигнутых результатов. Слабым звеном оставалась организация и контроль за выполнением постановлений ЦК КПСС, не хватало настойчивости и принципиальности довести дело до конца.

Опять звучали призывы к поиску новых, эффективных форм партийного влияния, направления деятельности коммунистов на перестройку.

На момент собрания прошло два года после XXVII съезда партии, немногим больше после апрельского (1985 г.) Пленума. Отделу культуры так и не удалось наладить взаимоотношения с Министерством культуры СССР. Поступали жалобы, что накануне нового (1988 г.) за Министерством числилось 120 невыполненных поручений. После аврала по их срочному выполнению осталось семь. Но была ли эта работа выполнена качественно. Полтора года прошло с момента выхода в свет постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в ком-

¹² Там же. Л. 165.

¹³ Там же. Д. 227. Л. 1–18.

мунистическом воспитании трудящихся»¹⁴. К 1988 году план монументальной пропаганды в стране так и не был подготовлен.

30 мая 1988 года на повестку дня собрания партийной организации Отдела культуры были вынесены тезисы ЦК КПСС к XIX Всесоюзной партийной конференции и задачам коммунистов Отдела культуры¹⁵.

Тезисы являлись всеобъемлющей платформой для дискуссии по всем главным вопросам жизни советского общества. В них подводились итоги того, что было сделано партией за последние три года, давалась оценка перестройке.

На собрании отмечалось, что особое место в тезисах отводилось реформам политической системы общества. Отдел культуры отметил свою работу в области внедрения демократических форм самоуправления в журналах, новшества в организации работы Пленумов творческих союзов.

Ключевым вопросам собрания был вопрос реорганизации Аппарата ЦК КПСС. Каким отделам быть, какие сектора оставить?

В конце 1980-х гг. общественно-политическое положение страны определяли задачи демократизации общества. В новых условиях перед партийным аппаратом стояла задача отхода от отраслевого принципа работы отделов, от подмены партией государственных органов, от исполнения административно-управленческих функций. Реорганизация аппарата ЦК КПСС была начата постановлением ЦК КПСС от 29 декабря 1988 г. «О предложении по структуре и штатам отделов ЦК КПСС», 13 ноября 1990 г. было принято постановление Секретариата ЦК КПСС «О структуре и штатах отделов и Управления делами ЦК КПСС».

¹⁴ Совет Министров РСФСР ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 29 декабря 1986 г. № 533 «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся». URL: https://www.lawmix.ru/docs_cccp/1217

¹⁵ РГАНИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 227. Л. 71.

КАРИКАТУРЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ КАК СРЕДСТВО ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пименов Олег Владимирович
(Волгоградский государственный университет)

В Первой мировой войне впервые нашли применение многие виды вооружения. Но не только силой оружия пытались добиться победы противоборствующие державы. Особую роль играла информационная война, большое значение в которой имели разнообразные средства пропаганды, в особенности карикатуры. Они создавались с целью поднятия боевого духа армии и усиления патриотических чувств у гражданского населения. В них изображались саркастические образы вражеских армий, правителей и политиков, а также восхвалялась собственные войска и державы.

Изучение такого наглядного источника позволяет выявить особенности формирования общественного мнения в годы Первой мировой войны, увидеть особенности формирования образа врага и взгляд на события войны сквозь призму карикатур.

Проблема использования карикатур как средства пропаганды уже привлекала исследователей Первой мировой войны. Так, В.И. Баяндин и А.В. Запорожченко рассмотрели карты-карикатуры Англии, России и Германии, выявили характерные для них образы¹. Весомый вклад в изучение проблемы внес Д.Е. Цыкалов, им проанализированы образы врага и основные мотивы в карикатурах России, Германии, Англии². Т.А. Филиппова рассмотрела отражение Османской империи и турок в русских карикатурах³. В работе Х.В. Яна проанализированы наиболее характерные отрицательные качества и различные прозвища немцев в России⁴. Проблемы информационной войны и формирования образа врага в Первой мировой войне нашли отраже-

¹ *Баяндин В. И., Запорожченко А. В.* Географические карты в борьбе с противником накануне и в годы Первой мировой войны // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 79–95.

² *Цыкалов Д.Е.* Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 1. С. 85–90.

³ *Филиппова Т.А.* Кавказский фронт Первой мировой войны в карикатурах // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2015. № 1. С. 74–95.

⁴ *Ян Х.Ф.* Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г.: материалы Меж. кол., 12–15 июня 1995 г. / под ред. С. И. Потолова. СПб., 1997. С. 379–396.

ние в работах М.В. Васильева⁵, К. Вашика⁶. Несмотря на это, на сегодняшний день еще не все имеющиеся карикатуры рассмотрены и проанализированы учеными; нет четко сформулированной типологии карикатур; недостаточное внимание уделено дипломатическим карикатурам. Этим проблемам и посвящена данная статья.

Карикатуры периода Первой мировой войны в России и Германии имели разнообразные образы и создавались с различными целями. Но все же для всех из них были общие характерные черты. В карикатурах Германской империи по отношению к России преобладали негативные оценки. Российскую империю представляли бескультурной, отсталой и агрессивной. Русским приписывались такие черты, как жестокость, бессовестность и свирепость⁷. В Российской империи немцев также наделяли отрицательными качествами, их называли воинственными, высокомерными, злостными педантами. Также была характерна распространенность множества прозвищ немцев: «немец-шмерец», «колбасник», «сосиска»⁸.

Характерным отличием российских и немецких карикатур была их направленность. Российские карикатуры в первую очередь предназначались для подданных Российской империи и в меньшей степени применялись для пропаганды среди противника. Германские же карикатуры были в равной степени нацелены как на сознание германского общества, так и на российскую общественность.

Для распространения своих карикатур противоборствующие страны использовали самые разнообразные способы доставки пропагандистских источников военным и гражданскому населению противника. Для этого применялись аэропланы, дирижабли, воздушные шары, артиллерийские снаряды⁹.

Российские и Германские карикатуры периода Первой мировой войны богаты на образы и сюжеты, – это позволяет разбить их на несколько групп.

Первый тип карикатур – карты-карикатуры. Задача данных карикатур заключалась не только в высмеивании противника, но и в формировании образа опасного врага.

Российская империя, как правило, изображалась в образе злого (иногда простодушного) сельского мужика или медведя, устремившего свой «хищный» взор на Центральные державы.

Российские карты-карикатуры были менее богаты на образы. Как правило, державы на них обозначались в человеческих образах.

На одной из карт Николай II, которому сопутствует богиня Победа, протыкает шпагой Германию в образе разъяренного быка. Название карты «Война-освободительница 1914–1915 гг.» подчеркивало грядущее освобождение Европы в целом и России в частности от «немецкого ига».

⁵ *Васильев М.В.* Информационные войны Первой мировой. 1914–1918 гг. URL: <https://www.simvolika.org/vv060.htm>

⁶ *Вашик К.* Метаморфозы зла. Образ врага в немецком и советском плакате // Родина. 2002. № 10. С. 14–17.

⁷ *Цыкалов Д.Е.* Указ. соч. С. 87.

⁸ *Ян Х. Ф.* Указ. соч. С. 383.

⁹ *Баяндин В. И., Запороженко А. В.* Указ. соч. С. 87.

Примечательна карта начала войны, которая показывала, как Германия тянет руки к России, тем самым подчеркивая захватнические устремления врага. Россия в свою очередь «скалится», но этот оскал направлен скорее на Австро-Венгрию, которая, в свою очередь, устремила свой хищный взгляд на Сербию. Этот образ должен был подчеркнуть справедливый характер войны для России, которая заступилась за братский народ.

Карикатуры второй группы посвящались успешным военным операциям. В Германии наибольшей популярностью пользовались сюжеты о сражениях в Восточной Пруссии. Образ российских войск в карикатурах существенно разнится: это и тонущий крестьянин в шапке с двуглавым орлом, и группа солдат, которая идет в ловушку на потеху немецким солдатам, и бегущие в тыл солдаты и генералы. Общим для этих карикатур являлось то, что они показывали глупость и отсталость царской армии.

Одна из карикатур посвящалась поражению российской армии у Мазурских озер в 1914 г. На ней были показаны российские солдаты, попавшие в немецкую ловушку и тонущие в Мазурских озерах

Упоминание ловушки в карикатуре не случайно. Германские командующие отмечали, что по ходу кампании 1914 г. они неоднократно перехватывали российские радиотелеграммы. Это позволяло германскому генштабу следить за передвижениями царских войск и планировать проведение своих операций.

Некоторые военные события Первой мировой войны нашли свое отражение и в российских карикатурах. Как в России особое внимание уделили успешной обороне Царства Польского в 1914 г.

На одной из карикатур показано неудачное немецкое наступления на Варшаву в октябре–ноябре 1914 г. Немец пытался испить «кофе по-Варшавски», но обжегся и выронил свою кружку.

Примечательно, что в последующие годы тема побед над немецкой армией на полях сражений была не столь популярна, как в первый год войны. Одной из причин этого может быть возросшая усталость российского общества от войны и нежелание правительства лишний раз делать упор на «кровавую действительность» войны.

Характерной чертой российских карикатур было отображение побед союзников. Карикатура 1914 г. демонстрирует неудачное наступление немцев на Париж. Германия, представленная кайзером Вильгельмом II в образе лисы, получила отпор от французской артиллерии¹⁰.

Следующая группа карикатур высмеивала вражеские армии. В Германии офицеры российской армии изображались с кнутом или пистолетом, с помощью которых они гнали солдат в бой. Российские солдаты часто изображались в образе бескультурных пьяниц. Порой в германских карикатурах насмехались над казаками. Это было не случайно, поскольку по воспоминаниям германских солдат, казаки отличались особой воинственностью и жестокостью, их считали коварными и опасными противниками.

Особой популярностью в карикатурах пользовался образ неуклюжего и злого медведя, с которым ассоциировалась Россия. На одной из таких карика-

¹⁰ В карикатуре показана победа войск союзников в битве на Марне в сентябре 1914 г. В результате сражения войска Антанты сорвали стратегический план наступления германской армии, ориентированный на быструю победу на Западном фронте и вывод Франции из войны.

тур – медведь пытался что-нибудь украсть у немцев, которые, в свою очередь, давали отпор зверю.

Чтобы показать отсталость российской армии, немцы порой сравнивали ее с гуннами. Некоторые плакаты, на которых были изображены царские солдаты, сопровождались надписями «Гунны идут!» или «Эти варвары». Примечательно то, что в странах Антанты немцев также сравнивали с гуннами и часто называли варварами.

Российские карикатуры, в первую очередь, стремились восхвалять свою армию, показать ее доблесть, в связи с чем большее внимание уделялось образу российских солдат. Российские солдаты изображались храбрыми, находчивыми и часто веселыми, нередко показывалось, как русский солдат бил немца ремнем.

Также в России отметили «особенность» немецкой мобилизации. На одной из карикатур показана «последняя мобилизация» Германии, в ходе которой Вильгельм II призвал на службу трехмесячных младенцев. Эта карикатура должна была подчеркнуть критическое положение дел для Германии и вселить уверенность в скорую победу Антанты в российское общество.

В то же время российские карикатуристы не прошли мимо бесчестных методов ведения войны со стороны Германии. На одной из карикатур «Не для нас написано» показано, как немецкий солдат перечеркивает 10 заповедей Божьих. Внизу же располагалась подпись Вильгельма II, которая свидетельствует о том, что все это происходило по его вине.

Следующий тип карикатур обличал правителей вражеских государств. Стоит различать карикатуры, цель которых обозначить какие-либо события через изображение императоров, и карикатуры, которые созданы непосредственно для высмеивания правителей.

В Германской империи в развязывании войны обвиняли Российскую империю. При этом Николая II окрестили не иначе как предателем Священного Союза. На одной из карикатур Вильгельм II был изображен в образе Христа, а Николай II был показан в качестве Иуды Искариота¹¹. Стоит отметить, что данный тип карикатур встречался в Германии достаточно редко в сравнении с Российской империей.

В России излюбленной мишенью для насмешек был Вильгельм II, чьи пороки нещадно высмеивались. Он изображался в самых разнообразных образах: антихрист, черт, пес, лиса.

Отдельной группой карикатур можно считать дипломатические карикатуры, которые давали характеристику военным союзам и державам.

Образ России в немецких карикатурах, направленных против Антанты, свидетельствует о том, что немцы видели в России равноправного участника Антанты. Лишь в нескольких карикатурах Россия представлена с мешками денег, полученных от Франции и Англии для продолжения войны с Германией. Одна из немецких карикатур изображала противников Германии, стоящих по стойке смирно перед немецким солдатом, а возглавлял шеренгу российский солдат. Шеренга сопровождалась надписью «Банда грабителей».

На одной из карикатур Россия, Франция и Англия были представлены в виде музыкантов. Российский солдат с перевязанной головой играл на по-

¹¹ Цыкалов Д.Е. Указ. соч. С. 87

рванном барабане. По сути, все страны Антанты показывались равноправными участниками «оркестра».

Важной задачей дипломатических карикатур было возложение ответственности за начало войны на своих врагов. Так на одном из плакатов немецкой армии противопоставлялись страны Антанты, над которыми нависли архангелы, которые укоризненно взирают на Россию и ее союзники; при этом Антанту именовали «зачинщицей войны».

Не обошли стороной немецкие карикатуристы тему дружбы России с Сербией.

На одной из немецких карикатур было показано, как немецкие солдаты гонят прочь Николая II, на спине которого сидит Сербия в образе вши.

Главным лейтмотивом российских карикатур о Четверном союзе была зависимость союзников от Германии. Любимым мотивом карикатуристов была езда Германии верхом на своих союзниках, так же, как правило, Германия превосходила в росте своих союзников. Германию и ее союзниц часто называли бандитами и разбойниками, подчеркивая бесчестные методы ведения войны.

Вступление Турции в войну на стороне Германии стало популярной темой у российских карикатуристов. Турцию изображали в качестве марионетки Германии. На карикатуре «Танец Турецкой обезьяны» изображены правители Австрии, Германии и Турции, причем Вильгельм II самый высокий на карикатуре держит на поводке Мехмеда V, который заметно уступает в росте, следовательно, и в силе, своим немецким союзникам.

На другой карикатуре показано, как турецкий солдат под присмотром Германии бежит в Россию. Изображение сопровождается надписью: «...деньги плачены». Эта надпись показывает мотив вступления Турции в войну, по мнению российских карикатуристов.

В 1915 г. в войну на стороне Германии вступила Болгария. В России многие расценили это как предательство по отношению к славянам. Неудивительно, что Болгарию в карикатурах представляли в виде алчных персонажей, готовых выступить на стороне тех, кто больше заплатит. В тоже время германские карикатуры подчеркивали, что страны Антанты обманули Болгарию, поэтому она выбрала союз с Германией.

Карикатуры в годы Первой мировой войны создавались с разными целями. С одной стороны, они должны были способствовать подъему патриотизма и желания воевать у солдат и общества. С другой стороны, эти же карикатуры должны были деморализовать войска противника, показать беспомощность его армии и бессмысленность этой войны.

Российские и германские карикатуры демонстрируют устойчивость многих стереотипов о России и Германии: отсталость России, агрессивность Германии, повальное пьянство в армиях. Помимо этого, в карикатурах нашли отражение многие события Первой мировой войны: сражение на Восточном и Западном фронтах, вступление в войну различных держав, бесчестные методы ведения войны и т. д. Карикатуры в годы Первой мировой войны оказали влияние на общественное мнения в России и Германии. Также они способствовали укоренению в обществе негативных стереотипов о своих противниках.

В тоже время не стоит забывать о том, что многие негативные образы России и Германии были преувеличены или же вовсе выдуманы. В России и Германии всячески боролись с пьянством в армии, что приводило к положи-

тельными результатам по крайней мере на передовой, поэтому образ солдат-пьяниц можно считать преувеличением. Не соответствовали действительности и представления о культурной отсталости России. Ведь именно в начале XX в. российская культура и наука переживали существенный подъем. Несомненным преувеличением были карикатуры, показывающие трусость противников. Германские и российские военные неоднократно отзывались друг о друге как о храбром и опасном противнике, что шло вразрез с карикатурными образами.

В связи с этим на военных и подданных, сталкивавшихся с противником, до начала и во время войны карикатуры оказывали не столь сильное влияние. Свидетельством этому могут служить разнообразные воспоминания военных, политических и общественных деятелей России и Германии периода Первой мировой войны. В этих воспоминаниях можно встретить немало позитивных оценок способностей своих противников.

«РЕСПУБЛИКИ НЕ БУДЕТ». ЕВРЕЙСКАЯ АО И ЕЕ ПУТЬ К САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В 1990–1991 гг.

*Пищук Матвей Дмитриевич
(Государственный архив Российской Федерации)*

Еврейская автономная область (далее *Еврейская АО*) – единственная в России автономная область (далее *АО*), так и не ставшая республикой. На основании ряда архивных материалов и научных монографий автор статьи попытается ответить на несколько важных вопросов:

1. Какие меры предпринимались руководством Еврейской АО для получения статуса республики в 1990–1991 годах?
2. Почему руководство Еврейской АО стремилось повысить статус своего субъекта до республиканского?
3. Почему Еврейская АО обрела самостоятельность, но не стала республикой?

К сожалению, следует признать, что история Еврейской АО на рубеже 1980–1990-х годов, несмотря на всю важность того времени, пока обходится стороной. Основное внимание исследователей привлечено к сюжетам конца XIX – середины XX века: образование Еврейской АО и развитие в 1920–1930-е годы «Биробиджанского проекта»¹, вклад Еврейской АО в победу во время Великой Отечественной войны², послевоенное устройство Еврейской АО³.

События в Еврейской АО конца 1980 – нач. 2000-х годов рассматриваются преимущественно в контексте общероссийских или общерегиональных изменений: формирование новых региональных политических элит⁴, реализация отдельных элементов национальной политики на Дальнем Востоке (национально-культурные автономии, развитие национальной культуры и печати)⁵,

¹ Романова В.В. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений: (Вторая половина XIX в. – 20-е г. XX в.). Красноярск, 2001; Соловов Е.М. Межэтническое взаимодействие и национальная политика большевиков в годы гражданской войны: 1917–1920 гг. М., 2007; Агапов М.Г. «Еврейский национальный очаг» в политике СССР: 1920–1948 гг. Тюмень, 2012.

² Арад Ицхак. Они сражались за Родину: евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. М.; Иерусалим, 2011.

³ Костырченко Г.В. Политическое руководство СССР и интеллигенция еврейского происхождения: 1936–1953. М., 2008; Бренер И.С. Биробиджанский проект в научных исследованиях: ценности и интересы в истории Еврейской автономной области. Киев, 2013; Бренер И.С. Страна Биробиджан. Биробиджан, 2013.

⁴ Довгаль Г.В. Политическая элита Дальнего Востока в условиях трансформации российского общества: вопросы теории и практики. Усурийск, 2007.

⁵ Кузнецова Е.В. Национально-культурная автономия в Российской Феде-

развитие российского федерализма⁶, социальная политика⁷, реформирование административно-территориального устройства и системы органов государственной власти на Дальнем Востоке⁸, межрегиональное сотрудничество в Дальневосточном регионе⁹.

Как мы видим, история Еврейской АО обычно исследуется как часть более общих процессов, и сама АО редко становится объектом исследования. Путь Еврейской АО к самостоятельности в 1990–1991 годах практически никем не исследуется и излагается в доступных информационных изданиях очень кратко, в результате чего возникает ощущение, что принятие решения о самостоятельности Еврейской АО было простым и единогласным. Однако это было не так.

Принятие 12 июня 1990 года Декларации о государственном суверенитете РСФСР¹⁰ запустило процесс принятия аналогичных документов в регионах. К концу 1990 года все автономные республики (*далее АР*), а также все АО, находящиеся в составе краев, кроме Еврейской АО, провозгласили себя Советскими Социалистическими Республиками (*далее ССР*) в составе РСФСР.

15 декабря 1990 года Съезд народных депутатов РСФСР принял поправки к Конституции РСФСР 1978 года¹¹, признавая право АО на самостоятельность (была изменена ст. 71, в которой слова «*автономные области, находящиеся в составе краев.../Еврейская АО/*», были заменены на «*автономные области.../Еврейская АО/*», тем самым указывая на самостоятельность АО от

рации: исторический опыт и проблемы развития: 1996–2006 гг. М., 2006; *Примак П.В.* Этнокультурная адаптация евреев Еврейской автономной области к общественным трансформациям на рубеже XX–XXI вв. Владивосток, 2011; *Бекбаева А.Г.* Становление и проблематика национальной периодической печати Западной Сибири в 1990–2002 гг. Омск, 2011; *Титова Е.В.* Этнокультурная адаптация мигрантов в Еврейской автономной области в конце XX – начале XXI вв. Биробиджан, 2017.

⁶ *Хачатурян Б.Г.* Развитие российского федерализма: На примере строительства органов власти в дальневосточных субъектах Российской Федерации, 1990–1997 гг. Хабаровск, 2000; *Верховцова А.С.* Становление российского федерализма: проблема возникновения и разрешения конфликтов. Екатеринбург, 2005.

⁷ *Филитова И.Г.* Государственная политика по обеспечению социально-экономических прав граждан на юге Дальнего Востока России (1990–2000 гг.). Хабаровск, 2010.

⁸ *Голощапов Р.В.* История реформирования органов власти на Дальнем Востоке России: 1990–2000 гг. Хабаровск, 2002; *Буянов Е.В.* Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования: Конец 80-х – 90-е гг. XX в. Владивосток, 2003; *Тутунина Р.П.* Административно-территориальное устройство Еврейской автономной области 1858–2003 гг. Хабаровск, 2004.

⁹ *Савка О.Г.* Развитие международных связей дальневосточных субъектов Российской Федерации в странах Северо-Восточной Азии: 1992–2005 гг. Хабаровск, 2008.

¹⁰ Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

¹¹ Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 29, Ст. 395.

краев). После этого в декабре 1990 года на 4-й сессии Совета народных депутатов Еврейской АО (*далее областной СНД*) был поставлен вопрос о выходе Еврейской АО из состава Хабаровского края, а также составлен проект Декларации, предусматривающий создание Еврейской АССР.

В Декларации указывалось, что она является результатом законного стремление населения Еврейской АО к политической и экономической самостоятельности. Однако, вопреки ожиданиям руководства Еврейской АО, население оказалось против этой инициативы. С.В. Нарутто писала: «...в Декларации не раскрывались объективные возможности для изменения статуса Еврейской АО, отсутствовало даже упоминание об отношениях с Хабаровским краем, складывавшихся десятилетиями... и являвшихся без преувеличения жизненно важными. Проект был подготовлен сугубо «верхушечно» и кабинетно. Ему не предшествовали ни научное обоснование, ни анализ возможных последствий для жизненных интересов населения области, ни социологические опросы, ни обсуждение в средствах массовой информации»¹².

Из-за отсутствия поддержки населения разработанный проект не был принят. Следующая попытка создать Еврейскую АССР произошла в мае 1991 года. 16 мая 1991 года было принято Постановление Верховного Совета РСФСР (*далее ВС РСФСР*) «Об основных началах устройства РСФСР (О Федеративном договоре)»¹³, в котором согласно 6 пункту признавалось право выхода АО из состава краев.

В связи с этим в мае 1991 года на 6-й сессии областного СНД был одобрен проект Закона РСФСР, предусматривающий выход из состава Хабаровского края. Согласно ст. 82 Конституции РСФСР областной СНД принял решение отправить проект Закона РСФСР в ВС РСФСР на утверждение в порядке законодательной инициативы. В ответ на это Президиум Хабаровского краевого СНД направил в Президиум ВС РСФСР обращение с просьбой отложить рассмотрение вопроса о выходе Еврейской АО из состава края до проведения референдума.

Недовольство населения, чье мнение принципиально игнорировалось в вопросе об отделении Еврейской АО от Хабаровского края, увеличивалось, и в результате в мае 1991 года районные СНД Еврейской АО выступили как «центры сопротивления» областным инициативам. Это был необычный прецедент, когда не общественные движения и организации, а районные СНД выступили как выразители мнения населения.

28 мая 1991 года Облученский районный СНД отметил, что решение областного СНД о выходе из состава Хабаровского края принято без учета мнения населения. Резкий и неподготовленный с нормативной точки зрения выход из состава края отрицательно отразится на социально-экономическом развитии района. Районный СНД требовал повторного обсуждения данного вопроса на сессии областного СНД, а также говорил о необходимости начать переговоры с руководством Хабаровского края для подготовки договора о социально-экономическом сотрудничестве и о разграничении властных полно-

¹² Нарутто С.В. Конституционно-правовой статус края как субъекта Российской Федерации: На примере Дальневосточного региона. М., 1997. С. 45.

¹³ Постановление ВС РСФСР от 16.05.1991 № 1247-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 770.

мочий. В противном случае районный СНД угрожал провести внеочередную сессию с постановкой вопроса о переходе Облученского района в юрисдикцию Хабаровского края¹⁴.

В июне 1991 года Смидовичский районный СНД отправил в ВС РСФСР протокол районной комиссии с результатами опроса населения области от 22 июня 1991 года, согласно которому 97,6 % граждан района высказались за сохранение района в составе Хабаровского края¹⁵. Позднее, 27 июня 1991 года Ленинский районный СНД также выразил свое несогласие с выходом Еврейской АО из состава Хабаровского края¹⁶.

Из-за сопротивления населения и районных СНД руководство Еврейской АО вновь не смогло выйти из состава Хабаровского края и стать самостоятельным субъектом. Этот факт был отражен в поправках в Конституцию РСФСР от 3 июля 1991 года¹⁷, закрепивших то, что все АО, кроме Еврейской АО, стали ССР в составе РСФСР.

В октябре 1991 года начался третий этап противостояния. На 25 октября было решено собрать 8-ю сессию областного СНД с целью принять решение в пользу создания Еврейской Автономной Республики (*далее Еврейской АР*). В ответ на это снова активизировались районные СНД.

23 октября 1991 года Ленинский районный СНД выразил свое несогласие с постановкой вопроса по образованию Еврейской АР и потребовал снять вопрос с повестки предстоящей сессии областного СНД, угрожая выходом из состава Еврейской АО¹⁸.

24 октября 1991 года Смидовичский районный СНД также потребовал снять с повестки вопрос об образовании Еврейской АР. Аналогично с Ленинским районом предполагалось в случае игнорирования требований районных СНД собрать внеочередную сессию с постановкой вопроса о выходе из состава Еврейской АО и присоединении к Хабаровскому краю¹⁹.

Несмотря на эти угрозы, 25 октября 1991 года на 8-й сессии областного СНД была принята Декларация о государственно-правовом статусе Еврейской АО (за высказались 57 депутатов, против – 27, воздержались – 4)²⁰. Областной СНД решил обратиться в ВС РСФСР с целью утвердить решение о повышении статуса Еврейской АО.

¹⁴ Решение Президиума Облученского районного СНД от 25.05.1991 «О решении сессии областного СНД «о поправках к Закону РСФСР «О Еврейской АО» // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1 Д. 11. Л. 51.

¹⁵ Протокол районной комиссии (Смидовичский район) по проведению опроса населения о результатах голосования // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 80.

¹⁶ Решение Ленинского районного СНД от 27.06.1991 «О выходе ЕАО из состава Хабаровского края» // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 81.

¹⁷ Закон РСФСР от 03.07.1991 № 1540–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 935.

¹⁸ Решение Ленинского районного СНД от 23.10.1991 «О государственно-правовом статусе области» // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

¹⁹ Решение Смидовичского районного СНД от 24.10.1991 «О повышении государственно-правового статуса Еврейской АО» // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.

²⁰ Отчет о командировке в г. Хабаровск и Еврейскую АО // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.

Грубое игнорирование мнения населения и решений районных СНД вызвало всплеск недовольства. 1 ноября 1991 года Октябрьский районный СНД выразил свое несогласие с решением областного СНД и начал подготовку документов для обжалования этого решения в Верховном и Конституционном судах РСФСР²¹. С целью поддержки решений Октябрьского района 5 ноября 1991 года аналогичное решение принял Сидовичский районный СНД²².

Одновременно с этим в конце октября – начале ноября 1991 года президенту РСФСР были отправлены десятки телеграмм от трудовых коллективов и жителей районов с выражением несогласия с решением областного СНД, просьбой не допустить одобрения этого решения и требованием провести референдум²³.

ВС РСФСР долго откладывал окончательное решение вопроса о повышении статуса Еврейской АО. Важное значение имело вмешательство в происходящее Госкомнаца РСФСР, группа экспертов которого работала в Хабаровском крае с 28 ноября по 6 декабря 1991 года. В отчете группы отмечалось, что областной СНД проигнорировал требование населения о проведении референдума и его депутаты не проводили никакой разъяснительной работы с гражданами²⁴.

Группа выявила основные аргументы сторонников и противников повышения статуса Еврейской АО. Основные аргументы сторонников создания Еврейской АР: «ЕАО – аппендицит Хабаровского края. Повышение статуса области дает самостоятельность в определении стратегии... область... потеряла... самостоятельность... превратилась в сырьевой придаток... Повышение статуса привлечет внимание со стороны союзных республик и стран мира. ЕАО – это и национальная автономия... и она имеет право на существование... права республики дают дополнительные возможности для развития еврейской культуры...»²⁵

Основные аргументы противников создания Еврейской АР: «Вопрос о республике нужен областной номенклатуре. Он не дает никаких реальных благ трудящимся... населению области. Сейчас приходят новые экономические отношения... Только экономика может двинуть нас к прогрессу, а не исключительность статуса области... слова Б.Н. Ельцина из его обращения к народам России, где он говорил, что “главным же критерием для решения подобных вопросов должна быть воля граждан... выраженная путем референдума”... многие жители считают, что сессия областного Совета 25.10.1991 г. приняла решение... в обход мнения народа».

²¹ Решение Октябрьского районного СНД от 1.11.1991 «О решении областного СНД от 25.10.1991 «О преобразовании ЕАО в Еврейскую АР» // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 33–34.

²² Решение Сидовичского районного СНД от 5.11.1991 «О решении областного СНД ЕАО от 25.10.1991 «О государственно-правовом статусе ЕАО» // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 37.

²³ Телеграммы от трудовых коллективов и жителей ЕАО // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 53–68.

²⁴ Отчет о командировке в г. Хабаровск и Еврейскую АО // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

²⁵ Там же. Л. 29–30.

Группой была проведена работа по подборке мнений жителей Еврейской АО из газеты «Биробиджанская звезда» за ноябрь 1991 года. На страницах газеты местные жители писали: «/1/ ...республика нужна вам, господа депутаты, для того, чтобы выйти из состава РСФСР и обеспечить плацдарм для Израиля на Дальнем Востоке.../2/ я покину свое жилье, землю и уйду за кордон этой “республики” с тем, чтобы прийти сюда, но в другой форме.../3/...ради каких евреев мы будем создавать республику?... /4/ ...Не отделится ли Республика от России?...»²⁶.

В своем отчете группа Госкомнаца РСФСР не только указала на необходимость провести широкую разъяснительную работу среди населения Еврейской АО, но и предложила отложить рассмотрение в ВС РСФСР вопроса о статусе Еврейской АО до выяснения мнения населения путем опроса или референдума²⁷.

К сожалению, ни работы с населением, ни референдума проведено не было. Важно, что еще 25 октября 1991 года был подписан Указ Президента РСФСР²⁸, который в косвенной мере отразил признание самостоятельности Еврейской АО. В Указе напротив фамилии представителя президента РСФСР в Еврейской АО было написано «Еврейская АО» без указания подчиненности к Хабаровскому краю – в то время как следующий представитель для Ненецкого автономного округа обозначался как представитель «Ненецкого автономного округа Архангельской области» с четким указанием подчиненности.

14 декабря 1991 года президент РСФСР назначит своим Указом Главу администрации Еврейской АО²⁹ (что еще раз показывает отношение руководства РСФСР к Еврейской АО как к самостоятельному субъекту). 31 марта 1992 года Еврейская АО подписала Федеративный договор с Россией на правах самостоятельного субъекта, но без республиканского статуса.

В процессе исследования автор статьи столкнулся с проблемой оценки правомерности выхода Еврейской АО из состава Хабаровского края не только с точки зрения того, что мнение жителей АО не было учтено, но и с юридической точки зрения (юридическая неправомерность этого выхода). В большинстве информационных и научных изданий, в которых описывался процесс обретения самостоятельности Еврейской АО от Хабаровского края, часто встречалась следующая фраза (общий вид): «Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР ЕАО была выделена из состава Хабаровского края в самостоятельный субъект Российской Федерации. Позднее (29.10.1991 г.) областным Советом ЕАО была принята Декларации о государственно-правовом статусе Еврейской автономной области»³⁰.

²⁶ ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 30–31.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Указ Президента РСФСР от 25.10.1991 № 159 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1477.

²⁹ Указ Президента РСФСР от 14 декабря 1991 г. № 281 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 51. Ст. 1838.

³⁰ Еврейская автономная область: энциклопедический словарь / ДВО РАН. Ин-т комплекс. анализа регион. проблем, Правительство ЕАО; [отв. ред.: В.С. Гуревич, Ф.Н. Рянский]. Биробиджан; Хабаровск, 1999.

Проблема заключается в том, что, во-первых, не было принято никакого Постановления Президиума ВС РСФСР, которое утверждало бы решение областного СНД от 25 октября 1991 года о повышении статуса Еврейской АО и о преобразовании ее в Еврейскую АР (согласно ст. 82 Конституции РСФСР такое решение утверждалось и оформлялось только ВС РСФСР). Во-вторых, сама «Декларация о государственно-правовом статусе Еврейской автономной области» имеет датировку не 29 октября 1991 года, а 25 октября 1991 года (на что имеются многочисленные указания в архивных документах³¹). Если в отношении даты может иметь место простая ошибка, то в отношении т. н. «Постановления Президиума ВС РСФСР» мы имеем большую юридическую и концептуальную проблему.

Подтвердить существующие несоответствия между реальным состоянием юридического признания Еврейской АО на конец 1991 года и сформированным «коллективным мифом» мне помогла работа Б.Г. Хачатуряна, в которой автор также обратил свое внимание на это несоответствие³².

В частности, в работе указывалось: «Несколько иную интерпретацию дает В.А. Каштанюк, которая пишет, что «...СНД ЕАО не принимал решения об изменении государственно-правового статуса области, о ее выходе из административного подчинения Хабаровскому краю. Однако 05.04.1991 г. СНД РСФСР признал право автономных областей и автономных округов на выход из состава краев и областей. На наш взгляд, первоначально “самостоятельность” ЕАО была оформлена Федеративным договором от 31.03.1992 г., а юридически – Конституцией РФ 1993 г. Эти выводы ближе к истине»³³.

Стоит отметить, что утверждение В.А. Каштанюк о том, что областной СНД не принимал решение об изменении государственно-правового статуса АО, является скорее ошибочным, поскольку исходя из вышеуказанных ранее в статье сведений мы понимаем, что областной СНД не только неоднократно принимал решения о провозглашении республики (принятие «Декларации...», тем самым заявляя на повышение статуса и на отделение от Хабаровского края), но и отправлял проекты Законов РСФСР в ВС РСФСР с целью утвердить эти инициативы.

Однако общий вывод Б.Г. Хачатуряна и В.А. Каштанюк о том, что до заключения Федеративного договора в марте 1992 года самостоятельность Еврейской АО не была юридически закреплена, является верным. С точки зрения права АО была неправомерно «вырвана» из состава Хабаровского края (назначение представителей Президента РСФСР или назначение главы АО не является способом «легитимизации» самостоятельности субъекта) и до марта 1992 года, очевидно, ее статус был «подвешенный», но «признанный» руководством РСФСР.

³¹ Решения районных СНД; Отчеты Госкомнаца РСФСР и др. // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 25, 28, 34, 37, 45–46, 53, 57.

³² *Хачатурян Б.Г.* Уставное право Хабаровского края. Научное и учебное издание. Хабаровск, 2017; а также статья *Каштанюк В.А.* Антиобеднительные тенденции в отношении политики укрупнения регионов Дальнего Востока РФ // Региология Regionology. 2014. № 1. С. 19–20.

³³ *Хачатурян Б.Г.* Уставное право Хабаровского края. С. 29.

Спорное и конфликтное состояние Еврейской АО ощущалась в конце 1991 года и проявилось в любопытном конфликте представителя Президента РСФСР в Еврейской АО (И.Д. Нехин) с Госкомнацем РСФСР в декабре 1991 года³⁴. 10 декабря 1991 года газета «Светлый путь» (Еврейская АО) опубликовала заметку Б. Соболева «Республики не будет»: в заметке утверждалось, что один из сотрудников Госкомнаца РСФСР, ранее находившийся в командировке в Еврейской АО, обвинял руководство АО в попытке проигнорировать мнение населения АО и «продать» нужное номенклатурное решение о самостоятельности Еврейской АО.

20 декабря 1991 года И.Д. Нехин написал в Госкомнац РСФСР и потребовал объяснений по этим высказываниям. 28 декабря 1991 года Госкомнац РСФСР указал Нехину, что задача сотрудника была в изучении мнения населения АО, а не оценка деятельности руководства АО. В объяснительной записке самого сотрудника указывалось, что на всех совещаниях во время командировки он имел нейтральную позицию и что утверждения автора статьи «Республики не будет» являются недействительными, поскольку на совещаниях, где присутствовал сотрудник, также присутствовали представители руководства Еврейской АО, и в таком случае странно, почему они сразу не отреагировали на возможные оскорбления.

В этом небольшом эпизоде примечательно то, что, скорее всего, это могла быть провокация с целью дискредитировать деятельность Госкомнаца РСФСР (активного сторонника референдума в Еврейской АО) перед руководством РСФСР. И стоит отметить, что претензию к Госкомнацу РСФСР высказали не руководители Еврейской АО, а представитель президента РСФСР, что достаточно странно, ведь если бы неподобающие высказывания в отношении руководства Еврейской АО действительно были, то руководство АО само обратилось бы за разъяснениями, а этого не произошло.

Не менее важно и то, что этот конфликт явственно говорит о том, что назначение представителя президента РСФСР в Еврейскую АО осенью 1991 года было не только символическим, а совершенно четким административно-политическим шагом. Представитель президента РСФСР активно отстаивал позицию областного СНД с целью «продать» решение о самостоятельности Еврейской АО.

В результате Еврейская АО стала единственным субъектом РСФСР, в котором население не одобрило повышение статуса и самостоятельность. Нежелание людей провозглашать республику имело под собой несколько причин:

1) малая численность «титульного» еврейского населения (96 % населения русские, 3 % евреи) – это неминуемо ставило вопрос о целесообразности создания «национальной республики». Еврейская АО была не единственным субъектом России, в котором на тот момент местное титульное население было в меньшинстве (менее 25 %) по отношению к русским: Башкирская ССР (21 % башкир), Бурятская ССР (24 % бурят), Карельская ССР (10 % карел), Коми ССР (23 % коми), Хакасская ССР (12 % хакасов), однако настолько сильная разница (96 и 3 %) была феноменальной;

³⁴ Переписка Госкомнаца РСФСР с Представителем Президента РСФСР в ЕАО по вопросу правомерности высказываний одного из сотрудников Госкомнаца РСФСР // ГА РФ. Ф. 10121. Оп. 1. Д. 11. Л. 20–24.

2) в условиях распада СССР многие люди воспринимали провозглашение республики как «соучастие» в ослаблении и разрушении единой страны, шаг к выходу из ее состава. Такое восприятие было закономерным, поскольку «парад суверенитетов СССР» фактически привел к его распаду, и аналогичный «парад суверенитетов РСФСР» мог привести к тому же;

3) страх русского населения Еврейской АО оказаться в «плёну национальной территории». В 1991 году внутри СССР достигли апогея все деструктивные, сепаратные явления: один за другим вспыхивали этнические конфликты, с конца 1980-х годов русское население на территориях других союзных республик и в самой РСФСР все чаще подвергалось гонениям. В этих условиях русское население имело все причины опасаться националистических тенденций в «новосозданных республиках»;

4) экономическая слабость Еврейской АО делала ее крайне зависимой от сложившихся связей с Хабаровским краем;

5) руководство Еврейской АО хотело без участия населения решить вопрос о создании республики. Исходя из ранее вышесказанного, перед нами встает картина полного игнорирования требований населения. Столь активное препятствование идеи референдума по вопросу о повышении статуса Еврейской АО явно говорило о том, что руководство АО считало, что на референдуме люди могут проголосовать против их инициатив.

При этом важно, что, выступая против повышения статуса и самостоятельности, население и районные СНД требовали референдум, который, по их мнению, и должен был раз и навсегда решить эти вопросы. В этом плане население и районные СНД показывали значительно более компромиссную позицию (готовность провести референдум) в отличие от областного СНД (принципиально отвергавшего идею референдума).

Почему же руководство Еврейской АО так стремилось повысить статус субъекта и получить самостоятельность? Причин могло быть несколько:

1) получение Еврейской АО финансовой независимости. Это декларировалось прежде всего как способ выбрать самостоятельную экономическую стратегию для своего региона и быть независимым от решений руководства Хабаровского края;

2) статус республики мог привлечь внимание международного сообщества и зарубежные инвестиции. Предполагалось воссоздать идею о «втором национальном государстве евреев» и привлечь в Еврейскую АО значительные денежные средства. Эта идея выглядела бесперспективно на фоне массового оттока еврейского населения из Еврейской АО;

3) Номенклатурные интересы: обладание собственной структурой власти и возможность продвигать в ней свои интересы в условиях новой России. Руководство Еврейской АО видело в повышении статуса АО реальную возможность обрести больший политический вес внутри страны, став частью новой политической элиты (руководителями самостоятельного региона).

Решение по Еврейской АО принималось руководством РСФСР мучительно долго. Проблема была в том, что ситуация в Еврейской АО до конца 1991 года не имела «выгодного решения» для руководства РСФСР. С одной стороны, согласие на создание республики означало бы игнорирование мнения населения и конфронтацию с руководством Хабаровского края (и потенциально с другими регионами – потому что к осени 1991 года ситуация выглядела так, что руководство РСФСР хоть и косвенно, но насильно «отрывает»

Еврейскую АО от Хабаровского края, что явно не могло понравиться другим краям, над которыми могла возникнуть аналогичная угроза «административно-территориального передела»).

С другой стороны, согласие на референдум могло привести к нежелательному прецеденту: население Еврейской АО могло не только отказаться от повышения статуса (что уже было бы прецедентом в эпоху «парада суверенитетов»), но и пожелать присоединиться к Хабаровскому краю. Это повлекло бы за собой еще один опасный прецедент – прямое территориальное изменение субъектов. Погрязнуть в территориальных спорах (много где завязанных на этнических отношениях) для РСФСР в то время было бы фатально, с учетом того, что ряд подобных прецедентов уже имелся (правда, без санкции руководства РСФСР) – в т. ч. ряд конфликтов на Северном Кавказе.

В итоге повторимся, что только в результате подписания Федеративного договора в марте 1992 года самостоятельность Еврейской АО была утверждена (без республиканского статуса) и окончательно закреплена новой Конституцией России 1993 года. Однако, как уже было написано ранее, фактическое признание независимости Еврейской АО со стороны руководства РСФСР началось еще осенью 1991 года (с назначения представителя Президента РСФСР в Еврейскую АО).

Несмотря на внешний компромиссный характер, решение руководства РСФСР о признании самостоятельности Еврейской АО игнорировало основные претензии населения, поскольку оно выступало не только против повышения статуса АО, но и против самостоятельности субъекта. Вопреки всему, что происходило в это время в стране, население требовало референдум, на котором вполне возможно население выступило бы против самостоятельности.

Подводя итог, следует сказать, что основная цель статьи была показать уникальный прецедент в истории нашей страны, необычный для той эпохи. Раскрывая проблемы принятия решения о самостоятельности Еврейской АО в 1990–1991 годах, можно увидеть корни многих современных проблем Еврейской АО и попытаться найти способ их разрешения с учетом исторической специфики региона.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ РЕФОРМА 1837 г. В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Плех Олеся Анатольевна, к.и.н.

(Институт российской истории Российской академии наук)

В первой половине XIX в. деятельность местных учреждений, осуществлявших административно-полицейские функции, базировалась на Учреждении о губерниях 1775 г. Преобразования, касавшиеся этой сферы управления, в целом были немногочисленны, в основном носили частный характер и не сопровождались коренными изменениями устоявшегося порядка. 3 июня 1837 г. было высочайше утверждено пять законоположений¹, вступавших в силу с 1 января 1838 г. и имевших целью, во-первых, ввести «правильнейший и удобнейший порядок» в деятельности гражданских губернаторов и губернских правлений, во-вторых, предложить меры «для лучшего, сообразнейшего с умножившимся народонаселением устройства земской полиции»².

Комплекс этих мероприятий, который мы условно определяем как административно-полицейская реформа, довольно хорошо известен исторической науке³. В настоящем исследовании предпринимается попытка отразить реакцию местного общества на изменения в деятельности полицейских учреждений. Источником послужили материалы, сохранившиеся в фонде III Отделения С.Е.И.В.К. Государственного архива Российской Федерации (ф. 109). Речь идет о донесениях губернских штаб-офицеров: в нашем распоряжении оказались материалы, представленные в феврале 1839 г. на рассмотрение шефа жандармов А.Х. Бенкондорфа начальником 2-го округа корпуса жандармов генерал-майором С.В. Перфильевым⁴.

¹ «Общий наказ гражданским губернаторам», «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях», «Положение о земской полиции», «Наказ чинам и служителям земской полиции», «Положение о земской почте». См.: ПСЗ–2. Т. 12. Отд. 1. № 10303–10307.

² ПСЗ–2. Т. 12. Отд. 1. № 10303. С. 361.

³ См, например: *Анучин Е.Н.* Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб., 1872; *Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел: [в 7 т.]. Ч. III, кн. 2. СПб., 1862; *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие: к 75-летию Ист.-арх. ин-та. М., 2006; *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. М., 1998; *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. СПб., 2002; и др.

⁴ См.: О суждениях и толках в обществах на счет преобразования губернских правлений и земской полиции (1839 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44.

В 1838 г., когда «новые постановления» вводились в практику местного управления, в центр начали поступать частные донесения, сообщавшие о том, что в провинции эти мероприятия стали предметом оживленных разговоров. Перфильев по всем подотчетным ему губерниям потребовал от губернских штаб-офицеров «обстоятельно» уведомить его «о суждениях и толках в обществах насчет нового образования губернских правлений и земской полиции», а также представить собственное их мнение о «пользе и удобстве или затруднениях», которыми сопровождалось внедрение нововведений⁵. Сбор сведений производился в пределах 2-го округа корпуса жандармов, в который входили губернии Центральной России (Московская, Тверская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Тульская, Рязанская, Калужская, Орловская, Смоленская). Ввиду специфики деятельности жандармов на местах поступившие к Перфильеву сведения, в первую очередь, отражали взгляд чиновничества и дворянства.

Стремление верховной власти приступить к решению давно назревших проблем и упорядочить деятельность административно-полицейских учреждений, конечно, получило общее одобрение и воспринималось с воодушевлением. Однако при обсуждении конкретных мероприятий основное внимание было обращено на выявление недостатков нового устройства, которые, как представлялось многим, нивелировали положительный эффект предпринятой реорганизации. Отметим, что негативную оценку давали главным образом чиновники, полагая, что «по новому положению, производство дел не упрощено, но затруднено для исполнения по всем частям»⁶. Однако лица, не связанные долгом службы, либо те, кого напрямую изменения не коснулись, положительно отзывались о реформе. В частности, указывалось, что в принятых законах «обязанности мест и лиц губернского и земского управлений определены с большою точностию, нежели были прежде»⁷. Попытаемся выделить общие по всем губерниям суждения и замечания относительно изменений, предпринятых по каждому из учреждений.

«Наказ губернаторам» официально объявлял губернатора «хозяином губернии» и возлагал на него «высший надзор за скорым отправлением правосудия и немедленным исполнением всех законных постановлений и требований»⁸, однако его полномочия оставались прежними и явно недостаточными, чтобы в полной мере «охранять святость законов» и оказывать влияние на судебное и казенное управление (в первую очередь, речь шла об уголовной, гражданской и казенной палатах). При обсуждении этого положения подчеркивалось, что объем обязанностей начальника губернии чрезвычайно обширен, а ввиду поручения еще и «высшего надзора» он будет подвержен гораздо большей ответственности за состояние местного управления. В данном случае полезным признавалось «дать ему силу и власть охранять святость законов, не касаясь решения дел, но в самом ходе их, и не в одних только уезд-

⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 29.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 19 об.

ных, но и во всех без исключения губернских судебных и правительственных местах»⁹.

В связи с усилением ответственности за состояние вверенного края особое внимание привлекли и новые правила передачи управления губернией преемнику. Вводилась следующая процедура: губернатор, оставлявший должность, обязан был представить подробный и точный отчет о состоянии губернии, а вновь назначенный губернатор – произвести ревизию и представить в донесении на имя императора свой отчет о том, в каком положении принята губерния. При этом до окончания передачи дел губернатору запрещалось покидать губернию. Для министерства эта процедура воспринималась не только как возможность усиления контроля за местной администрацией, но и как мера противодействия фальсификации отчетной документации. Сами губернаторы, конечно, прекрасно понимали намерения правительства и опасались негативных последствий. Однако прямо этого не высказывали, но сетовали на то, что одни, назначаемые им на смену, лица могут по своей неопытности «принять самые обыкновенные и неизбежные случайности за важные упущения» и выставить их в таком виде во всеподданнейшем донесении¹⁰, другие же – нарочно «из личностей или недоброжелательства» захотят представить управление предместника в самом дурном виде «и тем помрачить [их] репутацию», чтобы впоследствии иметь возможность уже в своих отчетах указать, что «в губернии ими приведено все в надлежащий порядок»¹¹.

При обсуждении нового устройства губернских правлений высказывались опасения, что оно не достигнет цели упорядочения и сокращения документооборота. Связывалось это с тем, что, с одной стороны, усложнялись правила делопроизводства, подробно регламентировался порядок составления документов, вводилась строгая отчетность, что, конечно, не должно было оставить ни одну бумагу «без движения», но с другой – не предполагалось увеличение штата канцелярии, что на практике не позволяло своевременно давать должное направление к исполнению поступающих бумаг с соблюдением всех установленных правил¹². Более того, отмечалось, что «распределение дел в губернском правлении составлено не по роду их и не по силам чиновников»¹³. Речь шла о том, что в составе учреждения выделялось четыре отделения, но только в первом, возглавляемом вице-губернатором, полагалась должность секретаря, в прочих же, действовавших под руководством советников, организация делопроизводства возлагалась на столоначальников. Такое внутреннее устройство могло быть полезным лишь в том случае, если бы все советники были «люди совершенно знающие законы и дело, и умеющие сами писать всякие распоряжения, не вверяя того столоначальникам и не отвлекая с их последних от своих существенных трудов и обязанностей»¹⁴. Однако, учитывая сложившиеся традиции управления, когда составление бумаг полностью вверялось канцелярии, и низкий уровень квалификации местных служащих,

⁹ Там же. Л. 20 об.

¹⁰ Там же. Л. 31.

¹¹ Там же. Л. 24 об.

¹² Там же. Л. 4, 11, 26 об., 33 об.

¹³ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁴ Там же. Л. 21–21 об.

в том числе и советников, отмечалось, что правильность и успешность в производстве дел будут зависеть единственно «от ума и произвола едва знающих еще гражданскую службу столоначальников»¹⁵.

Особое беспокойство на местах вызывал статус вице-губернатора и советников губернского правления, что по сути вылилось в рассуждения по поводу престижности и значения этих должностей в системе местного управления. Указывалось на то, что «звание нынешнего вице-губернатора против прежнего унижено: меньшим окладом жалованья, неимением от казны помещения, или квартирных денег, и совершенною зависимостью от лица губернатора»¹⁶. Согласно новым правилам, «по роду дел и занятий» вице-губернатор ничем особенно не отличался от других советников губернского правления¹⁷.

Отмечалось, что, с одной стороны, вице-губернаторы объявляются помощниками и первыми заместителями губернатора в его отсутствие, но с другой – они не имеют о большей части дел, относящихся до начальника губернии, никакого представления, а более того, «при нынешних правах имеют вес в губернии столь незначительный, что при временном управлении губернией не могут иметь на оную надлежащего влияния, между тем как прежние вице-губернаторы, управляя постоянно отдельною частью, имели всю возможность распоряжения своими доказать свои достоинства и, имея непосредственное влияние на часть управления губернией, всегда имели значительный вес»¹⁸. Высказывались предположения, что гораздо полезнее для всей системы местного управления было бы предоставить вице-губернатору, как второму лицу в губернии, соответствующий статус: освободив от «заведывания» отделением, наделить его, по примеру прочих палат, полномочиями по общему управлению губернским правлением и правом совместно с советниками решать «маловажные» дела¹⁹. Эта мера способствовала бы и снижению нагрузки на губернатора.

Относительно статуса советников губернского правления указывалось, что они «не имеют того значения и достоинства, в каком поставлены законом, а более уподобляются секретарям и столоначальникам, ибо они сами производят дела, составляют доклады и заключения, сами докладывают и сами же выслушивают, решают и исполняют оные, ответствуя по канцелярии на том же основании, как и столоначальники за все беспорядки»²⁰. В данном случае вполне правомерно было отмечено, что такой порядок их деятельности противоречит принципу коллегиальности, на котором должно было основываться губернское правление. Кроме того, представлялось несправедливым назначение меньшего размера жалованья советников губернского правления по сравнению с окладами советников уголовной и гражданской палат²¹.

Пожалуй, наибольшую дискуссию на местах вызвала реорганизация земской полиции. Попытаемся выделить основные проблемы, на которые ука-

¹⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44. Л. 21 об.

¹⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁷ Там же. Л. 5.

¹⁸ Там же. Л. 32 об.

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 6 об, 22, 33 об.

зывало общественное мнение. Во-первых, упразднение выборных дворянских заседателей было воспринято благородным сословием как ущемление их корпоративных интересов. Подчеркивалось, что с уменьшением дворянского представительства, а вместе с этим и общественного контроля, служащие земской полиции получают больше возможностей для злоупотребления своим положением²². Особые опасения новый порядок вызывал у помещиков, которые считали, что в современных условиях, когда функционируют учреждения министерства государственных имуществ и земская полиция больше не имеет значительного влияния на казенных крестьян, а соответственно и возможности брать с них взятки, становые пристава непременно захотят возместить эти «убытки» за счет помещичьих крестьян, «в особенности в таких имениях, где не имеют жительства сами помещики»²³.

Во-вторых, должность станового пристава представлялась не просто малопривлекательной, а несоответствующей достоинству честного человека. Становому приставу, при низком классе должности (коллежский секретарь) с весьма скромным жалованьем, вверялся чрезвычайно широкий круг обязанностей, которые он должен был исполнять «собственно своим лицом», не имея ни помощников, ни канцелярии²⁴. При этом выделение станов производилось без учета особенностей местности и численности населения²⁵.

В-третьих, местопребыванием станового пристава назначалось одно из селений стана, откуда без специального разрешения от земского суда он мог отлучаться только для осмотра вверенной ему территории и проведения следствий²⁶. С одной стороны, жизнь в какой-нибудь деревне для способных и достойных чиновников была «не так приманчива», а с другой – наоборот, могла стать довольно удобной для тех, кто стремился к наживе и самоуправству. Этому благоволило то, что им предоставлялось право «производить словесное разбирательство и расправу в делах о краже, мошенничестве и всяком обмане на деньги или вещи, ценою не выше 10-ти рублей»²⁷. При таких условиях обособленная от земского суда служба без непосредственного надзора начальства предоставляла широкие возможности для злоупотреблений. Также высказывались опасения, что предприимчивые становые пристава, имея в своем распоряжении сотских и десятских и прочих жителей, легко смогут «употреблять их в свои работы и услугу»²⁸.

В-четвертых, в месте своего пребывания становой пристав должен был самостоятельно организовать ведение делопроизводства. Ему выделялась довольно скромная сумма на канцелярские расходы, за счет которой разрешалось нанять «по вольному соглашению» одного писца²⁹. Должность последнего не считалась в действительной службе и, соответственно, не приносила служебных преимуществ и не предполагала ответственности. В связи с чем

²² Там же. Л. 3, 7 об., 38, 39.

²³ Там же. Л. 39 об.

²⁴ Там же. Л. 2 об., 7, 17 об., 23, 26, 27 об., 34–34 об., 35–36.

²⁵ Там же. Л. 3, 10, 19, 27, 36 об., 40.

²⁶ Там же. Л. 13, 18 об.

²⁷ Там же. Л. 23, 26.

²⁸ Там же. Л. 7 об.

²⁹ Там же. Л. 13–14, 34 об.–35.

этот вопрос получил особенно бурное обсуждение. Справедливо указывалось, что среди поселян или людей свободного состояния отыскать грамотного человека было крайне сложно, а если таковой и находился, то едва ли обладал «должными познаниями и способностью» к канцелярской работе. Между тем становые пристава из-за своей загруженности не имели возможности самостоятельно заниматься бумагами и вынуждены были нанимать в писцы лиц, способных взять на себя не только ведение множества книг, составление разных срочных ведомостей, но и вообще все делопроизводство по канцелярии.

Единственными кандидатами, которые соглашались за мизерную оплату трудиться на таких условиях, были, как правило, лица «дурного поведения и безнравственности», исключенные из службы за пьянство и другие «предосудительные поступки»³⁰. По общему мнению, такие наемные писцы, «кроме приобретения корысти, ни наград, ни взысканий за упущения по службе в виду не имеют»³¹. Естественно, их нельзя было признать верными помощниками, а более того, им нельзя было доверять, поскольку вся ответственность за их действия ложилась на плечи их нанимателя. В подтверждение этого приводились уже имевшие место случаи, когда писцы попросту пропадали из канцелярий «приставов в самое нужное для них время», при этом унося с собой казенные бумаги³².

В-пятых, по общему суждению, несопоставимые с человеческими возможностями задачи станового пристава неизбежно будут сопровождаться упущениями по службе и привлечением к ответственности, что в конечном итоге заставит достойнейших и честных чиновников уклоняться от принятия на себя этого звания, а губернскому правлению придется назначать лиц неспособных и слабой нравственности. По свидетельству губернских штаб-офицеров, такая ситуация уже наблюдалась по большинству станов³³. В частности, служивший во Владимирской губернии подполковник Жадовский доносил: губернатор, не имея возможности замещать вакантные места людьми добросовестными, «вынужден кой кого определять, даже вовсе безграмотных, которые не знают дела, и даже затрудняются, как и приступить к начатию; чрез что надо ожидать, что все они будут преданы уголовному суду, а люди порядочные бегут в отставку, покамест еще есть возможность сдать дела»³⁴. Указывалось и на то, что при таких условиях службы и привлекать к ответственности представлялось не вполне справедливым³⁵.

В качестве необходимых мер высказывались предложения назначить станы «сообразно с обширностью и населением», повысить класс и оклад становых приставов, определить к ним «с приличным жалованьем» штатных помощника, письмоводителя и писцов, понимающих порядок следственных дел³⁶. Кроме того, предлагалось «снабдить земскую полицию о должности ее

³⁰ ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 14. Д. 44. Л. 13 об., 27.

³¹ Там же. Л. 2 об.

³² Там же. Л. 40.

³³ Там же. Л. 2 об., 7–8 об., 10–10 об., 12 об. – 13, 16 об. – 17 об., 23, 26, 27–27 об., 34–34 об., 35–36.

³⁴ Там же. Л. 27 об.

³⁵ Там же. Л. 36.

³⁶ Там же. Л. 2 об., 7 об., 9 об., 26 об., 36.

самою краткою, но ясною и внятною для каждого поселянина инструкцией, извлеченною из Свода Законов разных томов без ссылки на оные»³⁷. Повсеместно признавалось, что если не будут приняты соответствующие меры, то следовало бы вообще отказаться от реорганизации земских судов, оставив их на прежнем основании.

Следует отметить, что относительно земских судов почти все опасения, зафиксированные в жандармских донесениях, оправдались в ближайшие годы³⁸. Уже в 1840 г. император отметил то, что «с некоторого времени со всех сторон» поступают жалобы на станowych приставов и на вредное их влияние на дела земской полиции, и поручил повсеместно затребовать от губернаторов, предводителей дворянства и губернских штаб-офицеров сведения, «в чем действия сих чиновников оказываются вредными и несоответствующими ожиданиям правительства»³⁹. Собранные под непосредственным наблюдением Бенкендорфа сведения обнаружили, что «количество станowych приставов в уездах определено без всякого соображения с местными потребностями» (пространством уездов, количеством населения и проч.)⁴⁰.

По результатам рассмотрения всех материалов, поступивших с мест, правительство вынуждено было признать: «Полицейская власть, управление и охранение в уездах по необходимости вверяется ныне людям недостойным доверия и нередко с весьма вредными слабостями, коих они не умеют или даже вовсе не заботятся скрывать от состоящих под непосредственным их наблюдением черного класса людей, составляющих ныне, так сказать, единственное общество станowych приставов. Чиновники сии, по причине крайней своей бедности и притом почти все с недостатками нравственного образования, будучи удалены от городов и не приняты в порядочное общество дворян, проживающих в уезде, мало-помалу сами и их семейства сживаются с окружающими их поселянами, обнажают пред ними свои недостатки и слабости, теряют должное уважение к своему званию, а с тем вместе, что всего вреднее, открывают пред народом недостаточные средства правительства в административном управлении, чего при прежнем устройстве земской полиции не могло быть в такой степени, ибо избираемые от дворянства земские заседатели, хотя также не всегда соответствовали их назначению, но не имея постоянного местопребывания в уезде, временными своими наездами не могли столько выказать своих пороков»⁴¹. Красноречивее выразить результаты реформы уездной полиции, пожалуй, было бы трудно.

Подводя итог, отметим, что даже не самые значительные изменения в работе местных учреждений вызывали оживленное обсуждение и сопровождалось неоднозначными оценками последствий практической реализации нововведений. Далеко не все из них признавались полезными для системы управления и совершенно справедливо были отмечены многие недостатки реформы. При этом недовольство в среде чиновничества вызывало стрем-

³⁷ Там же. Л. 18 об.

³⁸ См.: О вредном влиянии станowych приставов на дела земской полиции (1841 г.) // ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. Оп. 15. Д. 61. Ч. 1–2.

³⁹ Там же. Ч. 1. Л. 9.

⁴⁰ Там же. Ч. 2. Л. 16.

⁴¹ Там же. Л. 17–18.

ление правительства к обеспечению строгого соблюдения законности и усилению отчетности должностных лиц без соответствующего материального обеспечения их службы, повышения окладов и поддержания престижности должностей. Сформировавшиеся к этому периоду устойчивые представления служащих о справедливости оплаты труда и ее соразмерности званию, уровню ответственности, объемам и сложности выполняемой работы во многом определяли их отношение к происходившим изменениям.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИНДИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АССОЦИАЦИИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КОМИНТЕРНА М.Н. РОЯ В ТАШКЕНТЕ В 1920–1921 гг.

*Рягузова Анна Викторовна
(Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского)*

Попытки Советской России создать Восточный фронт мировой революции в 1920–1921 годах все еще недостаточно изучены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Реальная (практическая) работа на местах (в Туркестане и в Закавказье) не получила достаточного освещения к настоящему моменту. Хотя именно по активности Коминтерна в приграничных государствах можно определить масштабы и степень реализации планов большевиков в Азиатских странах. Изучение архивных материалов позволяет продвинуться в изучении такой важной проблемы, как взаимодействие коминтерновских представителей с восточными националистами.

Приступая к созданию «антибританского фронта» в Азии, Коминтерн в 1920 г. создал Ближневосточное (Ташкентское) бюро, целью которого была подготовка социалистических революций в сопредельных Туркестану странах Востока. Одним из руководителей этого органа был назначен индийский коммунист Манабендра Натх Рой, деятельность которого привела к фактическому провалу антибританских операций Коминтерна на Среднем Востоке.

Работа М.Н. Роя в Ташкенте шла параллельно с деятельностью Индийской революционной ассоциации, филиал которой существовал на тот момент в этом городе с лета 1920 г. Ассоциация была создана в Кабуле в начале 1920 г., возглавлявшим ее Абдур Раб Баргом и Тимуралом Ачарией¹.

В Кабуле Ассоциация действовала всего несколько месяцев. Ее целью была подготовка революционных кадров, установление контактов с национально-освободительным движением в Индии и в конечном счете установление в Индии независимого государства². В эту организацию входили люди, значительно отличающиеся друг от друга как по уровню культурного и политического развития, так и по социальной принадлежности.

В июне 1920 г. афганское правительство под давлением англичан членов Ассоциации выслало из Кабула в Ташкент. Среди высланных были глава Ассоциации Абдур Раб, два его секретаря, 12 дезертиров из английской армии,

¹ Персиц М.А. Революционеры Индии в Стране Советов: У истоков индийского коммунистического движения (1918–1921) / АН СССР. Ин-т междунар. рабочего движения. М., 1973. С. 47.

² Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М. Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. М., 1978. С. 56.

а также значительное количество мелких торговцев и ремесленников. Кроме указанных лиц, в группе были два представителя белуджских племен. Подавляющее число членов Ассоциации, высланной из Кабула, кроме Ачарии, являлись мусульманами, многие из них были неграмотны³.

В середине лета 1920 г. члены Ассоциации во главе с Абдур Рабом прибыли в Ташкент, где им была устроена торжественная встреча. В июле 1920 г. группа Абдур Раба объединилась с Индийской секцией Совета интернациональной пропаганды (Совинтерпроп), сохранив определенную самостоятельность⁴. Эта организация и ее работники занимались налаживанием каналов связи с восточными странами, сопредельными для Российского Туркестана, проводили агитационную деятельность в Бухаре и Персии, сотрудничали с иранской партией «Адалет», имевшей 35 отделений в Средней Азии. В Ташкенте абдурабавцев ждало разочарование, т. к. Совинтерпроп не уделял организации «закордонной» деятельности должного внимания, в связи с нехваткой средств, а также потому, что его сотрудники не имели опыта такой работы⁵.

Ассоциация, оказавшись в Ташкенте, несмотря ни на что рассчитывала на помощь Москвы и Коминтерна в подготовке «революции» против английских колонизаторов. В августе Абдур Рабом была разработана «Политическая программа Индийской революционной Ассоциации». В этом документе главной целью провозглашалось необходимость ликвидировать «постыдное иностранное господство и учредить вместо него независимое национальное правительство»⁶. В программе говорилось, что «освобождение Индии может быть достигнуто не иначе, как путем объединения сотрудничества всех угнетенных наций против общего врага человечества – “Британского” империалистического правительства».

Как и многие другие документы революционных эмигрантских групп, программа предполагала освобождение Индии при помощи внешних сил. Она явно преувеличивала значение освобождения Индии для международного революционного движения и мировой революции, заявляя, что «индийский вопрос не является национальным, он представляет собой вопрос международный».

С объединением Революционной Ассоциации и секции Интерпропа, а затем приездом Роя возник центр индийской революционной эмиграции в Ташкенте, в котором вскоре начались серьезные разногласия.

Главные разногласия были не столько в целях и программах этих органов, сколько в личных претензиях к друг другу. В одной из телеграмм Туркбюро от 11 марта 1921 г. говорилось, что разногласия связаны с тем, что программа группы Роя и Мукерджи в точности соответствует директивам II конгресса Третьего Интернационала, тогда как группа Абдур Раба занимается лишь

³ Персиц М.А. Указ. соч. С. 48.

⁴ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 58.

⁵ Кудухов К.С. Организационная структура и главные направления деятельности Туркестанского бюро Коминтерна в начале 1921 г. / К.С. Кудухов // Про пунс. 2011. № 1 (10). С. 186.

⁶ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 59.

«панисламистской пропагандой», а не коммунистической⁷. Сам Рой в одном из своих писем В.И. Ленину писал, что индийский народ сможет объединиться только на «экономической почве» и выступить частью мировой революции вместе с Коммунистическим Интернационалом, не опираясь на проповеди национально-религиозных проповедников и всяческие предрассудки⁸. Абдур Раба он считал «сомнительным персонажем», который лишь саботирует всю работу «интригами или другими средствами антикоммунистической и религиозной пропаганды»⁹. Мукерджи, сообщая Рою об обстановке в Ташкенте в его отсутствие, писал, что не желает работать с Абдур Рабом, считая его «английским шпионом» и провокатором¹⁰. Сам Мукерджи даже был готов покинуть Ташкент, если Коминтерн «нас заставит работать совместно с этими двумя людьми»¹¹.

В действительности многое из того, что Рой должен был брать в расчет как человек, на которого была возложена вся индийская работа в Ташкенте, он по какой-то причине не замечал. Т. Ачария не без основания обвинял его в том факте, что Рой не считался с теми индийскими революционерами, которые были на стороне «некоммунистической» или «националистической», даже если они принадлежали к «интеллигенции и военным кругам Индии»¹². В свою очередь Рой обвинял индийских эмигрантов в следующем: «...находясь под нездоровым влиянием, они отказались выполнять какую бы то ни было работу, кроме Индусской революционной работы. Некоторые интриганы говорили, что их отдают в рабство, что их заставляют делать черную работу, потому что они не коммунисты, что никто, кроме коммунистов, не встретит поддержки и сочувствия со стороны России»¹³. Он подчеркивал, что желает сделать из эмигрантов скорее не коммунистов, а «хороших революционеров с ясным пониманием задач»¹⁴.

Тем, кто не хотел получать политическое образование, было предложено отправиться на работу, для того чтобы прекратить вести «паразитарный образ жизни», ожидая помощи от России.

От имени Туркбюро индийским эмигрантом было обещано, что как только они пойдут на работу, им будут выделены продовольственные пайки, организованы классы, лекции, читальни и т. д., чтобы помочь им выжить в трудных условиях и способствовать их умственному и политическому развитию. Также было обещано, что после нескольких часов ежедневной работы эмигранты получают необходимую теплую одежду, удобное помещение, и все, что необходимо для революционного и политического воспитания. Планиро-

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 68. Д. 1. Л. 14.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 5. Л. 1а.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 119.

¹¹ Там же. Л. 119 об.

¹² Там же. Д. 8. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 4. Л. 1 об. – 2.

¹⁴ Там же. Л. 2.

валось, что если вести работу по этому пути, то через полгода Туркбюро будет располагать некоторым числом хорошо подготовленных революционеров¹⁵.

Ассоциация и Ревком, во главе с М.Н. Роем, по-разному определяли характер, предстоящей в Индии революции, и способы ее организации. Рой от имени Коммунистической партии Индии (КПИ) в Ташкенте считал эту революцию – социалистической, а Абдур Раб, глава индийской революционной ассоциации, проповедовал противоположные принципы, считая, что на их родине возможна лишь политическая революция, т. е. национально-освободительная.

Рой всеми мерами старался лишить индийскую революционную ассоциацию, функционировавшую в Ташкенте до его приезда, какой-либо самостоятельности, чтобы монополизировать «индусскую работу». С этой целью им был создан индийский революционный комитет в Ташкенте. В него для придания представительности 18 декабря 1920 г. был кооптирован Абдур Раб Барг, но это не меняло сущности тактики М.Н. Роя, стремившегося любой ценой развалить Индийскую революционную ассоциацию¹⁶.

В ноябре 1920 г. индийские коммунисты разработали проект программы Временного центрального революционного комитета (Ревком) и 1 декабря опубликовали его. Проект программы содержал, в общем, те же установки Роя на непосредственную социалистическую революцию. В документе было сказано, что Ревком «предпринимает шаги для объединения различных революционных элементов с общей целью свержения иноземного империалистического владычества»¹⁷. Но вслед за тем выдвигались такие политические и экономические требования, которые полностью исключали перспективу объединения с Ассоциацией Абдур Раба.

В программе имелся пункт о том, что Ревком предпринимает меры «к объединению всех революционных элементов для общей цели свержения иностранного империалистического господства». Но этот вопрос оставался открытым, поскольку не признавал прогрессивность деятельности буржуазно-националистических организаций в Индии, а во всем антиимпериалистическом движении усматривал лишь борьбу рабочих и крестьянских масс¹⁸.

Программа предусматривала революцию, в результате которой будет провозглашена временная диктаторская власть Ревкома, состоявшего из одних коммунистов, ликвидирована национальная буржуазия и установлена, в конце концов, власть пролетариата. Подобный документ никак не мог стать основой для организации единого фронта различных антиимпериалистических сил Индии. Однако Рой и его группа совершенно не понимали этого и считали, что их программа «заключает в себе [лишь] минимальные требования социальной революции, а также столько буржуазного реформизма, сколько необходимо... для современно индийского общества»¹⁹.

Индийская революционная ассоциация проповедовала в своей «Программе» противоположные принципы. По мнению Абдур Раба, в Индии

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 4. Л. 1.

¹⁶ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 74.

¹⁷ *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 129.

¹⁸ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 75.

¹⁹ Цит. по: *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 130.

могла быть в ближайшее время лишь политическая революция, т. е. национально-освободительная, и только после этого, и только при определенных условиях можно будет приступить к подготовке социалистического переворота.

В программе говорится: «Индия может быть свободной только через достижение чистого и истинного социализма» и что Ассоциация всеми возможными средствами «будет убеждать индийскую общественность принять социализм как единственный путь к спасению Индии и всего мира»²⁰. Ассоциация была готова защищать и «проповедовать социалистические идеалы», так как их понимала на данный момент.

Что касается проблем предстоящей в Индии революции, ее характера, движущих сил и этапов развития, то в «Политической программе» Ассоциации они представлены очень туманно. На этот счет сказано в ней только то, что социальная и политическая революции должны происходить одновременно и что «необходимо, чтобы социальная революция шла рука об руку с революцией политической»²¹.

Можно предположить, что взгляды членов Ассоциации стали такими, поскольку они предполагали, что в результате социальной революции Индия, возможно, возродит и использует стариндийские общинные социальные институты и при помощи революции политической учредит независимую Федеративную Советскую Республику, с защитой прав всех трудящихся крестьянства²². В результате вся система «социалистических» построений «Политической программы» Индийской революционной ассоциации оказалась явно необоснованной.

В своем программном письме в Совет интернациональной пропаганды от 22 августа 1920 г. Абдур Раб Барг писал, известно, что «Индия и только Индия является опорой и оплотом первой капиталистической и империалистической империи в мире. И когда эта опора будет убрана, то вся империя разлетится как картонный домик»²³.

Преувеличивая международное значение Индии, Ассоциация доказывала правомерность своего положения о том, что освобождение Индии есть дело всех народов мира. «Долг Ассоциации, – говорилось в “Политической программе”, – состоит в том, чтобы призвать все народы мира, угнетенные и свободные, участвовать в освобождении Индии во имя своих собственных интересов и интересов всего человечества»²⁴.

В целом члены Ассоциации и некоторые другие индийские национальные революционеры считали, что Индия должна быть освобождена Совет-

²⁰ Там же. С. 52.

²¹ Политическая программа Индийского революционного общества [август 1920 г.], № 23 // Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): Сборник документов / Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 118.

²² Там же. С. 119.

²³ Цит. по: *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 50.

²⁴ Политическая программа Индийского революционного общества [август 1920 г.], № 23 // Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): Сборник документов / Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 116–117; *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена. М., 2007.

ской Россией при поддержке независимых пограничных племен²⁵. Делая ставку на чисто военное освобождение Индии внешними силами, Ассоциация не понимала роль пропагандистской и организаторской работы в массах. Один из двух секретарей Ассоциации, Амин Фарук, впоследствии (22 июня 1921 г.) вспоминал: «Ассоциация не верила в пропаганду, а считала необходимой только активную работу», которую советская власть якобы не поддерживала²⁶.

Очевидно, что советская власть была не согласна с идеей военного похода в Индию без подготовки условий для социалистической революции. К тому же Ассоциация ясно давала понять, что вся помощь, которая будет ей оказываться, должна не принуждать ее проводить «политику тех держав, которые окажут ей помощь. Никакая помощь не может быть принята в качестве долга. Она может быть принята только как добровольный дар»²⁷.

М.Н. Рой и его группа вели активную агитационную работу среди индийцев в Ташкенте и Бухаре. Причем главной ее целью было убедить эмигрантов в том, что национальная революция не сможет принести освобождения трудящимся от местных эксплуататоров, которые ни чем не отличались от английских. Рой в своих мемуарах описывает, как он вел пропагандистскую работу: «Я не рассказывал им все о коммунизме, я лишь говорил им, что изгнание Англии из Индии не будет революцией, ибо вместо иностранных эксплуататоров останутся эксплуататоры туземные. Я объяснял социальный смысл настоящей революции. Чтобы быть достойной того труда, который будет затрачен на ее свершение, революция... должна быть только коммунистической»²⁸.

В целом агитационная работа по созданию коммунистической организации в Средней Азии, нужная сама для Коминтерна, в данном случае была направлена против политических устремлений национальных революционеров, дискредитировала и в большей мере оскорбляла их идеалы²⁹.

Пропаганда Роя могла быть положительно принята лишь незначительной частью политически развитых эмигрантов. Большая же часть была ею недовольна. И это понятно, поскольку им доказывали, что дело, за которое они боролись и готовы были взяться за оружие, во имя которого обрекали себя на лишения, отправившись в тяжелейший поход, оказывается занятием бессмысленным и, скорее всего, даже ненужным большинству индийского народа.

Другим поводом разногласий между Роем и Ассоциацией стал вопрос о посылке военной миссии в г. Кабул. Рой пытался создать так называемую армию вторжения, которая должна была объединиться с восставшим народом Индии и свершить пролетарскую революцию. Он считал, что из Кабула у него появится «возможность связаться с различными организациями, получать

²⁵ См. подробнее: *Тихонов Ю.Н.* Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена. М.; Липецк, 2007.

²⁶ *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 51.

²⁷ Там же. С. 52.

²⁸ «M.N. Roy's Memoirs». С. 464.

²⁹ *Райков А.В.* Национально-революционные организации Индии в борьбе за свободу, 1905–1930 гг. М., 1979. С. 143.

надежные сообщения и посылать деньги для пропаганды стачек и прочего»³⁰. По его инициативе была создана военная школа, в которой обучались индийцы из Средней Азии.

В этом вопросе на стороне Роя стоял М. Шульман, сотрудник НКВД, который отмечал, что его необходимо поддержать деньгами и оружием. Впоследствии в ноябре 1920 г. М.Н. Рой, в своем письме Л.М. Карахану, указал, что ему конкретно необходимо для осуществления этого плана, а именно золотой фонд (два миллиона рублей), которым распорядился на тот момент Отдел внешних сношений. Также он планировал организовать «переправу оружия небольшими партиями через Афганистан»³¹.

Для осуществления своей идеи М.Н. Рой вел переговоры с Коминтерном о поездке в Кабул. 28 декабря 1920 г. вопрос о поездке обсуждался на собрании членов компартии. Ачария возражал против поездки Роя в Кабул, считая, что он не сможет выполнить возложенные на него задачи. В результате споров было вынесено решение об отставке Ачарии с поста председателя Исполкома Индийской коммунистической партии³². Рой и его сторонники утверждали, что Ачария «проявил себя неспособным занимать пост из-за своего ожесточенного личного отношения к другим членам партии, безосновательных обвинений... против Центрального комитета и индийской революционной работы в целом». Также его обвинили в поддержке «групп и лиц, именующих себя революционерами, но признанных виновными в ведении упорной антикоммунистической и панисламистской пропаганды, в стремлении всеми способами помешать прогрессу революционной работы»³³.

В одном из своих писем Ленину Рой писал про Абдур Раба, что не может рассчитывать на него как на ответственного работника, поскольку тот все время саботирует революционную работу интригами или другими средствами «антикоммунистической и религиозной пропаганды»³⁴. Подобного мнения придерживался один из деятелей Индийского национально-освободительного движения, профессор М. Баракатулла, в декабре 1921 года он докладывал в Москву о деятельности Абдур Раба и Ачарии следующее: «Они опорочили многих невинных людей своими лживыми и злонамеренными тайными докладами. Благодаря им много людей было заключено в русские тюрьмы как британские шпионы или турецкие, афганские и германские агенты». Баракатулла призывал советские власти пересмотреть все дела индийцев, заключенных в русских тюрьмах, а все заявления от Абдур Раба и Ачарии тщательно пересмотреть и не оказывать им доверия, и чтобы «никто не заключался в тюрьму только по обвинению этих безответственных людей»³⁵.

Пока велись разговоры о поездке М.Н. Роя в Афганистан, споры и разногласия усилились и приняли весьма острый характер. Посыпались жалобы

³⁰ Письмо № 64 М.Н. Роя [Л.М. Карахану] из Ташкента, 17.11.1920 г. № 37 // Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925): Сборник документов / Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 174.

³¹ Там же. С. 175.

³² Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 76.

³³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 213. Д. 232. Л. 13.

³⁴ Там же. Оп. 68. Д. 5. Л. 1а.

³⁵ Там же. Д. 8. Л. 124.

и просьбы разрешить конфликт в Туркбюро ЦК РКП (б) и Исполком ЦК КП Туркестана. Разногласия касались методов работы среди индийских эмигрантов в Ташкенте. Ачария предлагал отстранить М.Н. Роя от работы в Туркбюро Коминтерна и Индийском Ревкоме, так как он потерял авторитет среди индийцев. М.Н. Рой предлагал оставить за Ревкомом руководство всей закордонной работой, а работу среди эмигрантов передать Туркбюро Коминтерна. Материалы разнообразных записок свидетельствуют о том, что Рой пытался навязать свой план: вовлекать любыми средствами людей в организованную им партию. Многие эмигранты, убежденные мусульмане, не хотели вступать в коммунистическую партию, так как это означало отречение от своей веры. Они готовы были бороться за освобождение своей родины, но не отрекаться от веры своих отцов – коммунизм им был малопонятен³⁶.

Рой опровергал информацию о том, что выступает против религии и верующих индусов, в декабре 1920 г. он писал Л.М. Карахану: «Мы пробуем что-нибудь сделать с этими людьми. И не следует думать, что мы так глупы»³⁷. В целом Рой переживал, что вся его работа будет напрасной, хотя изначально вся индийская работа была организована по плану, который обсуждался и был утвержден.

М. Шульман в своем докладе об индийской работе в Ташкенте в декабре 1920 г. предлагал проводить пропаганду и работу с индусскими революционерами, исходя из ошибок, допущенных ранее, таким образом, чтобы не навязывать им коммунизм и разделять их на «привилегированных коммунистов и обиженных не коммунистов», а привлекать к себе массы, не отталкивая их³⁸.

Конфликт между М.Н. Роем и Абдур Рабом достиг Москвы в конце марта 1921 г., было принято решение, что Коминтерном будет назначена «в целях пропаганды и выработки планов действия смешанная комиссия, в которую войдут индийские и русские коммунисты» и «индийские революционеры, коммунистами не являющиеся»³⁹. 11 марта 1921 г. состоялось заседание, на котором обсуждались разногласия между Ассоциацией и группой Роя и Мукерджи, в ходе которой пришли к выводу, что «группа Абдураба является по меньшей мере весьма подозрительной в ведении тайной панисламистской пропаганды». Даже был доказан тот факт, что «состоялся тайный митинг группы Абдураба», такого рода действия наводили советскую власть на мысль о большой опасности, которой нужно было «энергично противодействовать»⁴⁰.

18 человек из индусской эмиграции под влиянием всех этих склок перешли в афганское подданство и уехали в Афганистан. Несомненно, вести, которые они распространили об индусской работе, оказались весьма негативными.

Коммунистические взгляды не разделяли многие индийские революционеры, в частности Абдур Раб, который в своем письме Г.В. Чичерину писал: «Тем, которым известно хотя бы кое-что об этнических и этнографических условиях Индии, должно быть ясно, что коммунистическая революция там в

³⁶ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 77.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 13. Л. 73.

³⁸ Там же. Д. 8. Л. 62 (об.).

³⁹ Там же. Л. 21.

⁴⁰ Там же. Д. 1. Л. 14.

ближайшем будущем невозможна. При этом Абдур Раб исключал полезность коммунистической пропаганды, считая, что только национальная пропаганда может быть воспринята массами, хотя он не отвергал необходимости таковой в будущем⁴¹.

Нельзя отрицать тот факт, что в Индии на тот момент проходили массовые патриотические, национально-освободительные движения, к которым Рой относился снисходительно, заверяя, что это лишь «сентиментальная пропаганда», которая не сумеет вдохновить «невежественные и притесненные массы». Роем была проделана определенная практическая работа: были развернуты индусские военные курсы, велась просветительская работа среди эмигрантов, часть индусов была отправлена на партийные курсы, установлена связь с Индией, разсланы люди по Туркестану – на границы Кашгарии и Персии, также в Бухару и Афганистан⁴².

Однако Ревком во главе с Роем хотел осуществить «диктаторскую власть Временного всеиндийского центрального революционного комитета при помощи системы, которая передаст политическую власть государства в руки производительного элемента общества, т. е. рабочих»⁴³. Таким образом, «война» между «Индийской революционной Ассоциацией» и созданным М.Н. Роем «Временным индийским революционным комитетом» фактически деморализовала работу индийцев в Ташкенте, чем ускорила крах коминтерновских планов в отношении Индии и в Центральной Азии в целом.

⁴¹ Зарождение коммунистического движения в Индии: Очерки истории. С. 76.

⁴² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 68. Д. 13. Л. 6.

⁴³ Персиц М.А. Указ. соч. С. 129.

**«КОММУНИЗМ СМЕТЕТ ВСЕ ГРАНИЦЫ!..»¹:
ИДЕИ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКОВ В 1920-е ГОДЫ**

*Танцевова Анастасия Владимировна, к.и.н.
(Российский университет транспорта)*

В 1920-е гг. печать рассматривалась как важнейший инструмент формирования новой государственной идеологии. Советская власть, вырабатывая новую идеологию, выстраивала и новые общественные отношения, создавала новый уклад жизни. В этой связи активно формировалась новая модель человеческих отношений и пропагандировались новые ценности. Печать как основное средство агитации и пропаганды играла в этом процессе ключевую роль. Идеи революционной борьбы рабочих с враждебными им классами, буржуазией и капиталистами проходили сквозной нитью в идеологических кампаниях большевиков в начале 1920-х гг. и смогли просуществовать до начала 1930-х гг. Идеологическое конструирование находило отражение в печати. Советская власть ставила своей целью воспитание нового человека и создание нового типа общества и государства на принципах, диаметрально противоположных европейским ценностям. На транслирование новых идей и ценностей была нацелена печать.

Идеи взаимовыручки рабочих и ценности интернационализма находили отражения в советской печати. Само понятие «мировая революция» было долгое время мифологизировано и представлялось в печати лишь с позиции определенного ракурса. На страницах печати в исследуемый период раскрывается эволюция политики Коминтерна и самой идеи мировой революции, ее преломление в зависимости от политических задач советской власти, международной обстановки и условий исторического периода.

Советская печать в рассматриваемый период была представлена массовыми литературно-художественными и общественно-политическими еженедельниками: «Красная Нива» и «Огонек». Журнал «Красная нива» возник при издательстве «Известия» ЦИК СССР и ВЦИК как приложение к газете «Известия» и выходил под редакцией А.В. Луначарского. В нем содержался преимущественно литературно-художественный материал, журнал был предназначен для семейного чтения.

Журнал «Огонек», воссозданный на новой основе в 1923 г. как частное издание, выходил под редакцией М.Е. Кольцова. «Огонек» был оперативнее классического «толстого» журнала, быстрее реагировал на события, проис-

¹ Коммунизм сметет все границы! Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия – боевой оплот мировой революции (фото А. Шайхета, стихи Д. Алтаузен) // Огонек. 1928. № 9. С. 8–9.

ходившие в стране и мире, обладал жанровым разнообразием материалов, печатал аналитические обзоры и статьи. Все это способствовало превращению его в массовый журнал «для всех» и росту популярности. В 1926 году он стал крупным Акционерным издательским обществом «Огонек», выпускавшим массовую периодику. Несмотря на то что журналы отличались по форме и условиям возникновения, их информационный контент во многом был схожим. В журналах были схожие рубрики, посвященные событиям, произошедшим в стране за неделю: в «Огоньке» она называлась «Строительство новой жизни» («В стране Советов», «По Советскому Союзу», «по Советской стране»)², в журнале «Красная нива» – «Дневник советской жизни»³.

Схожими были и формы подачи материала. В 1920-е гг. в универсальных еженедельниках на первый план выходят визуальные жанры, ключевым компонентом которых являлась фотография как отдельный смысловой элемент в тексте или без него: фотоочерк, фоторепортаж, фотограмма, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Задача фотожанров была не в том, чтобы показывать конкретных людей или явления, а прежде всего в том, чтобы выполнить агитационную функцию – донести до читателя политический смысл происходивших событий, оказать воздействие на массовое сознание с помощью трансляции определенных образов.

Тема «мировой революции» и «борьбы пролетариата» нашла свое отражение в еженедельниках «Красная Нива» и «Огонек» при раскрытии тем: образа власти, образа врага, образа друга, образа Красной армии.

Важной точкой отсчета пути для мировой борьбы пролетариата стала Октябрьская социалистическая революция, победителями которой стали большевики. В.И. Ленин в конце 1918 года выступил с предложением объединения всех леворадикальных сил под эгидой одной организации для воплощения мировой революции. Так появился Коминтерн – Международная организация коммунистов, созданная на Учредительном (Первом) конгрессе, состоявшемся 2–6 марта 1919 года в Москве⁴. Программные установки Коминтерна, пропагандирующие идеи мировой революции, включали борьбу коммунистов за власть и объединение рабочего класса в борьбе с господством капитала.

Важными идеями и целями работы Коминтерна являлось построение нового общества. Новое общество, создававшееся в СССР после революции должно было стать примером для Запада, а нарастающий политический кризис в послевоенной Европе должен был привести к радикализации рабочего движения. При этом большевистские идеологи считали, что именно пример российских революций должен послужить важной школой в борьбе пролетариата за свои права. Эти идеи находили активное отражение в печати в 1920-е гг. и начале 1930-х гг. В очерке «Бурнопламенный год»⁵, напечатанном в журнале «Красная Нива», известный революционер и литератор П. Лепешинский писал о исторической связи революции 1905 года с дальнейшим революционными движением во всех странах мира: «Современное челове-

² В стране Советов // Огонек. 1926. № 49. С. 11.

³ Дневник советской жизни // Красная Нива. 1929. № 4. С. 14–15.

⁴ Коммунистический интернационал. Энциклопедия Всемирная История. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kommunistichieskii_intiernatsional

⁵ П. Лепешинский. Бурнопламенный год // Огонек. № 35. 1930. С. 4–5.

ство, возлагающее свои чаяния на мировую революцию, имеет все основания с величайшей благодарностью оглядываться на наш 1905 год, который явился не только прологом нашего Октября, но и начал эру революций нашей бурной эпохи и во многих отношениях является образцом для грядущей мировой пролетарской революции»⁶. П.Н. Лепешинский подчеркивает, что от опыта повторения «кровавого воскресения» никто не застрахован и что «массы, настраиваемые на непротивленческий лад своим Ганди (в Индии), своими Ульрихами, Кухами, и прочими пророками социал-пацифизма, беспощадно расстреливаются в Бомбее и Берлине, в Варшаве и Париже, в Бухаресте и Мадриде...».

Далее автор сокрушается, что мало кто внял урокам истории «кровавого воскресения» и «фашистские дирижеры» могут воспользоваться методом «террористического одурачивания толпы»⁷. Отрезвлением масс, как пишет Лепешинский, должно произойти путем «...революционирования мирового пролетариата и нарастаниях вокруг компартий все новых и новых пролетарских кадров...»⁸. Необходимость в союзниках остро ощущалась большевистским руководством в 1920-е гг., советская власть искала союзника за рубежом в лице рабочего класса не только «для воплощения идеи мировой революции», но и для укрепления своего авторитета в деле строительства нового государства.

О важности всеобщего, сплоченного удара по «мировому капиталу» много писали в еженедельниках 1920-х гг., сам международный курс советского руководства был направлен в этот период на поиск союзников в европейских странах в лице рабочего класса и на признание нового государства рабочих и крестьян.

На страницах журналов освещались конгрессы Коминтерна, на обложке журналов размещались фотографии с конгрессов Коминтерна. На обложке журнала «Красная Нива» была размещена фотография с открытия шестого всемирного конгресса Коммунистического Интернационала под заголовком «Привет авангарду мирового пролетариата»⁹. Публиковались в еженедельниках и портреты лидеров коммунистического движения. Так, в зарисовках художника И. Воронова на VI конгрессе Коминтерна изображены лидеры мирового коммунистического движения: Мариот (Канада); Пристли (Англия); Германсен (Норвегия); Ветцель (Франция); Боль (Австрия); Селькер (Англия); Гарус (Чехо-Словакия); Самуэльсон (Швеция)⁹; Вокоун (Чехо-Словакия)¹⁰. Печатались материалы, посвященные гимну Коммунистического интернационала. В очерке «Кто перевел “Интернационал” на русский язык?» автор рассказывает читателю о Аркадии Яковлевиче Коце¹¹, первом

⁶ П. Лепешинский. Бурнопламенный год // Огонек. № 35. 1930. С. 5.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же.

⁹ Привет авангарду мирового пролетариата (фото Пресс-Клише) // Красная Нива. № 31. 1928. Обложка.

¹⁰ На VI конгрессе Красная Нива. № 36. 1928. С. 13.

¹¹ Беркова К.Н. Кто перевел «Интернационал» на русский язык? // Красная Нива. № 39. 1928. С. 14.

переводчице «Интернационала» на русский язык. Данные материалы позволяли формировать образ соратника и друга Советской страны.

В фотоочерке «На службе тыла мировой революции»¹² автор пишет о деятельности Международной организации помощи борцам революции. МОПР – коммунистическая благотворительная организация, созданная в 1922 году решением 4-го Конгресса Коминтерна. Ее целью являлось оказывать помощь рабочим в международном масштабе. МОПР автор называет «верным часовым революции», подводя в фотоочерке итоги ее работы за прошедшие шесть лет: «Свыше 8 миллионов индивидуальных и коллективных членов, свыше 10 миллионов рублей, собранных по копейкам, – вот основной цифровой итог этой работы. Не один десяток политзаключенных был спасен благодаря этой помощи от цепких лап фашистской полиции»¹³. Автор пишет о нарастании международной напряженности и о необходимости усилить деятельность МОПР: «Современная международная обстановка, таящая в себе опасность новой империалистической войны и интервенции против Советской страны, обзывает МОПР.. усилить свою работу»¹⁴.

Пропагандистским приемом было и противопоставление условий труда в СССР и на Западе. Фотографии, лаконичный и запоминающийся текст создавали необходимый образ, воздействуя на большую рассредоточенную аудиторию (фотозаметка, фотограмма). Работая на контрасте, журналисты «Огонька» целенаправленно проводили мысль о том, что советский рабочий живет лучше. Например, фотоочерк «Рабочие на улицах Германии (письмо из Берлина)» в № 51 в журнале «Огонек» за 1927 г. повествует о забастовке рабочих на одной из текстильных фабрик Германии, «пользующейся самой дурной славой среди рабочих». Это «не фабрика, – пишет автор, – а адская машина, переламывающая кости рабочего... Рабочие прозвали эту фабрику “морилкой”, и когда голод заставляет их наниматься туда, то они не без основания называют себя каторжниками»¹⁵.

О борьбе пролетариата на Западе за свои права читаем в материалах: фоторепортаж «Классовые бои в Берлине» иллюстрирует противостояние рабочих и власти¹⁶, фотоочерк «Безработные в Париже» приводит сведения о численности безработных и их положении¹⁷. О тяжелом положении рабочих за границей повествует фотоочерк «За Советским рубежом» в № 11 за 1930 г. с характерными комментариями: «Волна безработицы – это прорвавшийся наружу нарыв на теле “стабилизированной” Европы»; «20 млн безработных – мерило недуга, который подтачивает организм послевоенной Европы»¹⁸. Особое внимание автор уделяет тяжелому положению в Польше: «Голод, нищета, бездомность, массовые самоубийства на почве нищеты – основной фон жиз-

¹² Гейлер Г. На службе тыла мировой революции // Красная Нива. № 51. 1928. С. 14.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Габор А. Рабочие на улицах Германии // Огонек. 1927. № 51. С. 1.

¹⁶ Классовые бои в Берлине // Огонек. 1929. № 19. С. 2–3.

¹⁷ Безработные в Париже // Огонек. 1927. № 9. С. 3.

¹⁸ За Советским рубежом. Безработица–голод–террор // Огонек. 1930. № 11. С. 2.

ни современного польского города... Штык и пуля для бунтующих безработных – это меры политического воздействия»¹⁹.

О неприятии западного, буржуазного образа жизни читаем в очерке корреспондента Завадского «День в Париже». Корреспондент пишет о том, как неспешно французы распивают кофе, читают утренние газеты и едут на работу: «На улицах все больше и больше автомобилей, развалясь в новеньких “Крайзлер” и “Паккард” едут в свои конторы упитанные самодовольные буржуа»²⁰. Во многих материалах можно встретить и упоминание о врагах советского государства, проживающих на Западе: «Как живет белая эмиграция» (о русской финансовой эмиграции в Берлине)²¹.

Негативная подача материала о жизни пролетариата за границей, прием противопоставления являлись частью пропаганды, наглядно демонстрировавшей превосходство одного государственного и общественного строя над другим. Причем антипод представлялся исключительно в негативных оттенках, его положительные стороны не демонстрировались.

Данный пропагандистский прием нашел отражение в журнале и в рубрике «Окно в мир», выходившей в журнале «Огонек», в материалах которой освещалась повседневная жизнь Запада, что также являлось элементом пропаганды. Она появилась в журнале еще в 1923 г. и рассказывала о наиболее ярких мировых событиях. Сведения были самые разнообразные и охватывали все сферы человеческой деятельности. Но упор был сделан на то, как там плохо и как хорошо жить в стране Советов. С необходимостью усиления риторики по данному вопросу в «Огоньке» появились и новые рубрики, рисующие образ заграницы. Так, в 1926 г. в журнале стала выходить рубрика «Запад за неделю». Корреспонденты рассказывали о наиболее интересных и важных политических событиях. Основное внимание уделялось рабочему движению, условиям труда и положению рабочего класса, подробно освещались забастовки трудящихся.

В 1926 г. в журнале «Огонек» появилась и рубрика «За Советским рубежом», которая с 1927 г. стала называться «На Западе и Востоке». Она, как и другие не была постоянной, появлялась в зависимости от наличия интересного и важного с идеологической точки зрения материала. Информация давалась дозировано и в определенном ракурсе, с соответствующими комментариями.

Определенное отношение к повседневной жизни Запада можно объяснить разными социальными ориентирами, где СССР выступал в роли первого государства в мире, выступавшего от имени пролетариата и трудового крестьянства, готового защитить угнетаемые классы во всем мире.

На фоне материалов о положении рабочих на Западе, о борьбе их за свои права, публиковались материалы о строительстве и открытии новых предприятий в СССР, о все возрастающем потенциале страны. СССР противопоставлялся Западу как реальная альтернатива, как центр борьбы за новый мир. В печати активно использовались идеологемы, призванные возвысить советские ценности и идеи в противовес западным. Через такие материалы журнал

¹⁹ За Советским рубежом. Безработица–голод–террор.

²⁰ Завадский. День в Париже // Огонек. 1929. № 7. С. 4–5.

²¹ Как живет белая эмиграция // Огонек. 1923. № 7. С. 14.

пытался выстраивать картину мировой борьбы рабочего класса, где в образе «Друга» всего мирового пролетариата выступал и Советский Союз. В то же время советское руководство искало поддержку у мирового пролетариата в период проведения собственной внутренней и внешней политике.

На протяжении всего периода 1920-х гг. в материалах, посвященных Коминтерну и идеям мировой революции, можно проследить эволюцию идей от спада революционного движения, согласно периоду «временной и частичной стабилизации капитализма»²² до нарастания военного противостояния.

В середине 1920-х гг. образ «Чужого», «Другого» начал трансформироваться в образ «Врага», усилилась военная риторика в печати. На смену критике капиталистического мира пришла военная тема, призывы защитить Советское государство от «посягательств капиталистов». В 1927 г., в год «военной тревоги»²³, произошел разрыв дипломатических отношений СССР с Англией и Китаем. В пространстве советской коммуникации все более заметной становится тенденция к устранению невраждебного (позитивного или хотя бы нейтрального) образа «Другого» и появлению образа «Врага». Как отмечают исследователи: «Образ внешнего мира теперь описывался даже не в категории “иное”, а скорее “анти”. Возродилось представление о сакральном характере границы, что отразилось в привычном штампе “священные рубежи нашей Родины”»²⁴.

В «Огоньке» начинают публиковаться материалы, в названии которых открыто читаются лозунги-призывы: «Пролетариат сумеет защитить свое Отечество»²⁵, «Вызов Советскому миролюбию»²⁶, «На защиту Советской страны»²⁷, «Новой интервенции не допустим!»²⁸. На обложках появляются фотографии военных деятелей Европы, враждебно настроенных к СССР. Как, например, в № 38 за 1927 г. фотография с заголовком «Наш старый враг» французского маршала Фоша, под ней помещен небольшой комментарий: «Он предлагал Германии в 1918 году напасть на Республику Советов. Он вдохновлял французскую интервенцию в 1919 году. Он организует сейчас новый поход против нашего Союза. Маршал Фош – один из тех, кого мы знаем слишком хорошо!»²⁹ Все это работало на образ врага.

²² Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933. С. 529.

²³ *Лившин А.Я.* «Военная тревога» 1927 г. и общественные настроения в Советском Союзе // Государственное управление. Электронный вестник, 2015. Вып. № 50. С. 190–206.

²⁴ *Голубев А.В. Невежин В.А.* Формирования образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е первая половина 1940-х гг. / ИРИ РАН. М., 2016. С. 26.

²⁵ *Свентицкий Л.* Пролетариат сумеет защитить свое Отечество (фото А. Шайхет) // Огонек. 1929. № 31. С. 7–8.

²⁶ Вызов Советскому миролюбию // Огонек. 1929. № 29. С. 1.

²⁷ *Цымбалов Н., Константиновский А.* На защиту Советской страны // Огонек. 1929. № 41. С. 15.

²⁸ *Маловажный Н.* Новой интервенции не допустим! // Огонек. 1927. № 37. С. 1.

²⁹ Наш старый враг // Огонек. 1927. № 38. Обложка.

Международная обстановка обострялась, и вопрос о союзниках приобрел особое значение. Новый тип союзника в 1920 – начала 1930-х гг. – революционный пролетариат всего мира. Однако быть союзниками страны Запада могли лишь при условии победы там социалистической революции³⁰.

И здесь появляется образ «Друга» (союзника).

О скорой победе коммунистического движения, единстве и солидарности рабочего класса повествует очерк «Советы в Китае» С. Гальперина. В нем отмечалось, что «Китайские рабочие, крестьяне, ремесленники и даже часть интеллигенции впервые в истории Китая встречаются с фактом образования власти, которая не рассматривает население как объект правительственных вымогательств, которая защищает интересы и права не верхушки привилегированных классов, а интересы и права деревенской бедноты. Еще много боев предстоит трудящимся массам Китая. Тернист путь китайских Советов, но за ними стоит 300 млн крестьян, рабочих, кустарей и ремесленников. Советы в Китае существуют, они борются, растут, учатся управлять – они победят»³¹. Очерк заканчивается утверждением скорейшей победы и единства всего мирового рабочего движения.

Официальная пропаганда всячески поддерживала подобные представления. В образе «Друзей» выступали рабочие Запада, как например, рабочие Польши в статье Ю.М. Лецинского «Из польского подполья», опубликованной в № 2 за 1926 г.: «Революционный союз польских и русских рабочих во всей красе и могуществе проявился еще в 1905 году. Мы хорошо помним, как в ответ на кровавое 9 января в Петербурге боевым действием откликнулся пролетариат Польши, как потом он присоединился к забастовке...»³² Ю.М. Лецинский отмечал тяжелое положение коммунистов в Польше, которое хуже, чем во времена Царской России, в тоже время акцентировал внимание, на том факте, что молодежь стремится попасть в их ряды, проявляя «героическое упорство»³³. В фотозаметке «Враги рабочего класса»³⁴ автор пишет, как представители «империалистических» государств (Англия, Франция, Польша) договариваются о разделе сфер влияния на «колониальном плацдарме». Такие материалы являлись частью идеологического конструирования «образа врага» и «образа друга».

Материалы еженедельников пропагандировали необходимость защиты Родины, настраивали на отпор врагу, посягавшему на суверенитет Советского государства, при этом призывы оказывать помощь мировому пролетариату в борьбе за права оставались в печати на протяжении 1920-х гг. В большом фотоколлаже «Коммунизм сметет все границы! Да здравствует Красная ар-

³⁰ Голубев А.В. «Враги второй очереди»: «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. URL: <http://istmat.info/node/47292> (дата обращения. 25.04.2018).

³¹ Гальперин С. Советы в Китае // Огонек. 1930. № 16. С. 11.

³² Лецинский Ю.М. Из польского подполья // Огонек. 1926. № 2. С. 4.

³³ Там же.

³⁴ Враги рабочего класса // Огонек. 1928. № 2. С. 1.

мия – боевой оплот мировой революции!»³⁵ были напечатаны стихи советского писателя и поэта Джека Алтаузена:

...У нашего в сердце хранится
Та надпись, что смотрит в года –
Столбы и чужие границы
Коммуна сотрет навсегда!³⁶

Фотоколлаж был оформлен в виде единой карты границ Советского Союза, по контурам которой размещались фигуры красноармейцев-пограничников, по бокам фотоколлажа располагались фотографии разных частей границы Советской страны (Фото 1. «Наша граница с Польшей»; Фото 2. «Поимка румынских перебежчиков нашими пограничниками на границе с Румынией»; Фото 3. «Наш пограничный отряд выезжает на советско-китайскую границу»; Фото 4. «Наша граница с Персией...»)³⁷.

Данный фотоколлаж ярко иллюстрирует изменившееся положение дел к концу 1920-х гг. Несмотря на то что идеи мировой революции, интернационализма и взаимопомощи в среде рабочего класса остались в идеологическом дискурсе исследуемого периода, на первый план выходят задачи внутренней модернизации в стране, усиление ее обороноспособности, сакрализации и охраны границ. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. виден спад революционных движений в Европе, как пишет исследователь Голубев А.В.: «...у советской политической элиты исчезали и иллюзии относительно масштабов поддержки со стороны западного пролетариата в случае войны против СССР»³⁸. Был принят курс на построение «социализма в отдельно взятой стране», а главной движущей силой, призванной помочь в осуществлении мировой революции, стала Красная армия – «боевой оплот мировой революции».

Идеи мировой революции в исследуемый период «находились на службе» советской идеологической машины и использовались в борьбе с капиталистическим окружением. Их трансформация в исследуемый период была напрямую связана с политическими и внешнеполитическими ориентирами Советского государства и задачами исторического периода.

³⁵ Коммунизм сметет все границы! Да здравствует Красная армия – боевой оплот мировой революции! (снимки А. Шайхета, стихи Д. Алтаузен) // Огонек. 1928. № 9. С. 8–9.

³⁶ Коммунизм сметет все границы! Да здравствует Красная армия – боевой оплот мировой революции! (снимки А. Шайхета, стихи Д. Алтаузен) // Огонек. 1928. № 9. С. 8–9.

³⁷ Там же.

³⁸ Голубев, А.В. «Враги второй очереди»: «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. URL: <http://istmat.info/node/47292> (дата обращения: 25.03.2019).

ДИСКУССИИ О СУЩНОСТИ НЕГРИТЯНСКОГО ВОПРОСА В США В КОМИНТЕРНЕ

*Тимофеева Мария Андреевна
(Российский государственный
архив социально-политической истории)*

Коммунистический Интернационал (III Интернационал), объединявший коммунистические партии разных стран, существовал с 1919 по 1943 г. Он был создан в противовес силам, которые привели к расколу в «старом» Интернационале, а именно группе «правых», поддерживающих буржуазию своих национальных правительств, и группе центристов, неспособных к решительным действиям¹. В связи с этим инициатором создания Коминтерна стала РКП(б), олицетворяющая левое, революционное крыло.

Первый учредительный конгресс Коминтерна, на котором произошло его основание и избрание органов управления, состоялся в марте 1919 г. в Москве. В обращении к первому съезду среди главных целей организации было обозначено налаживание контактов со странами, где были сильны левые движения; основным методом борьбы с капитализмом были названы массовые действия пролетариата².

Слаженная организационно-административная структура, концентрация всей полноты власти в руках Исполнительного Комитета, неукоснительное следование его постановлениям секциями (партиями) и приверженность коммунистической идеологии обеспечивали единство Коминтерна в политическом, управленческом и идейном аспектах. Более того, Коминтерн стал международной организацией, обладающей полномочиями формулировать принципы и определять тактику для коммунистических партий во всем мире. Одной из особенностей политики Коминтерна (в отличие от политики II Интернационала) была установка на решение вопросов, связанных с борьбой зависимых народов. В связи с этим негритянский вопрос в США не раз становился объектом обсуждений в Коммунистическом Интернационале.

Следует отметить, что негритянский вопрос в США в конце XIX – начале XX в. приобрел иную окраску, нежели в эпоху рабовладения или период «Реконструкции Юга». Особенности социально-экономического положения негритянского населения, занятого в сфере сельского хозяйства на протяжении 1870–1920-х гг., позволяют судить о том, что негры продолжали испытывать последствия системы рабовладения. Это выражалось, во-первых, в том, что сельскохозяйственный труд негритянских крестьян имел форму

¹ К I съезду Коммунистического Интернационала // РГАСПИ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

² Там же. Л. 1–7.

издольщины, «чертами которой являются право земельного собственника распоряжаться продукцией издольщика, определять посев...»³; во-вторых, что существовала система «долгового рабства» (пеонаж) – осуществление трудовой деятельности в счет оплаты долга. Таким образом, явно прослеживалась система эксплуатации, основанной на присвоении чужого труда, характерной для капиталистических отношений. С другой стороны, могли наблюдаться и такие явления, как ограничение свободы передвижения от одного нанимателя к другому, а также система отработок провинностей. Из этого можно заключить, что капитализм в США сочетался с пережитками рабовладения.

Количество фермеров в США к 1920-му году составило 6,5 миллионов человек; из них только около 900 тысяч были неграми, причем большинство из них являлись арендаторами, а не собственниками земельных участков⁴. Другими словами, доля независимых фермеров на Юге была значительно ниже, чем доля эксплуатируемых рабочих в сельском хозяйстве, большую часть которых составляли афроамериканцы.

Вследствие ухудшения условий труда на Юге, негритянское население образовало сильный миграционный поток на Север (например, в Чикаго, Нью-Йорк), вследствие чего количество негров, занятых в промышленности, увеличилось. В промышленном секторе негритянских рабочих подстерегали такие трудности, как загруженность сектора (причиной тому были миграционные процессы в США); дискриминация в области труда, которая выражалась в ограничении круга работ для негров, низкой заработной плате, отсутствии социальных льгот, должного медицинского обслуживания. Афроамериканцы зачастую не могли вступать в профсоюзы из-за расовых конфликтов с белыми рабочими.

Высокие показатели в экономике США были достигнуты благодаря использованию значительных человеческих ресурсов. Поэтому в социально-классовой структуре общества четко выделялись те, кто выиграл от процесса индустриализации, – буржуазия, и те, кто обеспечивал протекание этого процесса, – рабочий класс и фермеры, значительную часть которых составляло негритянское население. Нерешенность земельного вопроса после Гражданской войны привела к тому, что афроамериканцы попали в кабальную зависимость от белого населения через договорные отношения. Если ранее, в период рабовладельческих отношений подневольный труд чернокожих использовался в плантационных хозяйствах, то в конце XIX – начале XX в. дешевая наемная сила чернокожих служила для обеспечения интересов капиталистов как в сельском хозяйстве, так и промышленности. Поэтому можно утверждать, что развитие капитализма создало условия для массовой пролетаризации чернокожего населения США.

Массовая пролетаризация чернокожего населения США в совокупности с расовой сегрегацией приводили к выводу о необходимости соединения борьбы афроамериканцев за равноправие с борьбой всех трудящихся США. Анализ расизма в США уже не мог игнорировать классовые отношения. Поэтому

³ *Насонов Н.М.* Негритянская проблема в Северо-Американских Соединенных Штатах // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 46. Л. 68 об.

⁴ Percentage distribution by tenure negro farm operators // РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 141. Л. 69.

расовый вопрос в США стал объектом идеологической борьбы левых сил с капитализмом в лице Коммунистического Интернационала, что требовало определения подхода (или подходов) к этому вопросу.

Первая серьезная дискуссия в рядах коминтерновцев возникла в связи с решением вопроса о созыве Всемирной негритянской конференции (съезда). В Резолюции по негритянскому вопросу, принятой 30 ноября 1922 г., было отмечено, что «враг негритянской расы и враг белых рабочих один и тот же – капитализм и империализм»⁵. Принимая во внимание исторический опыт противостояния угнетателям и воинственность негритянского народа, Коминтерн призывал поддерживать любые формы революционного движения чернокожих. Важным итогом IV конгресса Коммунистического Интернационала по негритянскому вопросу стало заявление, что он «немедленно предпримет шаги для созыва всеобщей негритянской конференции или съезда в Москве»⁶.

Одним из немногих, кто поддержал данную инициативу, был представитель Коммунистической партии Японии в ИККИ, Сен Катаяма (1859–1933). В своем докладе «Негритянская раса как фактор грядущей мировой социальной революции» он заявил, что «Негритянский Конгресс в Москве станет важным событием на пути борьбы негритянской расы против эксплуатации»⁷.

В целом предложение сразу же было встречено бурной критикой со стороны коммунистов разных стран, главный аргумент которых состоял в опасности апелляции преимущественно к расовому аспекту негритянской проблемы. Так, И. Амтер, (1881–1945), представитель КП США, писал, что расовый подход в деле созыва Негритянской Конференции является неверным, поскольку «негритянский расовый вопрос не является революционным фактором и... для наступления на капитал имеет небольшое значение»⁸. Поэтому, по его мнению, нужно обратиться не к расовой, а классовой солидарности всех рабочих.

После выхода этой статьи Д.А. Джонс (1883–1924), представитель КП Южной Африки в ИККИ, направил письмо в Исполком Коминтерна 23 марта 1923 г. с дополнительными замечаниями по обсуждаемому вопросу (изменив свою позицию от поддержки до отрицательного отношения к созыву негритянского Конгресса). Идея, высказанная в письме, была созвучна позиции И. Амтера: необходимо объединить чернокожих и белых рабочих в рамках мирового пролетарского движения против капитализма. Джонс также считал, что «проводить расовый конгресс – значит создавать источник замешательства и путаницы»⁹.

⁵ Резолюция по негритянскому вопросу, принятая IV конгрессом Коминтерна 30 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 5. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 17.

⁷ Negro race as a factor in the coming world social revolution by S. Katayama // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 17. Л. 9.

⁸ Negro question. (Discussion in Anglo – Saxon group) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 9–10.

⁹ Further note on the proposed Negro Congress (by Ivon Jones) // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 3. Л. 5.

Таким образом, мнения по поводу необходимости созыва Всемирной негритянской конференции в Коминтерне разделились, и вопрос был отложен вплоть до 1928 г. Проблема состояла в том, что апелляция к расовому аспекту означала бы поддержку буржуазного panafricanского движения, представленного в двух формах. Первая была связана с идеей «обособления», делающей акцент на расовых различиях чернокожих и белых, что выразилось в движении Маркуса Гарви (1887–1940). Вторая опиралась на идею интеграции, принципы равенства и преодоления расовой сегрегации, и нашла воплощение в деятельности Уильяма Дюбуа Э.Б. (1868–1963). При всех своих различиях оба течения panafricanского движения противостояли намерениям деятелей Коммунистического Интернационала осуществить классовую солидаризацию всего пролетариата США, независимо от расовых различий. Странники гарвейизма и движения под руководством Дюбуа, стремились пробудить у негров антибелый расизм, а также грозили вызвать эффект классового замешательства лозунгом ухода «назад в Африку».

К вопросу о созыве Всемирной Негритянской конференции вернулись только в 1928–1929 гг.: в 1928 г. при содействии Международного объединения профсоюзов (Профинтерна) был создан Международный профсоюзный комитет негритянских рабочих, который должен был включать в свои ряды чернокожих рабочих США, Черной Африки и Вост-Индии, а в 1929 г. Исполнительное бюро Профинтерна выпустило резолюцию о созыве Всемирной конференции негритянских рабочих¹⁰. Тем самым первоначальный замысел созыва расового Конгресса был успешно заменен принципом классовым. Итогом долгих споров и разногласий стало проведение Конференции в 1930 г. в Гамбурге.

Вторая дискуссия развернулась по поводу одного из положений, выдвинутых «Резолюцией Политсекретариата по негритянскому вопросу в САСШ» от 26 октября 1928 г. Согласно этому документу, во-первых, негритянское население США признавалось угнетенным народом. Во-вторых, было отмечено, что негритянский пролетариат способен стать движущей силой революционного движения всех трудящихся. В-третьих, в качестве основного источника бедственного положения афроамериканцев были названы социально-экономические проблемы, связанные с пережитками рабовладельческой системы, которые обусловили в т. ч. проявления расовой дискриминации в американском обществе. При этом шовинизм (как крайняя форма расизма) был признан выражением идеологического влияния империализма, провоцирующего конфликты между белым и чернокожим населением. В-четвертых, главным врагом негритянского движения объявлялся империализм с присущими ему формами эксплуатации. Наконец, был сделан акцент на международном влиянии негритянского вопроса в США на положение негритянского населения планет¹¹. Дискуссионным же стало положение о том, что негритянский вопрос (в южных штатах) является вопросом национальным, и негры имеют

¹⁰ On the convening of the First International Conference of negro workers // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 53. Л. 3.

¹¹ Резолюция Политсекретариата от 26/X 1928 по негритянскому вопросу в САСШ // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 51. Л. 75–85.

право на самоопределение. При этом борьба чернокожих, согласно «Резолюции...», объявлялась борьбой национально-освободительной¹².

Необходимо упомянуть и о ленинских «Тезисах по национальному и колониальному вопросу» 1920 г., которые были составлены ко II конгрессу Коминтерна. В них утверждалась задача преобразования диктатуры пролетариата в интернациональную борьбу, способную оказывать влияние на политические процессы в мире, а также был задан вектор деятельности коммунистических партий по содействию революционным движениям «в зависимых или неравноправных нациях, например... среди негров Америки»¹³. На комиссии по национальному и колониальному вопросам в рамках обсуждения «Тезисов...» были сделаны некоторые обобщения идей Ленина, в частности утвердилось деление мира на угнетающие и угнетаемые нации, а также закрепилось понятие «национально-революционного движения» вместо «буржуазно-демократического»¹⁴.

Таким образом, именно на II конгрессе Коминтерна вопрос о положении негров в США был отнесен к проблеме угнетенных народов в целом.

Обозначению негритянского вопроса как национального способствовало также появление трактовки концепта «нации», разработанной И.В. Сталиным. Обращаясь к сталинскому определению «нации» – «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, объединенных общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹⁵, – конечно, можно заметить, что данные черты в какой-то степени объединяли афроамериканцев «черного пояса» США. Однако становится непонятным, как в эту концепцию вписывалось чернокожее население промышленного Севера, которое составляло на этих территориях меньшинство. В этой связи обнаружилось явное противоречие, которое не могло остаться незамеченным для некоторых деятелей Коминтерна, что и породило острую дискуссию.

Прежде всего стоит отметить несовпадение взглядов некоторых представителей Коммунистической партии США с генеральной стратегией Коминтерна. В частности, Отто Хейсвуд (1893–1961), член комиссии по негритянскому вопросу на II конгрессе Коммунистического Интернационала, в статье «Международные аспекты негритянского вопроса» утверждал, что чернокожие в США составляют расовое меньшинство и их положение отлично от положения негров Африки и Вест-Индии, которые испытывают национальный и колониальный гнет. Автор статьи отрицал наличие у афроамериканцев черт, позволяющих отнести их к нации, при этом подчеркивая их явно выраженные расовые отличия. Наличие системы дискриминации и необходимость борьбы за социальное и политическое равноправие, по мнению Хейсвуда, позволяет

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 51. Л. 75–85.

¹³ *Ленин В.И.* Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам (для Второго съезда Коммунистического Интернационала) // Полное собрание сочинений (5-е издание). М., 1981. С. 161–168.

¹⁴ *Ленин В.И.* Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 6 июля // Полное собрание сочинений (5-е издание). М., 1981. С. 242–248.

¹⁵ *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 926. Л. 111.

утверждать, что негритянский вопрос в США носит исключительно расовый характер. При этом американский коммунист призывал рассматривать расизм как идеологическую категорию, используемую империалистическими силами для усиления эксплуатации трудящихся¹⁶.

Иной позиции придерживался другой представитель КП США, Гарри Хейвуд, который критиковал Хейсвуда за отход от марксистско-ленинских принципов, поскольку формула «расового вопроса» считалась им буржуазной. Он отмечал, что с развитием капитализма и углублением социально-классовой дифференциации в американском обществе негритянский вопрос принял форму национального вопроса. По мнению автора, он выражается в том, что империалисты усиливают национальный гнет путем сверхэксплуатации, замедляя экономическое и культурное развитие негров. Поэтому единственным путем спасения является революционная борьба за право на национальное самоопределение негров в «Черном поясе»¹⁷.

Эволюция взглядов на негритянский вопрос в США произошла у Джона Пеппера (Йожефа Шварца) (1888–1938), делегата от Коммунистической партии США, который на V конгрессе Коминтерна возразил против лозунга самоопределения для негров США, предложив заменить его положением о «полном равноправии во всех отношениях (юридическом и социальном)»¹⁸. Однако, проанализировав общие тенденции в политике Коминтерна в этом вопросе, он написал памфлет, призывающий не просто к самоопределению чернокожих, а к созданию Негритянской Советской республики¹⁹.

Еще одно идейное столкновение произошло между А. Шийком (1891–1978), преподавателем Коммунистического университета трудящихся Востока и Международной ленинской школы и Н.М. Насоновым (1902–1938), членом Негритянского бюро Коминтерна. Дав подробный анализ расового вопроса в США как социальной проблемы через критику буржуазных теорий, Шийк сделал заключение, что нельзя отождествлять расовый антагонизм в США с национальным. Более того, он утверждал, что американские негры не являются нацией, что вообще снимает вопрос об их национальной борьбе. Причину расовой дискриминации в отношении чернокожих Шийк призывал искать в идеологическом влиянии буржуазии²⁰.

Н. Насонов критиковал Шийка за то, что тот счел тезис о самоопределении негров второстепенным, при этом противопоставив понятия «право на самоопределение» и «борьба за равноправие» в пользу последнего. О недостатках подобного «либерального подхода» он писал: «Либеральная точка зрения пытается свести всю негритянскую проблему лишь к борьбе за спра-

¹⁶ *Huiswood O.* World aspects of the negro question // *Communist*, February 1930. P. 132–147.

¹⁷ *Heywood H.* Against bourgeois distortions of Leninism on the Negro question in the United States // *РГАСПИ*. Ф. 495. Оп. 155. Д. 87. Л. 90–104.

¹⁸ Пятый Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Часть 1. М.; Ленинград, 1925. С. 667.

¹⁹ *Pepper J.* American Negro Problems // *Communist*, October 1928. P. 628–638.

²⁰ *Шийк А.* Расовая проблема и марксизм [Текст] / А. Шийк. М., 1930. С. 321–368.

ведливое отношение между белыми и черными»²¹. При этом он отмечал пагубное влияние гарвейизма и подобных движений чернокожих, подменявших идею революционной борьбы либеральными искажениями. С этим тезисом было связано негативное отношение Н. Насонова к идее участия Коминтерна в Пятом panaфриканском конгрессе в 1929 г. (предыдущие прошли в 1919, 1921, 1923, 1927 гг. под руководством У. Дюбуа и носили политический характер). В своем предложении Политсекретариату он привел следующие аргументы против представительства от членов Коммунистического Интернационала на конгрессе: буржуазно-либеральный и антипролетарский характер данного мероприятия²².

Н. Насонов призывал не путать содержание и форму негритянского движения: содержанием является борьба за равноправие, а формой – национально-революционная борьба. В связи с этим позиция Н. Насонова может быть представлена следующим образом: негритянский вопрос в США должен рассматриваться с точки зрения двух компонентов: национального и расового, – при этом первый является формой, а второй – содержанием²³.

Обобщая сказанное, стоит отметить, что отношение к расовой проблеме в США в Коминтерне было неоднозначным. Об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии по поводу мероприятий и программ, связанных с негритянским вопросом.

Первая дискуссия, возникшая в связи с решением вопроса о созыве Всемирной негритянской конференции, показала, что были попытки отнести негритянский вопрос к расовому или же вопросу о классовой борьбе. В итоге классовый подход стал определяющим, поскольку именно он позволял придать революционность борьбе чернокожих.

Вторая дискуссия была связана с «Резолюцией Политсекретариата по негритянскому вопросу в САСШ», в которой был сделан вывод о том, что чернокожие «Черного пояса» (южных штатов) являются нацией. Поэтому главным тезисом «Резолюции...» стало отождествление негритянского вопроса с вопросом национальным, и утверждение, что негры имеют право на самоопределение. Данное положение оказалось спорным, поскольку некоторые деятели Коминтерна считали нецелесообразным применение понятия «нация» по отношению к неграм в США, и призывали обратить внимание на расовый аспект проблемы.

Исходя из описанных выше дискуссий о сущности негритянского вопроса в США, становится ясно, что проблема расизма в США скорее являлась элементом борьбы против империализма, создававшего искусственные границы между социальными общностями. Апелляция к расовой проблематике служила целям привлечения негров в коммунистическую партию и их присоединения к мировой пролетарской революции.

²¹ *Насонов Н.М.* Негритянская проблема в Северо-Американских Соединенных Штатах // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 46. Л. 66.

²² Материал и предложения по вопросу о Panaфриканском конгрессе 26.09.1929 // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 101. Л. 91–93.

²³ *Насонов Н.М.* Против либерализма в негритянском вопросе в Америке // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 155. Д. 82. Л. 8–22.

НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ В 1960–1970-е гг.

*Цветков Эдуард Георгиев
(Средняя школа № 4 г. Ярославля, Ярославский
государственный университет имени П.Г. Демидова)*

В XX веке имели место две попытки установления советского влияния в Тропической Африке, и, если в 1920–1930 гг. успехи III Коминтерна были скоромными¹, ввиду того, что абсолютное большинство африканских территорий находилось в колониальной зависимости², то в 1940–1950-е гг. ситуация существенно меняется.

На исходе 1940-х гг. советское руководство стало задумываться о развитии отношений с Африкой³, когда в странах континента начинало набирать обороты антиколониальное движение. Британские колонии в Африке требовали выполнения условий Атлантической хартии 1941 г.⁴, к борьбе присоединились французские территории. Первые внятные требования о предоставлении политической независимости прозвучали уже в 1945 г. на V panaфриканском конгрессе в Манчестере⁵. Существенной частью деколонизации Африки стало создание партий и профсоюзов, использовавших левые идеи и риторику⁶. В конце 1950-х гг. на политической карте появились первые независимые государства⁷, а 1960-й был объявлен Годом Африки в связи с освобождением еще 17 государств. С появлением такого количества субъектов международных отношений Советский Союз получил шанс проводить собственную африканскую политику.

На рубеже 1950–1960-х гг. СССР в Африке воспринимали как «загадочного», но привлекательного партнера. Победа во Второй мировой войне,

¹ Давидсон А.Б. «Черная Африка» в истории России опыт трех столетий / Новая и новейшая история. № 5. М. 2000. С. 10–29.

² В период 1920–1930 гг. на африканском континенте было два независимых государства – Либерея и Эфиопия.

³ Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008. С. 10–11.

⁴ Пункты 2 и 3 Атлантической хартии 1941 г. фактически содержали обещание колониальным народам национальную независимость после окончания Второй мировой войны.

⁵ The Cambridge history of Africa. Vol. 8: From c. 1940 to c. 1975. Cambridge, 1984. P. 98.

⁶ В 1947 г. создана Демократическая партия Гвинеи, в 1946 г. – Объединенный Конвент Золотого Берега.

⁷ Гана 1957, Гвинея 1958 г.

быстрое послевоенное восстановление, экономические успехи 1950-х гг., отсутствие колониального прошлого и левая идея (те принципы организации власти и общества, которые позволили СССР доказать свое историческое существование и добиться вышеописанных успехов – примат коммунистической идеологии, однопартийная политическая система, командно-административная экономика, индустриализация и коллективизм), удивительно совпадали с доминирующим в 1960-е гг. афрооптимизмом – верой в быстрое решение африканских проблем. «Русские, которых мы видели, такие же люди, как и на Западе, но их огромная территория, занимающая $\frac{1}{6}$ земного шара и огромный опыт, которого они достигли за 42 года, кажутся чудом»⁸. Нельзя игнорировать тот факт, что африканские лидеры рассматривали СССР как источник разного рода помощи. Однако реальность оказалась прозаичнее. Очевидное преимущество в отсутствии колониального прошлого обернулось проблемой незнания африканских реалий и многочисленными ошибками советской политики.

В 1950-е гг. идеологи марксизма-ленинизма разрабатывали адаптированный вариант «коммунистического» будущего для освободившихся стран: он нашел свое выражение в виде теорий «некапиталистического развития» и «социалистической ориентации»⁹. Центральной проблемой адаптации стал вопрос об отсутствии в Тропической Африке рабочего класса – неотъемлемого атрибута социализма. Но в условиях холодной войны не могло быть и речи о том, чтобы дожидаться момента, когда он возникнет естественным путем! Отсюда следует понимание некапиталистического пути развития как подготовки к социализму. «Некапиталистический путь – не непосредственное строительство социализма, а особый этап исторического развития, который обеспечивает возможность ликвидации отсталости, унаследованной от колониального прошлого»¹⁰ с учетом своеобразия и противоречивости африканских реалий. Особый акцент делали на том, что преодоление отсталости не должно отождествляться исключительно с экономическим ростом, а должно сочетаться с политической волей по сближению с мировой системой социализма, установлению социалистических форм и методов хозяйствования, созданию государственного сектора экономики и установлению ограничений в отношении «национальной буржуазии и иностранного капитала»¹¹.

В СССР политическая независимость Африки здраво оценивалась как первый шаг подлинной деколонизации. «Эта независимость будет шаткой и превратится в фикцию, если революция не приведет к глубоким изменениям в социальной и экономической жизни»¹². Чтобы причислить то или иное государство Африки к сторонникам некапиталистического пути развития, достаточно было установления дипломатических отношений с СССР и антизападных заявлений. Африканские лидеры охотно использовали левую ри-

⁸ Цит. по: Газета «Гана Таймс» от 19 ноября 1959 г. // АВП РФ Ф. 573. Оп. За. П. 3. Д. 4. Л. 3.

⁹ Кива А.В. Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 24

¹⁰ Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. С. 457.

¹¹ Там же. С. 462.

¹² Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 354.

торику и антиколониальные заявления, но одновременно в рамках политики «позитивного нейтралитета»¹³ устанавливали дипломатические отношения и с западным миром, и с социалистическим лагерем, и с КНР, стремясь при этом получить разнообразную помощь и кредиты, не считая себя обязанными следовать какому-то конкретному курсу.

Тропической Африке левая идея была хорошо знакома. Первое отделение Французской социалистической партии появилось в Сенегале еще в 1920 году¹⁴. В период деколонизации, начиная с 1940-х гг., многие из африканских лидеров творчески переосмыслили левую идею, предложив собственные концепции «африканского социализма». Наиболее известны коншиенсизм Кваме Нкрумы, уджамаа Джужуиса Ньерере, негритюд Леопольда Сенгора. Общим для них было признание исключительности африканской личности и акцент на отсутствие классового деления и антагонизма в африканских обществах. Именно в коммунализме, коллективизме, «общинности» идеологи «африканского социализма» усматривали истоки самобытного африканского социализма, утверждая, что африканцы жили при социализме до появления европейцев. Такое понимание социализма по-африкански точнее было бы назвать африканским национализмом. Но даже при столь оригинальном понимании не существовало никаких противоречий между «африканским социализмом» и теорией «некапиталистического пути».

Приверженность «африканскому социализму» не подразумевала единой логики развития; «африканский социализм» отличается многообразием и плохо поддается упорядочиванию. Чтобы понять, какой из вариантов находится ближе к подлинному социализму, а какой противоречит ему, необходимо уточнить, в какой степени и насколько широко в нем используются элементы теории «некапиталистического пути» развития.

Негритюд Л. Сенгора в первую очередь был теорией африканского ренессанса и породил целую серию «национальных социализмов». Сенегальский вариант советская историография классифицировала как национал-реформизм¹⁵. Этому содействовало здоровое отрицание Л. Сенгором самой возможности применения в реалиях Тропической Африки принципов и практик «научного социализма», выработанного на основании европейского и советского опыта. Избрав свой срединный путь, Л. Сенгор использовал в Сенегале планы экономического и социального развития, внедрял кооперативное движение, модернизировал сельское хозяйство и стимулировал индустриализацию. Однако все эти меры по развитию Сенегала осуществлялись при приоритетной поддержке бывшей метрополии¹⁶ и других стран запада, оставаясь социалистическими только по форме. Социалистические лозунги только прикрывали

¹³ Позитивный нейтралитет – внешнеполитический принцип стран Движения неприсоединения времен холодной войны, не допускавший вступления того или иного государства в тот или иной военно-политический блок.

¹⁴ *Charles Bernard. Le socialisme africain: mythes et réalités // Revue française de science politique, 1965. № 5. P. 856.*

¹⁵ *Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. С. 534.*

¹⁶ Сенегал находился в составе колониальной империи Франции с 1817 по 1960 г. с коротким перерывом 1902–1904 гг. Дакар был столицей Французской Западной Африки.

капиталистический путь развития. Развитие Сенегала в тесном сотрудничестве с западом и нормальные отношения с Францией – лучшее доказательство тому, что этот вариант африканского социализма менее всего соответствует «некапиталистическому пути».

Отрицание классовой борьбы и ставка на развитие за счет крестьянских хозяйств в концепции уджамаа Джулиуса Ньерере в Танзании с точки зрения СССР называлась мелкобуржуазным (крестьянским) утопическим социализмом¹⁷, распространяющим ценности общинной справедливости и отрицавшим классовую структуру. После принятия Арушской декларации 1967 г. Танзания с позиций «некапиталистического пути» развития сделала шаг вперед, провозгласив курс на национализацию частной собственности, усиление госсектора и ограничение иностранного капитала в экономике, тем самым признав классовый характер социалистического развития.

Развитие Танзании должны были обеспечить коллективные хозяйства – «уджамаа». «Деревни уджамаа – это добровольные объединения крестьян, живущих и работающих единым коллективом, на равной основе, сообща вырабатывающих коллективный урожай и распределяющих его продукцию, а также удовлетворяющих своими силами потребности мелкого характера»¹⁸. Такая коллективизация по-танзанийски должна была, по мысли президента Дж. Ньерере, создать условия для наилучшего и скорейшего развития сельского хозяйства, препятствовать проникновению капиталистических отношений в деревню и стать основой для реализации провозглашенного в Арушской декларации 1967 г. курса на построение социалистического общества, в котором свободный коллективный труд совершенно естественен.

Первые результаты перехода Танзании к социализму. К 1973 г. доля госсектора не превышала 37,5 %¹⁹, более 2/3 кредитов для развития страны поступали от стран запада, а доля торгового оборота с капиталистическим миром была на уровне 85 %²⁰. В то же время образцово-показательные хозяйства «уджамаа» были учреждены лишь в 5 из 16 регионов Танзании, в двух из них «уджамаа» объединяли не более 1 % крестьян региона. Более 90 % хозяйств «уджамаа» не имели никаких коллективных полей и угодий, а их доля в производстве сельскохозяйственной продукции страны не превышала в совокупности 1,5 %²¹.

Режимы, определяемые советской историографией как национальные (революционные) демократии²², наиболее точно соответствовали идее некапиталистического пути развития. Традиционно к ним относят политические режимы Ахмеда Секу Туре в Гвинее, Кваме Нкрума в Гане и Модибо Кейта в

¹⁷ Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. С. 535.

¹⁸ Справка «Роль коллективных хозяйств “уджамаа” в развитии сельского хозяйства Танзании» от 19 июля 1973 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 1423. Л. 175.

¹⁹ Справка «О роли госсектора в экономике Танзании» // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 1423. Л. 4.

²⁰ Справка «Экономические связи капиталистических стран с Танзанией» // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 1423. Л. 196–206.

²¹ Справка «Роль коллективных хозяйств “уджамаа” в развитии сельского хозяйства Танзании» от 19 июля 1973 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 1423. Л. 174.

²² Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. С. 537.

Мали. Общим для них было признание классовой борьбы, роли идеологии в общественном развитии, согласие с принципами управления социалистической экономикой. Однако это совершенно не означает, что у них отсутствовала индивидуальность и не было противоречий по отдельным вопросам. Любой африканский лидер, который добился политической независимости, обладал огромным кредитом доверия и стремился обеспечить развитие и процветание своей страны, исходя из собственных представлений о том, в какое будущее должна идти его страна. Уже после своего свержения в 1967 г. К. Нкрума писал: «Некоторые африканские политические лидеры и мыслители используют термин “социализм” так, как, по-моему, его и надо употреблять: для описания комплекса социальных целей и необходимых для их достижения политических мер, организационных структур, форм государственного устройства и идеологий. Такие лидеры намерены переделать африканское общество на социалистический лад, перестроить его таким образом, чтобы гуманизм традиционного африканского образа жизни утвердился в современном индустриальном обществе»²³.

Гана – первое государство Тропической Африки, добившееся независимости в 1957 г., первое десятилетие своего независимого существования развивалось под руководством Кваме Нкрума и его системы взглядов, вошедшей в историю как коншиенсизм. Коншиенсизм, или «философия сознательности», базировался на сложном синтезе религиозных ценностей²⁴, традиций африканского коммунизма и марксистской философии, пытаясь соединить все позитивное, что могло бы быть использовано для деколонизации и развития Африки. После периода осторожной политики 1957–1958 гг. и перехода к открытому курсу на социалистическое развитие последовало существенное улучшение отношений с СССР. Дипотношения между странами были установлены 14 января 1958 г.²⁵ До 1961 г. участие СССР в экономике Ганы можно считать нулевым. Полноценное взаимодействие началось только после подписания ряда соглашений, обеспечивших ее основу²⁶. В феврале 1961 г. состоялся визит Л.И. Брежнева, а 10–16 января 1962 г. состоялся визит А.И. Микояна²⁷, была проведена Советская торгово-промышленная выставка, подписаны контракты²⁸. С этим периодом совпадают и начавшиеся изменения в Гане.

²³ *Кваме Нкрума. Еще раз об африканском социализме // Африка: история и истории. М., 2014. С. 172.*

²⁴ В сочетании традиционных африканских верований, ислама и христианства различных направлений.

²⁵ О Гане (справочная информация по стране общего характера) // URL: <http://www.ghana.mid.ru/ghana.html> (дата обращения 29.11.2017).

²⁶ «Торговое Соглашение между СССР и республикой Ганой» от 4 августа 1960 г.; «Соглашение о техническом и экономическом сотрудничестве» и «Соглашение о культурных связях» 1961 г.

²⁷ В 1961 г. Л.И. Брежнев занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, А.И. Микоян в 1962 г. занимал пост заместителя председателя Совета Министров СССР.

²⁸ Обзор экономики Ганы за 1962 год // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 10–11.

Западные ценности индивидуализма и в первую очередь частной собственности как основы развития западного мира и порожденного ей капитализма, все «преимущества» которого Африка испытала на себе, как никто другой, прямо противоречили традиционной африканской кооперации и коммунизму и воспринимались как предательство африканской личности²⁹.

Кваме Нкрума в начале 1960-х гг. инициировал перестройку экономики Ганы на социалистический манер: внедрялись плановые методы управления экономикой, устанавливался контроль за экспортно-импортными операциями. Расчет был на то, что соединение традиционных для Африки общинных форм собственности и труда с применением эффективного централизованного планирования даст быстрые результаты и создаст устойчивую и эффективную экономическую систему сначала при финансовой и технологической поддержке иностранных государств, а в обозримом будущем и за счет собственных ресурсов.

План первой пятилетки Ганы на 1959–1964 гг. был странным. Как такового никакого плана экономического развития не было. Из необходимых 342 млн фунтов для реализации плана³⁰ правительство гарантировало только 10 млн фунтов, остальные средства, а вместе с ними и технологии должны были предоставить частные инвесторы³¹. Для этого в 1958 г. был принят закон о гарантиях капиталовложений, а в 1960 г. ликвидирован финансовый государственный контроль за иностранными инвестициями и заморожены французские активы³². Гана рассчитывала на скорейшую реализацию соглашения с США 3 июня 1957 г., в котором говорилось о содействии США в развитии сельского хозяйства, транспортно-дорожной сети, образования, геологоразведки и архиважного для Ганы проекте строительства ГЭС на р. Вольта³³.

Год от года Гана страдала от дефицита бюджета из-за неразвитости экономики, низких цен на какао, необходимости оплачивать множество дорогостоящих проектов и непредусмотренных трат. Нерациональное использование средств очевидно³⁴, когда речь заходит о строительстве Института ядерной физики за 400 тыс. фунтов или трата 300 тыс. фунтов на прием в ноябре 1961 г. в Аккре Елизаветы II³⁵.

Финансирование дорогостоящих проектов объяснимо стремлением совершить качественный скачок в развитии. Понятна и двойственность поли-

²⁹ *Baruch Hirson*. *Communalism and Socialism in Africa* // URL: <http://www.marxists.org/archive/hirson/1989/clr-james.htm> (дата обращения: 20.12.2018)

³⁰ План предусматривал строительство 600 предприятий с нуля.

³¹ Записка О.Л. Орестова «О политическом положении Ганы» от 22 апреля 1959 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 30–31.

³² Газета «Гана Таймс» от 4 апреля 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 191; Газета «Дейли График» от 12 апреля 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 193–194; Газета «Гана Таймс» от 22 апреля 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 203.

³³ Газета «Гана Таймс» от 6 февраля 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 73.

³⁴ Записка О.Л. Орестова «О политическом положении Ганы» от 22 апреля 1959 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 6.

³⁵ Обзор экономики Ганы за 1962 год // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 43–45.

тики Кваме Нкрума в отношении Великобритании и расходы на прием королевы. Англия – главный внешнеторговый партнер Ганы и основной источник пополнения бюджета государства. Вопреки распространенному в советской историографии мнению, что после сближения с СССР Гана развивалась за счет советской помощи³⁶, необходимо отметить, что размер советской финансовой помощи не превышал 10 % от общего объема³⁷. Этим объясняется и отсутствие в Гане масштабной национализации. Но на фоне дефицита бюджета, антиколониальной и антикапиталистической риторики и сближения с СССР такие затраты на прием королевы выглядят необоснованно, но объяснимо.

В следствие сближения с СССР в Гане с 1961 г. начинает расти государственный сектор. За 1962–1963 гг. появилось более 100 госхозов, с помощью которых планировалось создать в Гане высокотоварное сельское хозяйство. Однако они давали только 5 % экспорта зерна, бананов и овощей и никак не касались главного источника доходов – какао-бобов. Как и госхозы, промышленные госпредприятия были не эффективны. Спичечная фабрика за 1962 г. с учетом роста выпуска продукции на 44 % «чистыми» заработала 9 тыс. фунтов! Вторжение государства в экономику происходило стремительно. За период с 1962–1964 гг. доля государства во внешней торговле Ганы выросла с 10 % до 75 %, что позволило немного отсрочить крах режима К. Нкрума³⁸.

В политическом плане реализация принципов коншиенсизма о естественном демократическом централизме и его добровольная поддержка населением выразилась в последовательной эволюции режима К. Нкрума до авторитарного. Еще до «левого» крена в политике выборы депутатов в Национальное собрание в г. Кумаси (столица Ашанти) в 1959 г. показали, что регион расколот пополам и представители НПК³⁹ победили с незначительным перевесом голосов. Еще в «демократические» времена отношения власти и оппозиции не отличались теплотой – раскрывались заговоры, аресты и ссылки были обычным делом. Параллельно шли репрессии против традиционной знати⁴⁰.

Политическая оппозиция существовала и участвовала в президентских выборах 1960 г. Программа кандидата в президенты от Объединенной партии Джозеф Боаки Данква⁴¹ предвосхищает развитие режима К. Нкрума. Среди проблем отмечены: стремление К. Нкрума к авторитаризму, необходимость

³⁶ Экономика независимых стран Африки. М., 1972. 364 с.; Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972. 557 с.; Солодовников В.Г. Современный этап некапиталистического развития в Азии и Африке М., 1972. 74 с.

³⁷ Soviet economic aid to Sub-Saharan Africa: Politics in command. 01.03.1986 // URL: [http://www.faqs.org/cia/docs/23/0000802735/SOVIET-ECONOMIC-AID-TO-SUB-SAHARAN-AFRICA:-SUB-SAHARAN-AFRICA-\(NI-ИМ-86-10003\).html](http://www.faqs.org/cia/docs/23/0000802735/SOVIET-ECONOMIC-AID-TO-SUB-SAHARAN-AFRICA:-SUB-SAHARAN-AFRICA-(NI-ИМ-86-10003).html) (дата обращения 20.12.2018).

³⁸ Обзор экономики Ганы за 1962 год // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 1–60.

³⁹ НПК – Народная партия конвента – социалистическая партия Ганы, основана К. Нкрума 12 июня 1949 г.

⁴⁰ Записка О.Л. Орестова «О политическом положении Ганы» от 22 апреля 1959 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 2–41.

⁴¹ Кандидат от оппозиции Джозефа Боаки Данква на президентских выборах 27 августа 1960 г. получил почти 11 % голосов.

усиления политических институтов, необходимость сохранения нормальных отношений с Великобританией, восстановление прав на владение землей племен и вождей, уход государства из экономики. В ходе президентской кампании 1960 г. Дж. Б. Данква обвиняет К. Нкруму в стремлении к диктатуре и в использовании «грязных» политических технологий на референдуме о принятии новой Конституции Ганы и выборах президента Ганы 27 августа 1960 г.

В укор К. Нкрума ставился призыв голосовать на референдуме за проект новой Конституции, напечатанный только на английском языке тиражом всего в 10 тыс. экз. для 2 млн правоспособного населения. Кроме того, копии проекта Конституции не распространялись бесплатно, а продавались по шиллингу за штуку⁴². И это в бедной и безграмотной стране! Напротив подконтрольная К. Нкрума печать вела пропаганду в риторике африканского социализма: «...новая Конституция будет африканской по своей сущности <...>, исполняя наши сокровенные чаяния и отражая в одинаковой степени как потребности Ганы, так и вообще африканскую индивидуальность и благородство, свободу Африки, ее единство и справедливость»⁴³. В 1961 г. К. Нкрума был провозглашен пожизненным председателем НПК. 1 августа и 9 сентября 1962 г., а также 8 января 1963 г. на К. Нкруму были совершены покушения, что свидетельствует о наличии в стране сил, несогласных с курсом усиления личной власти⁴⁴. В 1964 г. Кваме Нкрума стал пожизненным президентом Ганы, а вся политическая оппозиция была запрещена⁴⁵.

Деколонизация Африки не означала мгновенного благополучия, и влияние Запада никуда не исчезло⁴⁶, но теперь ответственность за успехи и просчеты полностью ложилась на национальное руководство. К. Нкрума не смог конвертировать поддержку собственного народа и мирового сообщества в создание эффективной модели экономического развития. Поэтому период нахождения у власти К. Нкрума необходимо понимать скорее как политическое намерение развиваться по некапиталистическому пути, где самому К. Нкрума более импонировала модель безграничной личной политической власти.

Некапиталистическое развитие обернулось жесточайшим экономическим и политическим кризисом, который имел для режима катастрофические последствия. К. Нкрума свергли 24 февраля 1966 г. Первое независимое государство Африки, провозгласив курс на строительство справедливого общества, не продержалось и десяти лет.

В Тропической Африке существовали режимы, которые объявляли о строительстве социализма не по африканскому, а по советскому образцу. В 1970 г. первым об этом заявил лидер Конго-Браззавиль Мариан Нгуаби,

⁴² Газета «Гана ньюз Эдженси» от 28 марта 1960 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 4. П. 5. Д. 16. Л. 141–144.

⁴³ Цит. по: Газета «Ивнинг ньюз» от 12 декабря 1959 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. За. П. 3. Д. 4 Л. 28.

⁴⁴ Обзор экономики Ганы за 1962 г. // РГАЭ. Ф. 365. Оп. 2. Д. 2843. Л. 16.

⁴⁵ *Arnold Beichman. Western Socialists and Ghana // Transition, No. 30 (Apr.–May, 1967). P. 28–29.*

⁴⁶ Записка О.Л. Орестова «О политическом положении Ганы» от 22 апреля 1959 г. // АВП РФ. Ф. 573. Оп. 3. П. 2. Д. 5. Л. 2–41.

позднее – Агностио Нето (Ангола), Сиад Барре (Сомали), Менгисту Хайле Мариам (Эфиопия).

В период с 1957 по 1976 г. в 15 странах Тропической Африки были установлены политические режимы, которые поддерживали тесные отношения с СССР и подходили под критерии «страна некапиталистического пути развития». Для обеспечения экономического роста в них можно было наблюдать усиление государственного регулирования, национализацию важнейших отраслей и секторов экономики, принятие планов экономического развития, создание коллективных хозяйств в деревне, реализацию убыточных или необоснованно дорогих инфраструктурных проектов. Политическое развитие стремилось к выстраиванию властной вертикали, формированию диктатуры и однопартийной системы, были репрессии против оппозиции, контролировались профсоюзы, общественные организации и СМИ, развивался культ личности находившихся у власти лидеров. Неотъемлемой частью жизни государства была пропаганда, создание и контроль детских и молодежных движений, мобилизационная риторика и эксплуатация образа революции. Некапиталистическое развитие не смогло доказать свою эффективность. Ценой социалистической иллюзии стали экономические и политические потрясения, гражданские войны и военные перевороты в странах, которые решались выбрать альтернативу.

О РОЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ВОПРОСЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВЕТСКОЙ КАРИКАТУРЫ 1970–1980-х гг.

Червяков Руслан Юнадиевич
(*Московский государственный университет*
имени М.В. Ломоносова)

Изучение истории советского государства и общества невозможно без обращения к проблеме советской идеологии, которая во многом определяла взгляды человека на происходящее в мире. Эти взгляды транслировались посредством в том числе и визуальной пропаганды, в которой в концентрированном виде отражались основные партийные решения и постановления¹. Несмотря на то что советская карикатура уже давно активно включена в научный оборот², говорить об окончательном оформлении методики ее изучения не приходится. Восстановление связки между идеологией, пропагандой и реальной политической обстановкой позволит восполнить этот пробел.

В качестве источника отобрано самое массовое сатирическое издание, издаваемое ЦК КПСС, – журнал «Крокодил». «Перелистайте комплекты “Крокодила” – и вы убедитесь: не было в нашей жизни никакого исторически значимого события – от первого “мирного наступления” Страны Советов на международной арене до новой конституции СССР, – на которое не откликнулся бы карикатурист»³, – такую характеристику жанру дает журнал «Крокодил». В статье делается акцент на анализе карикатурного материала ввиду его особенной популярности среди массового читателя. Главная сложность в работе с карикатурами заключается в дешифровке так называемых «смысловых слоев», выяснении подоплеки создания того или иного изображения⁴.

¹ *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий (о том, что видел, пережил, запомнил). М., 2000. URL: https://royallib.com/read/efimov_boris/_desyat_desyatiletiy.html#1655554 (дата обращения: 27.02.2019).

² *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М., 2018; *Он же.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы. М., 2008; *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М., 2017; *Гринько И.А., Шевцова А.А.* «Дятел докладодобящий» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры // Историческая экспертиза. 2018. № 1.

³ Крокодил. 1977. № 32.

⁴ *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное. Россия на рубеже XIX–XX вв. в политической карикатуре. М., 2010. С. 90.

Анализ развития идеологии производился по основным идеологическим документам.

На протяжении хрущевского и брежневского периода советская идеология претерпела ряд существенных трансформаций, связанных, однако, не с попыткой связать идеологические установки с реалиями общественно-политического развития, а с попыткой сформировать модель власти, пригодную для поддержания стабильности правящего класса. Эта ограниченная по своей направленности цель привела к окончательной дискредитации советской идеологии, по сути ввергнув ее в состояние кризиса. В качестве узловых моментов можно выделить четыре события: XX съезд КПСС (февраль 1956 года), Международное совещание коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 года), принятие очередной (третьей) программы КПСС на XXII съезде партии (октябрь 1961 года) и принятие Верховным Советом СССР новой Конституции (октябрь 1977 года).

XX съезд КПСС избран отправной точкой, поскольку он стал первым партийным форумом, созванным после смерти И.В. Сталина, соответственно, на нем Хрущев в любом случае должен был бы выступить или в поддержку курса своего предшественника, или выдвинуть какую-то новую программу. На закрытом заседании 25 февраля Хрущев зачитывает по сути программный доклад «О культе личности и его последствиях», который нанес решительный удар по существовавшей идеологической модели, в центре которой находились идеи И.В. Сталина, сформулированные им в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Теперь идеология должна была оправдать сращивание партийных и хозяйственных кадров, а для этого было необходимо вернуться по сути к идее «перманентной революции», в условиях которой партия должна оказаться в авангарде революционного процесса и руководить не только народными массами, но и всеми остальными ресурсами для ниспровержения капитализма. Также было важно возродить классовый подход, снятый с повестки дня с началом Великой Отечественной войны, когда против советских рабочих по сути пошли воевать немецкие рабочие⁵. Классовая борьба являлась существенным элементом революционного процесса, поэтому без нее грядущая революция была бы невозможна.

Тема революции стала основной на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 года. Распад мировой колониальной системы, по мнению участников совещания, является существенным фактором кризиса империализма, с одной стороны, а с другой стороны, открывает возможность вести коммунистическую пропаганду среди освободившихся народов. Участники совещания отмечают, что «Существование социалистической системы, помощь, оказываемая этим странами социализма на равноправных началах, и сотрудничество между социалистическими странами и ими в борьбе за мир, против агрессии облегчают народам этих стран возможность защиты своей национальной свободы и продвижения по пути социального прогресса»⁶.

⁵ *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М., 2001. С. 595–610.

⁶ Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося 14–16 ноября 1957 г. в г. Москве

Главным идеологическим документом, в соответствии с которым определялись ценностные установки, стала Третья программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС в 1961 году. Согласно этому документу, главная опасность для социалистического строя исходит от американского империализма, который совершает подрывные акции по всему земному шару, но под этим понятием подразумевается «империалистическая буржуазия», более конкретно «кучка миллионеров и миллиардеров»⁷, «финансовая олигархия и военщина, фашисты и реакционные клерикалы, колонизаторы и помещики, все идейные и политические пособники империалистической реакции»⁸.

Хрущевский период в развитии идеологии связан с возникновением противоречий: возрожденная им идея мировой революции оказалась в противоречии со сталинской концепцией построения социализма в отдельно взятой стране, вынесенный вновь на повестку дня классовый подход отталкивал представителей европейской коммунистической интеллигенции и подтачивал устои советской номенклатуры и т. д. При Брежневе завершился период идеологических метаний, но вместе с этим старые противоречия не были преодолены, они оказались просто заморожены.

Делая основной акцент на решении внутривнутриполитических проблем, советская идеология постепенно теряла наступательный характер по отношению к западной идеологии. Задолго до описываемых событий В.И. Ленин в статье «Что делать?» выразил следующее мнение: «...всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»⁹. Таким образом, по мнению Ленина, идеология должна носить наступательный, даже агрессивный характер. Однако к середине 1980-х произошел переход в фазу глубокой обороны, который отражен в понятии «контрпропаганда». В январе 1985 года в редакцию главного идеологического журнала «Коммунист» поступило письмо¹⁰ от старшего инструктора политотдела ОКПП «Одесса» погранотряда КГБ, майора В.В. Павлинова. Автор письма в тезисной форме излагает свое понимание понятия «контрпропаганда», которую он называет «верным оружием в борьбе с идеологическими диверсиями»¹¹, «оперативным элементом идеологической борьбы, дающим аргументированный отпор натискам буржуазной пропаганды»¹². Важное замечание делает Павлинов по поводу критерия эффективности пропаганды: «Непременное условие эффективности всей идеологической работы и в частности контрпропаганды – ее *высокая эмоциональность* (курсив мой. – Р. Ч.), ориентация на формирование у слушателей устойчивых чувств ненависти и презрения к клеветникам, прикрывающим свои хищнические намерения

16 ноября 1957 года // Наследники Коминтерна. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.): документы. М., 2013. С. 63.

⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 26.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. С. 40.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 907. Л. 153–158.

¹¹ Там же. Л. 153.

¹² Там же. Л. 154.

набором фальшивок, призванных отвлечь внимание объекта антисоветской пропаганды от ее истинных целей»¹³.

В ответном письме редакция отмечает только, что «контрпропаганда – это всегда очень конкретный разговор, опирающийся на факты... разоблачающий ту или иную пропагандистскую идею империализма»¹⁴. Если рядового пропагандиста начинают волновать вопросы, связанные с оборонительными идеологическими действиями, это означает, что никакой наступательности в идеологии уже нет, более этого, на субъективном уровне эта ситуация уже воспринимается как нормальная. Вялая реакция редакторов журнала показывает общую деградацию идеологической работы на уровне центральных органов. Однако еще раз необходимо повторить, что эта тенденция берет свое начало еще в 1960-е годы.

Все эти трансформации ставили пропагандистский аппарат в положение, когда врага нужно было бить аккуратно, но сильно. Еще одним фактором, связывающим мощь пропагандистской машины, стала ее трансформация в привилегированную группу, внутри которой действовали те же законы, что и внутри партийной номенклатуры. Так называемая «культурная рента»¹⁵, выраженная в публикации многомиллионными тиражами работ ведущих художников-карикатуристов (в первую очередь таких корифеев жанра, как Б.Е. Ефимов, М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов и М.А. Абрамов), заграничных командировках, квартирах, машинах и дачах, привела к преувеличению материальной заинтересованности над идеологической честностью авторов. Характерными явлениями стали многофигурные карикатуры, на которых изображалось сразу несколько образов-масок, пресловутый формализм (господство художественной затеи над идеологическим содержанием), однообразие тем и сюжетов. Карикатура становится более мягкой, усиливаются элементы комизма, тогда как идеологическое содержание смягчается. Враг становится более нелепым и менее опасным.

Эти тенденции в полной мере отражены в серии карикатур «Обречены на вымирание. В “Красную книгу” не заносить!»¹⁶ Л. Самойлова. В подписи к серии автор объясняет свой замысел тем, что знаменитый немецкий зоолог Альфред Брем, автор книги «Жизнь животных», не успел описать «хищников из империалистических джунглей», поэтому ему захотелось восполнить этот пробел.

Серия состоит из шести рисунков, каждый из которых отражает архетипический образ врага: воротила крупного капитала изображен в виде огромного полумужчины-полукенгуру, сумка которого полна золотых монет («сумчатое ненасытное»); представитель апартеида изображен в виде мертвеца в пробковом шлеме, держащего в руках знак доллара с надписью «кредиты» и здание банка («колонизатор махровый»); расист одет в классический ку-клукс-клановский белый балахон, в руках у него ружье и удавка («единогор

¹³ Там же. Л. 157.

¹⁴ Там же. Л. 158.

¹⁵ *Наумова Г. Р., Шаповалова Н.В.* Культурная рента и культурная революция // Клио – 2018. № 7. С. 154–157.

¹⁶ *Самойлов Л.* Обречены на вымирание. В “Красную книгу” не заносить! // Крокодил. 1978. № 4.

ку-клукс-клановский»); нефашист, как и колонизатор, изображен в виде мертвеца (отсылка к отмиранию этого общественного явления), из головы которого торчит десяток маленьких гитлеров, тянущих руку в нацистском приветствии («гидра фашистская»); латиноамериканский диктатор представлен в виде огромной обезьяны в военном мундире, держащей в лапах топор («горилла (хунта узурпаторис)»); продажная западная пресса с утиными носами и змеиными языками кричит в микрофон о преступлениях СССР («утконос и ехидна (вульгарис-бульварис)»). Все изображения не лишены затей, полны символов, однако они скорее являются остроумными иллюстрациями явлений, нежели сатирой на врагов Советского Союза.

Примечательно, что «крокодилы» активно привлекали к работе зарубежных авторов. Основным приемом журналистов была фельетонизация события, то есть доведение какой-нибудь серьезной информации до абсурда, попытка оживить сухие сводки телеграфных агентств. В статье чехословацкого журналиста Б. Шкреко «Отеческие заботы генерала Пиночета»¹⁷ рассказывается о продаже чилийских детей в США, Италию и Швецию. Чилийское правительство решило возродить традиции работорговли в связи с бумом сиротства и беспризорничества, вызванным массовыми репрессиями инакомыслящих. Социальные меры диктатора не интересуют: «Только не предлагайте мне расточительные проекты детских приютов! Вы же прекрасно знаете, какие расходы нас ожидают в связи с планируемым перевооружением армии!»¹⁸

Когда советники сообщили Пиночету о возможности получить по 10 тысяч долларов за каждого беспризорника, тот начал усиленно подсчитывать: «Склерозированный мозговой компьютер пробуксовывал на нулях, не срабатывал. Но и так ясно было, что получается много, очень много тугих долларовых пачек, похожих на зеленые кирпичики. И впервые при мысли о детях-сиротах лицо диктатора тронула нежная, отеческая улыбка». Хлесткие сравнения и метафоры рисовали образ безумного старика, помешанного на укреплении своей власти за счет понижения жизненного уровня своих сограждан и повышения расходов на оборону. Фантазмагоричность сюжета, который никак не ассоциировался с советскими реалиями, позволял в очередной раз подчеркнуть, сколь глубоко продвинулся Запад в процессе загнивания.

Отношение советских карикатуристов к своему делу контрастно проявляется при сравнении карикатур на одно и то же событие или человека, сделанных советскими и иностранными художниками. Так, художник чехословацкого журнала «Дикобраз», для которого Пиночет является не более чем ярлыком, делает главный акцент на ногах диктатора, в роли которых выступает здания казармы и тюрьмы, от портретного сходства остаются только темные очки и усики¹⁹. Американскому художнику Антону Рефрежье, «чилийский цикл» которого опубликовали в «Крокодиле» в 1979 году, удалось совместить портретное сходство с оригиналом, немного подкорректировав лицо диктатора, в результате чего в нем стал четко проступать череп. В роли костей карикатурист изобразил перекрещенные плетку и дубину. От всего

¹⁷ Шкреко Б. Отечественные заботы генерала Пиночета // Крокодил. 1982. № 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Я твердо стою на ногах! // Крокодил. 1979. № 4.

облика диктатора веет холодным презрением, карикатура проникнута пафосом ненависти к угнетателю чилийского народа. Такой яркий контраст между подходами двух художников показывает, насколько важна может быть деталь в карикатуре.

Вообще советские карикатуристы относились к Пиночету двояко: с одной стороны, они соблюдали портретное сходство с оригиналом, но с другой – всегда изображали его в комическом и нелепом виде. На карикатуре «Референдум по-чилийски»²⁰ Пиночет, вылезавший из-за ширмы, опускает в избирательную урну вместо бюллетеня чилийца, держащего в руке плакат с надписью «против». Однако на подсчет голосов это никак не повлияет, потому что в роли избирательной урны выступает тюрьма, крыша которой запечатана сургучовой печатью со свастикой. Пиночет предстает перед читателями в образе рыбака, удящего рыбу на удавку²¹, капитана корабля-тюрьмы²², маленького человечка с топором в кругу противников разрядки²³, убийцы в нацистской форме²⁴ и т. д. Однако, при всей своей агрессивности, карикатурный образ Пиночета воспринимается в первую очередь как комический. Пиночет в изображении карикатуристов становится мультипликационным персонажем, напоминающим одного из героев мультсериала «Том и Джерри», но никак не страшнейшего диктатора всех времен и народов.

Вообще необходимо отметить, что образ Пиночета во многом калькирован с ранее созданных «крокодильцами» образов диктатора. Первым таким образом можно считать карикатуры на Гитлера (в особенности работы Кукрыниксов), а в послевоенные годы – на Иосипа Броз Тито. «Толстый человек на кривых коротких ногах, в фуражке с высокой тульей, с топором в руках, с которого стекает кровь, в одном кармане – пачка долларов, в другом – «Майн камф», правая рука поднята в нацистском приветствии, и с нее тоже капает кровь – таким был самый распространенный карикатурный образ Тито»²⁵. Ремейк в политической карикатуре – довольно распространенное явление, поэтому исследователи в первую очередь призывают обращать внимание на трансформацию отдельных деталей карикатуры²⁶.

Если сопоставить изображения Тито и Пиночета, то можно обратить внимание на общность внешних атрибутов – топоров, свастик, пятен крови и т. д. Вместе с тем изменение коснулось пропорций персонажей. Если Тито в целом изображается в нормальных пропорциях²⁷, то Пиночета обычно изображают маленьким на фоне окружающих его предметов. Таким образом, жесткие репрессивные меры режима Пиночета отходят на второй план при изображении его комичным карликом, стремящимся походить на Гитлера.

²⁰ Лисогорский Н. Референдум по-чилийски // Крокодил. 1979. № 9.

²¹ Вайсборд М. «Уголок рыбакова» // Крокодил. 1977. № 29.

²² Черепанов Ю. «Новый курс» // Крокодил. 1977. № 28.

²³ Ефимов Б. Приняли в свой круг // Крокодил. 1978. № 25.

²⁴ Абрамов М. Попали под амнистию... // Крокодил. 1978. № 17.

²⁵ Матонин Е. В. Иосип Броз Тито. М., 2012. С. 229–230.

²⁶ Голиков А. Г., Рыбаченок И. С. «Отъщи всему начало...» Ремейк в политической карикатуре // Родина. 2013. № 12. С. 75.

²⁷ Напр.: Вальк Г. Его путь. Крокодил. 1949; Ганф Ю. К «выборам» в Югославии. Крокодил. 1950.

При этом необходимо отметить, что «крокодилы» всегда стремились отвечать на актуальные вопросы и характеризовать злободневные тенденции западного общества. Во второй половине XX века необычайно актуальным становится вопрос, связанный с тотальным контролем государства за своими гражданами. Действительно, в условиях научно-технической революции, когда в жизни человека появляется все больше новых приборов, идея о возможности слежки за всем и всеми становится не такой уж фантастической. В массовом сознании укореняется представление, что средства массовой информации на Западе находятся под тотальным контролем спецслужб. В ответ на беспокойство журналиста о том, что налогоплательщики не одобряют увеличение военных расходов, американский эксперт заявляет: «Свободная пресса – она потому и свободная, что чуть не то написал – и свободен»²⁸. Так, в одном из номеров «Крокодила» сообщается, что Центральное разведывательное управление США завербовало 800 журналистов²⁹. На соответствующей карикатуре ЦРУ предстает в образе удава, обвившего с ног до головы журналиста. Связав ему руки, удав печатает статью на машинке кончиком своего хвоста.

Наравне с образом змеи активно используется образ разъяренного пса. Карикатура «Спускают с цепи...»³⁰ посвящена подписанию президентом Рейганом указа о расширении полномочий ЦРУ и ФБР по сбору частной информации американцев вне зависимости от того, в какой части света они находятся. Спецслужбы изображены в виде злых псов в наушниках и с микрофонами, спускаемых с цепи человеком в дорогом костюме, стоящем на ступеньках Капитолийского холма, резиденции Конгресса США. Их звериный оскал не должен вызывать сомнения в том, что они рьяно примутся за исполнение своей работы.

К разряду актуальных можно также отнести тему оружия массового уничтожения. На эту тему публиковались карикатуры следующего содержания: на первой³¹ человек с азиатскими чертами лица во френче дарит маленькому человечку в пробковой шляпе с надписью «ЮАР» погремушку в виде звезды, сложенной из атомных боеголовок; на второй³² – американец, предстающий в образе Дяди Сэма, ссыпает из своей железной коробки ракеты в бумажный кулек с надписью «антисоветизм», который держит в руках маленький человек с азиатскими чертами лица. Этим показывается отход бывших китайских товарищей от идей марксизма-ленинизма и даже поворот в сторону мирового империализма. Той же теме посвящена карикатура «Новый покупатель»³³, изображающая заигрывания китайского лидера Дэн Сяопина с руководством НАТО. Китайский лидер изображен в образе дородной женщины, гуляющей по рынку с маленьким кошелечком и корзинкой. В корзинке уже лежит одна бомба, однако «покупательница» присматривается к товару других продавцов. За прилавком, на котором большими буквами выбито НАТО, стоят военные, наспех накинувшие платки и халаты. Они предлагают наперебой свой

²⁸ Харьков А., Хромов С. Решающий аргумент // Крокодил. 1982. № 11.

²⁹ Биндструп Х. В объятиях ЦРУ // Крокодил. 1979. № 18.

³⁰ Мочалов В. Спускают с цепей // Крокодил. 1982. № 7.

³¹ Черепанов Ю. Пекинские погремушки // Крокодил. 1982. № 2.

³² Андреев Ю. В тару покупателя // Крокодил. 1982. № 4.

³³ Крылов А. Новый покупатель // Крокодил. 1979. № 9.

товар. Некоторые из них одеты еще в нацистскую форму, что указывает на то, что в командовании Североатлантического альянса работают бывшие гитлеровские генералы. В целом карикатура проникнута духом благодушного юмора, Д. Сяопин не лишен приятности и доброты, поэтому нельзя в полной мере констатировать, что карикатура содержит антикитайский пафос.

Таким образом, эмоциональный настрой советской карикатуры полностью исчезает. Сатирическая графика перестает разить врагов и лишь пытается их высмеивать. Деградация советской карикатуры от элемента пропаганды до банальной смешной картинки произошла по причине общей деградации советской идеологии. Нерешенные противоречия в конечном итоге привели к возникновению идеи конвергенции, т. е. сближения социализма и капитализма, что по сути означало сворачивание социалистического эксперимента. В полной мере эта тенденция проявилась в годы перестройки и связана с политикой нового мышления, идея которой, что симптоматично, была озвучена еще в 1984 году³⁴.

³⁴ Громько Ант. А., Ломейко В.Б. Новое мышление в ядерный век. М., 1984.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахрамович Наталья Вадимовна – аспирантка Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Natalia.Akhramovitsch@gmail.com

Ванюшина Олеся Викторовна – научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея, к.и.н., vanyushina_olesy@mail.ru

Виноградова Александра Сергеевна – аспирантка Руанского университета, Франция, к.ф.-м.н., vinogradova-as@mail.ru

Ермаков Вадим Андреевич – доцент Московского государственного областного университета, к.и.н., fact-476@yandex.ru

Ефимов Андрей Александрович – научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, к.и.н., aaefimov5@gmail.com

Железова Наталия Павловна – студентка Российского государственного гуманитарного университета, natali.zhelezova@bk.ru

Жирова Надежда Сергеевна – соискатель Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, nadezdalip@yandex.ru

Каторжевский Павел Николаевич – лаборант, магистрант Кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, katarzheuski@gmail.com

Козлова Светлана Юрьевна – ученый секретарь Музея истории города Ярославля, к.и.н., libushe19@yandex.ru

Косован Елена Анатольевна – доцент кафедры стран постсоветского зарубежья, Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, к.и.н., ekkade@gmail.com

Латышев Артем Валерьевич – научный сотрудник Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, к.и.н., artfarrus2@yandex.ru

Лиманова Светлана Андреевна – научный сотрудник Архива РАН, к.и.н. serovasvetlana@mail.ru

Маркова Варвара Александровна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Национального архива Республики Карелия, Pustelga4444@gmail.com

Осина Ольга Владимировна – ведущий специалист отдела изучения и подготовки к публикации архивных документов РГАНИ, аспирантка МГОУ, olgavlshenk@rambler.ru

Пименов Олег Владимирович – аспирант Волгоградского государственного университета, volgskimugyk@mail.ru

Пищук Матвей Дмитриевич – сотрудник отдела комплектования ведомственных архивов и делопроизводства ГА РФ, магистрант ИАИ РГГУ, pishuk.mat@yandex.ru

Плех Олеся Анатольевна – научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, к.и.н., plekh@mail.ru

Рягузова Анна Викторовна – преподаватель общеобразовательных дисциплин Липецкого областного колледжа искусств имени К.Н. Игумнова, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ryaguzova.anya@bk.ru

Танцевова Анастасия Владимировна – доцент Российского университета транспорта, к.и.н. tantsevova@mail.ru

Тимофеева Мария Андреевна – главный специалист РГАСПИ, mariya.chekalova.94@mail.ru

Цветков Эдуард Георгиев – учитель истории средней школы № 4 г. Ярославля, соискатель кафедры Всеобщей истории ЯрГУ имени П.Г. Демидова, egeo84@gmail.com

Червяков Руслан Юнадиевич – студент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, tcherviakov.ruslan@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Ахрамович Н.В.

- Коллективный портрет немецких политических эмигрантов,
подготовленных для работы по восстановлению Германии
в 1945 году 9

Ванюшина О.В.

- Революция 1905–1907 гг. в провинции (по материалам
Тверской губернии) 18

Виноградова А.С.

- «К другому пламени» (1929): самокритика трех «ренегатов» (Панаит
Истрати, Виктор Серж, Борис Суварин). 26

Ермаков В.А.

- Вопрос об отношении коммунистических партий к парламентаризму
на II конгрессе Коминтерна 1920 г. 34

Ефимов А.А.

- Попытка заключения контракта на создание системы уличного
городского освещения Гатчины в конце XIX века:
несостоявшееся государственно-частное партнерство. 41

Железова Н.П.

- Школа социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского
(1920–1925 гг.): практика воспитания беспризорных. 49

Жирова Н.С.

- Попытка индийской националистической партии «Гадар» создать
собственную секцию в Коминтерне (1926–1937 гг.) 59

Каторжевский П.Н.

- Коммунистические партии стран Европы «до» и «после»
еврокоммунизма 67

Козлова С.Ю.

- «Союз итальянских женщин» и Итальянская коммунистическая партия:
конфликт интересов и фактор двойного влияния
(1944–1982 гг.) 74

Косован Е.А.

Коминтерн в топонимии современной Украины в контексте процессов
декоммунизации83

Латышев А.В.

«Мертвая дорога» глазами самостоятельных туристов конца
1980-х – 1990-х гг.91

Лиманова С.А.

«Так сказал красный май»: организация столичных торжеств
под лозунгами Коминтерна весной 1919 года99

Маркова В.А.

Красные финны в Карелии (по материалам Национального архива
Республики Карелия)106

Осина О.В.

Протоколы общих партийных собраний парторганизации Отдела
культуры ЦК КПСС как исторический источник114

Пименов О.В.

Карикатуры в России и Германии как средство ведения
информационной войны в годы Первой мировой войны121

Пищук М.Д.

«Республики не будет». Еврейская АО и ее путь к самостоятельности
в 1990–1991 гг.127

Плех О.А.

Административно-полицейская реформа 1837 г. в зеркале
общественного мнения137

Рягузова А.В.

Противостояние Индийской революционной ассоциации
и представителя Коминтерна М.Н. Роя в Ташкенте в 1920–1921 гг. ..145

Танцева А.В.

«Коммунизм сметет все границы!»: идеи мировой революции
на страницах советских еженедельников в 1920-е годы154

Тимофеева М.А.

Дискуссии о сущности негритянского вопроса в США
в Коминтерне162

Цветков Э.Г.

Некапиталистическое развитие Тропической Африки
в 1960–1980-е гг.169

Червяков Р.Ю.

О роли идеологических трансформаций в вопросе изучения советской
карикуры 1970–1980-х гг.178

Научное издание

**ЛЕВЫЕ ИДЕОЛОГИИ, ДВИЖЕНИЯ
И ОРГАНИЗАЦИИ В ИСТОРИИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ АРХЕОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, РОССИЙСКОЙ
И ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Сборник избранных статей участников Девятой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2019»

Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2019
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12.
Тираж 000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

